

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

9
1966

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ —
О ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

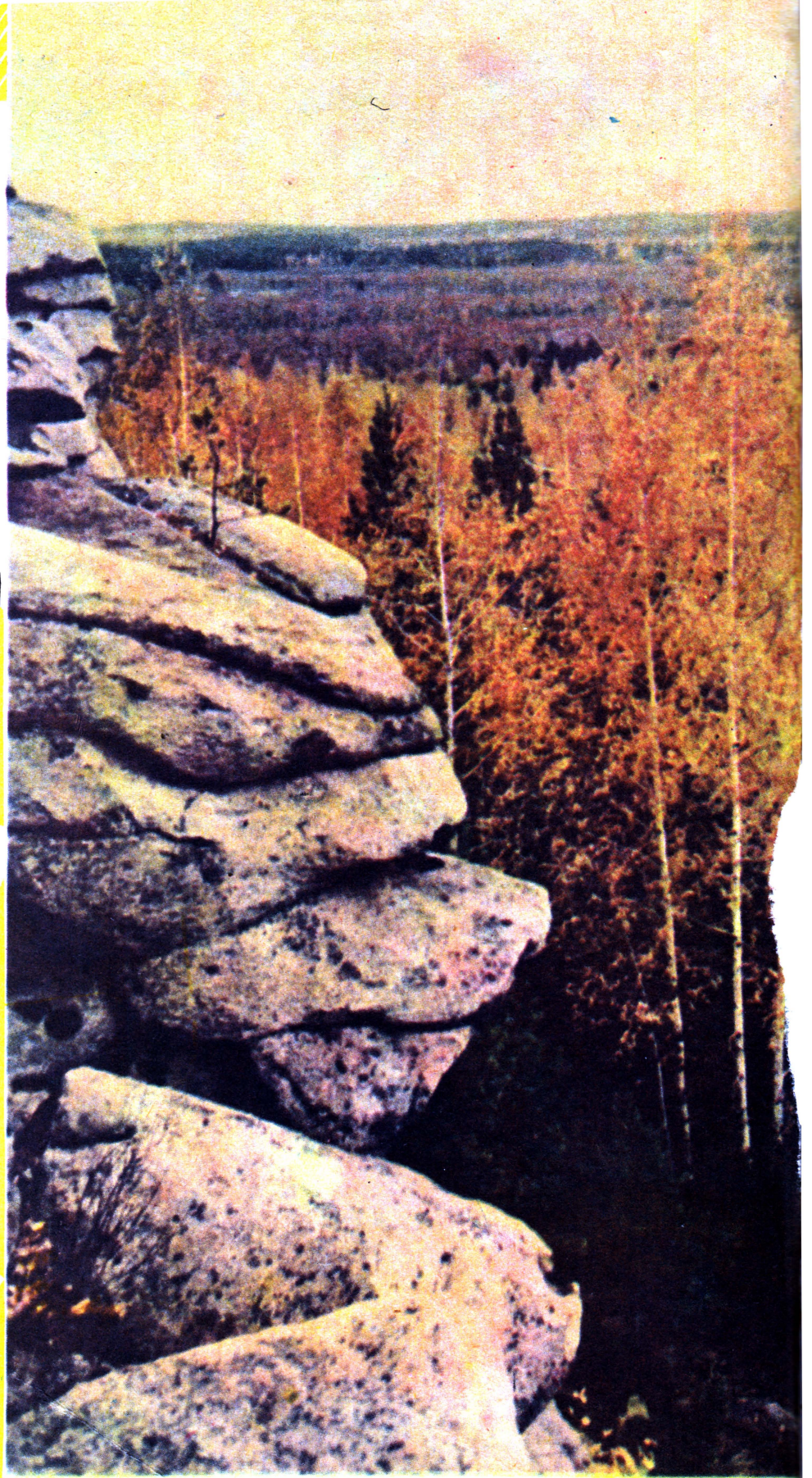
МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КЛЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

УРАЛЬСКАЯ ОСЕНЬ.

Фото Ивана Тюфяков

*И что всему придет своя пора.
Что есть черед раздумий и расплаты,
И ощущенья тяжести в крыле...
И видел я, как облака, заплакав,
Вновь возвратились к матери-земле.
Вновь возвратились. Их судьбу приемлю.
Беру их радость и беру беду.
Как теплый дождь идет в сырую землю,
Я от бездумья к разуму иду.*

* * *

*Твою любовь и верности завет
По жизни благодарно я несусь.
Но сколько без тебя встречать рассвет
В том подмосковном, ласковом лесу?
Дыханьем времени душа моя полна,
И дышит временем мелодия лесов,
И в этом мире ты до слез нужна
Всей горечью, всей болью моих снов.
Я без тебя теперь, как сам не свой,
А небеса прозрачны и чисты.
Вот самолет проплыл над головой
В ту сторону, где ждешь и веришь ты.
И я опять тревожусь и клянусь,*

*А ты прости, а ты меня пойми,
Что только потому, что я вернусь,
Легки дороги дальние мои.
И высоко я голову держу
Лишь потому, что я живу любя,
И к высшему земному рубежу
Иду с тобою.
Даже без тебя.*

* * *

*Живу немало в городе огромном,
Где облака — ну прямо на домах,
Привык внимать я городскому грому
И дым вдыхать на дружеских пирах.
Кольцо любви, признанья и почета...
Как будто так и протекал мой век.
И временами забывается природа —
Идет ли дождь, иль посыпает снег.
Но нет! Это минутное забвенья
В себя недолговременный уход.
Врываясь в городские сновиденья,
Меня природа за руку берет.
И выхожу из города ночного.
Он спит, устав от суеты дневной.
Я выхожу из города большого,
И звезды все крупнее надо мной.
И мне все чище дышится и чище.
Я мчусь в поля, на милый свой порог,
На встречу с черно-белым моим
счастьем —*

*С березой на развилке двух дорог.
От этой вот березы одинокой
И началась впервые песнь моя.
И, значит, моя первая дорога —
На спутанной дороге бытия.
Есть у меня свое простое чудо,
Как есть свое гнездо у родника, —
Весь век свой вытекает он оттуда,
Как ни была б дорога далека.
Распутываю тропы чувств и мыслей,
Запутываю тропы своих дней,
И вновь я прихожу к березе милой,
Чтобы не сбиться с музыки своей.*

* * *

*Край любимый, я понял, что сын твой
Лучше края нигде не найдет.
Вечер, синей махая косыночкой,*

По дороге навстречу идет.
Этим вечером солнце расколото.
Месяц — солнца осколок на небе.
По земле растекается золото
Благодарною песней о хлебе.
Словно звезды, горящие фары
Разбросала страда по полям.
Я удачу и счастье недаром
С земляками делю пополам.
Земляки мои, люди родные,
Вашу славу несущи сквозь года.
Повидавший просторы иные,
Я опять возвращаюсь сюда.
Здесь я все до конца понимаю,
И, на сердце согрев их сперва,
Я для лучших стихов принимаю,
Как бесценный подарок, слова.
Сколько мною еще не допето!
Как я счастлив, что вечно в долгу!
Я сегодня опять до рассвета,
До рассвета уснуть не смогу.

* * *

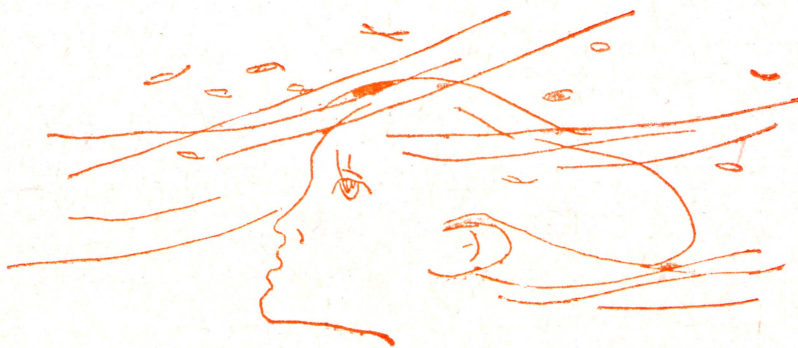
Уж все вокруг готовится ко сну.
Свою любовь, свою печаль я жду.
Все погружается в голубизну.
Стою один в сиреневом саду.
В руке букет — сиреневая птица —

Трепещет от ударов сердца робких.
Я жду тебя, и ожиданье длится
В ночном саду, у края узкой тропки.
Таинственна тропинка под луной,
Она не смеет нынче быть другою.
Она, как в сказке, станет золотой,
Едва ее коснешься ты ногою.
И слышу я дыханье Ак-Идели, —
Так чутко сторожу тебя, так жду.
Любимая! Ну что ж ты, в самом деле?
Стою один в сиреневом саду.

* * *

Как будто мало тоски на свете,
Что мы со счастьем вступаем в бой.
Ах, глупый ветер, осенний ветер,
Что ты наделал со своей судьбой?
Ах, как шумели леса густые,
Леса, что лаской ты полонил,
А ты на листья их золотые
Устало голову клонил.
Зачем ты, ветер, сделал такое?
Деревья голы, и в мире тишь.
Ну где теперь ты найдешь покоя,
К кому, усталый, ты прилетишь?
Ты вой голодным псом по дорогам,
Стучись напрасно в мое окно.
Опавших листьев, прошу, не трогай,
Ты видишь — листья мертвы давно.

Перевела
Светлана КУЗНЕЦОВА

РАЗВЕДЧИКИ

«Разведчики» — воспоминания, написанные Елизаветой Александровной ПАРШИНОЙ. В 1936—1938 гг. она работала переводчицей в интернациональных частях в Испании и принимала участие в выполнении боевых заданий командования.

Мы публикуем отрывки из рукописи с фотографиями, сделанными в Испании.

Е. А. Паршина. 1945 г.

Под Мадридом шли бои. В это зимнее утро заря занялась дружно и ярко. Небо чистое-чистое. Не могу сказать, чтобы нас это обрадовало. В такие дни фашисты бомбят по несколько раз. Истребителей в республиканской авиации так мало, что летчикам совсем не приходится отдыхать.

Зима здесь почти бесснежная, но довольно холодная. Летчики, одетые в кожаные пальто и сапоги, сидят в самолетах в ожидании вылета, а я — на командном пункте у телефона, жду сигнала тревоги из Мадрида. У меня вечно красный нос и посиневшие непослушные пальцы. Самсонов может позвонить в любую минуту. Его наблюдательный пункт находится на верхнем этаже самого высокого в Мадриде здания, откуда хорошо просматривается горизонт. Самсонов изредка окликает меня. По первой тревоге истребители поднимаются в воздух и улетят в бой, а мы, все оставшиеся, будем переживать. Особенно волнуются механики. Они не сводят глаз с неба, пока вдали не покажутся маленькие черные точки — наши ястребки. Тогда все, кто находится на командном пункте, выбегают на поле. Самолеты снижаются и с веселым рокотом идут на посадку. При посадке каждого самолета начальник штаба тревожно вытягивает шею: капотнет или не капотнет? Летчики все очень молодые и на этих быстрых самолетах летают совсем недавно. Когда все машины заруливают на свои места и становится ясно, что потерь нет, я бегу на командный пункт и опять сажусь у телефона. Через некоторое время повторяется то же самое.

Потеря за неделю была одна — погиб летчик Пожаров. Его самолет не дотянул до аэродрома каких-нибудь несколько сот метров. Товарищи собрали то, что можно было похоронить. На мертвой обгорелой руке часы продолжали отсчитывать секунды и минуты...

Поле пока безлюдно. Первые лучи солнца скользят по траве, сгоняя хрупкий иней.

— Хосефа, ты слушаешь? — раздается голос Самсонова.

— Слушаю.

— Сейчас на улице Алкала упал снаряд.

— Убило кого-нибудь?

— Нет, обошлось. Что-то сегодня «Юнкерсов» не видно.

Молчу. Может, сегодня «они» не прилетят? Мысли возвращают меня к первым дням приезда в Испанию. Вспоминается разочарование, когда вместо фронта я получила направление в штаб авиации. Провожавший выдал мне на руки очень красивую бумагу с огромной печатью, в которой значилось, что сеньорита Хосефа Перез Эррера направляется на военный аэродром в Альбасету.

— Ты слушаешь, Хосефа? — прерывает мои размышления Самсонов.

— Да.

На пороге командного пункта появляется начальник штаба.

— Связь с Мадридом есть? — спрашивает он строго.

— Самсонов у аппарата.

— Скажите...

Но Самсонов не дал мне дослушать.

— Идут!.. Три... пять... — раздается в трубке.

— Пять в воздухе! — повторяю я громко.

— Курс? — настораживается начштаба.

— Курс? — переспрашиваю у Самсонова и слышу в ответ:

— Девять... пятнадцать... На Мадрид!

— На Мадрид пятнадцать!

Начштаба как ветром сдуло. На поле уже рокочут моторы. Через минуту самолеты отрываются от земли и, рассекая со свистом воздух, проносятся над головой.

А из Мадрида опять:

— Хосефа, ты слушаешь?

— Слушаю...

— Двадцать семь изменили курс, идут на вас! Я бросаю трубку и выбегаю из комнаты. Нач-

штаба стоит около дежурного звена Сережи Черных. Заметив меня, он взглядывает на небо. Эскадрилья фашистских бомбардировщиков уже появилась на горизонте. Звено Черных запускает моторы. На аэродроме все пришло в движение. Часть фашистских самолетов отделилась и пошла на Гвадалахару. Стартеры и грузовики, наспех подбирая рабочих и механиков, устремились в поле. Далеко отъехать мы, конечно, не успели. «Юнкерсы» висели уже над самым аэродромом. Не успела я броситься на землю, как начали сыпаться бомбы. Над аэродромом поднялась темная завеса пыли и дыма. Несколько самолетов проносятся прямо над нашими головами. Прижимаюсь плотнее к земле и начинаю присматриваться к тому, что происходит в небе. Расстроенный отряд бомбардировщиков уходит на север; вокруг тяжелых бомбовозов кружат три наших ястребка. Они то стремительно взмывают вверх, то пикируют в самую гущу «Юнкерсов», проносятся через их строй и опять пикируют. Это длится до тех пор, пока самолеты не скрываются из вида.

На аэродроме горят оба ангара и какие-то постройки. Летное поле чернеет десятками воронок и навалами развороченной земли. Командный пункт устоял, но один из углов разбит, раскрошенные кирпичи краснеют, как открытая рана. Внутри полный разгром. Осколками пробито все, даже забытый на столе портфель, спинки и ножки стульев. Хороши бы мы были, если бы остались...

Через несколько минут над полем раздался привычный гул моторов. Это возвращаются наши самолеты, вылетавшие к Мадриду. Начштаба, встревоженный, выбегает в поле.

— Отставить посадку! — кричит он, взмахивая короткими руками. Истребители кружат над аэродромом, выбирая «живое» место. Садиться решительно негде, но ребята обязательно хотят сесть «дома». Начштаба громко ругается, приседая от натужного крика и потрясая над головой кулаками.

— Кш!.. Кш!.. — кричит он, раскрасневшись. — Побьются, черти!

Механики, спотыкаясь, бегают по полю и тоже машут руками. Наконец, летчики отказались от посадки, возможно, из опасения кого-нибудь из нас придавить... Один все-таки сел и, думаю, тут же пожалел об этом: красный и охрипший, к нему несли начштаба. Поравнявшись со мной, он зло прикрикнул:

— Хосефа, идите к телефону!

Пока наш аэродром приводили в порядок, оперативная группа штаба снова перебралась в Альбасете, в небольшой охотничий замок километра в пяти от города. Здесь было тихо

и пустынно. На большом летном поле стояло только несколько авиеток да трофейный «Юнкерс». Боевые машины перегнали на аэродромы и посадочные площадки, разбросанные по всей республиканской территории.

В свободное время я старалась пополнить мои весьма скромные знания испанского языка. В основном мне приходилось заниматься переводами при обучении летному делу испанских механиков. Они очень быстро приобретали необходимые навыки и улетали на фронт. Мне тоже хотелось туда.

...Вечерами работники штаба, свободные летчики и дежурные собираются посидеть у горящего камина, рассказывают о положении на фронтах, о героической обороне Мадрида, о жизни в Валенсии, куда переехали генштаб и правительство.

Сведения с фронтов поступали довольно противоречивые. События развертывались слишком быстро, и общая обстановка была не всегда понятной.

В один из таких вечеров, когда все разошлись и в большом зале остались только дежурный телефонист и я, стало особенно тоскливо. За высокой чугунной решеткой камина горел и не сгорал все один и тот же толстый кусок ствола старого кедра. Легкие тени скользили по золоченым рамам больших полотен с изображением сцен охоты. Разговор не вязался, и паузы затягивались. Пришли два бойца, наряженные в караул. У каждого в руках были винтовка и большая белая подушка. Сначала я не понимала предназначения подушки, все догадки на этот счет казались слишком нелепыми. Действительность оказалась намного богаче моего воображения: оказывается, часовые ночью спокойно ложились отдыхать... Следом за ними появился заместитель начальника штаба Григорьев.

— Вы, кажется, хотели на фронт? — обратился он ко мне.

— Конечно!

— Так вот, завтра за вами приедут. Приготовьтесь.

Я ушла собираться к отъезду. Собственно, собирать было нечего, просто хотелось подумать наедине. Плохие предчувствия меня никогда не мучили. Мне везло. Разве не был знаменательным первый день приезда в Испанию? Помню, с аэродрома в Барселону меня доставила попутная машина, и шофер остановился у дверей отеля по своему выбору. Не успела я зайти в номер, как раздался телефонный звонок. Не доумевая, я все же взяла трубку и сказала обычное: «Алло!».

— Алло! Барселона?

— Барселона... — ответила я нерешительно.

— Лиза, это ты?
 — Я... — Меня действительно зовут Лизой, но кто мог знать?
 — Что же ты не едешь?
 — Я еду... То-есть, я приехала...
 «Наверно, сотрудники посольства разыскивают вновь приехавших, а по имени называют для конспирации», — подумалось мне.
 Мой собеседник был, видимо, озадачен. Несколько секунд он молча дышал в трубку, потом с беспокойством переспросил:
 — Лиза, это ты?
 — Конечно, я... А кто говорит?
 — Как кто?.. Михаил!
 — Какой Михаил?
 — Кольцов.
 — А! Михаил Кольцов, я вас знаю! — обрадовалась я.

— Знаешь меня? Ничего не понимаю! Лиза, это ты?
 — Я, только, видите ли, я вас знаю, а вы меня никак не можете знать.

В трубке все стихло, потом послышался легкий вздох, и тот же голос грустно произнес:

— Лиза Кольцова — моя жена...

— Теперь все понятно, — рассмеялась я. — Наверно, ваша жена была в этом номере и сегодня утром уехала. — Кольцов тоже рассмеялся. Удивительное совпадение! Позже я познакомилась с Лизой Кольцовой и убедилась, что голоса у нас действительно были похожи. Мне было очень приятно, что первый русский, которого я встретила на испанской земле, назвал меня просто, по домашнему, Лизой.

На другой день меня познакомили с молодым человеком, одетым в полувоенную-полугражданскую форму, какую обычно носили наши советники. Во внешности его не было ничего особенно примечательного. Крепкого сложения, открытое лицо с правильными чертами, светлые глаза. Молодого человека звали Артуром. Он был немногословен и сказал, что мы едем в Малагу, где находится его разведотряд. Там, на юге, фашисты сосредоточивали крупные силы для нового наступления, и отряду Артура предстояли горячие дни.

И уже вскоре мы вели там разведку, подрывали мосты на железнодорожной магистрали, соединявшей Центральный фронт с югом, откуда фашисты перебрасывали войска и оружие.

Весной тридцать седьмого года, после падения Малаги, наш отряд перебазировался в Гвадалахуру.

В Гвадалахаре нас приютил советник фронта полковник Ратнер, всесторонне образованный человек, гостеприимный хозяин и прекрасный товарищ. Он посоветовал нам присоединиться к одиннадцатой интернациональной бригаде, ко-

торая участвовала в боях на Гвадалахарском фронте.

Так мы и сделали. И оставались в составе этой бригады до самого отъезда из Испании.

В первые дни мы бывали на различных участках фронта, знакомились с людьми, с новой обстановкой. Потом вернулся из Мадрида Артур — наш командир, офицер интернациональной бригады и советник фронта по разведке. Испанского языка он не знал, как и многие добровольцы, принимавшие участие в борьбе за свободу Испании, и прибежал к моей помощи.

Из Мадрида Артур привез приказ, согласно которому мы должны были выехать на берега верхнего Тахо. Там понесла большой урон группа разведчиков. В числе погибших оказался и ее руководитель капитан Цветков.

Пока Клаудио, наш бессменный шофер, тщательно осматривал машины, наполнял бензином запасные баки и менял покрышки, отряд успел подготовиться к дороге.

На место назначения прибыли ранним утром. Среди равнины, покрытой почти сплошными замшелыми каменными плитами, неожиданно открылась маленькая зеленая долина. Под кронами темнолистных смоковниц белела небольшая вила, увитая розами и диким виноградом. Здесь временно разместился штаб объединенных разведотрядов различных интернациональных подразделений.

Командиры занялись разработкой плана совместных действий, а мы стали знакомиться с новой обстановкой. Уклад жизни здесь был несколько отличным от нашего, и нам не хотелось выглядеть «провинциалами». Бойцы интернациональных бригад и испанские были одеты в военную форму. Среди них оказались известные испанцы-разведчики. Во дворе было шумно и весело.

Солнце уже поднялось высоко и палило нещадно. Северяне укрылись в тени под виноградными листьями, но андалузцы не обращали на жару никакого внимания. Хосе, наш сержант, стоял на самом солнцепеке и выглядел весьма живописно: на голове широкая черная шляпа, на шее красный платок, завязанный узлом, большие спокойные руки лежат на темном кушаке, дважды опоясывающем талию. Я села в тени рядом с невысоким улыбчивым хорватом Иваном Харишем и стала его разглядывать. Хорватов я раньше никогда не видела. Мне почему-то казалось, что они должны быть темноволосые и кареглазые, а этот был почти белобрысый. В его светлых глазах и подвижном лице искрился неистощимый запас юмора. Кроме русских и испанцев здесь были чех Тихий, американец Алекс, итальянец, черногорец и финны. Наибольший интерес у наших бойцов вызвал хорват. Разведчик Ретамеро безуспешно пытался добиться

от него ответа на вопрос: кто он такой? О Хорватии он ничего не слышал и думал, что его просто разыгрывают.

— Где вы живете? — спрашивал Ретамеро уже в третий раз.

— На Балканах, моя родина называется Хорватия.

— Никогда не слышал. Вас, наверно, немного?

— Нас с русскими двести миллионов!

— Двести миллионов?! — простодушно удивляется Леон.

— Наверно, у хорватов много земли, — замечает Куэва.

— Земля есть, только не у нас... Нашей землей завладели богачи и иностранцы, а у тех, кто трудится, — один камень.

— Совсем как у нас, в Андалузии, — отозвался Барранко.

— А что у вас едят? — не унимается Ретамеро.

— Все. Все, что можно разжевать и проглотить, — смеется хорват.

Молину, видимо, такой разговор не устраивает. Он недовольно ворчит. Надо говорить серьезно, а не зубоскалить. Молина хочет знать, чем живут люди, если кругом один камень. В Андалузии у крестьян тоже нет земли, и старик хочет знать, как с этим быть дальше и что думают об этом люди в других странах.

— А кто здесь еще есть из вашего отряда? — спрашивает он с надеждой.

— Финны.

— Какие это? Такие высокие, которые молчат?

— Во-во! Высокие, белокурые, и говорить, действительно, не горазды.

— А что у них в стране есть? — допытывается Молина.

— У них озера и леса, болота и опять леса.

— А где же они сеют?

— Наверно, где придется.

— Надо бы с ними самими поговорить, — обиженно ворчит Молина.

Но финны ушли чистить оружие, и вопрос выяснять не у кого.

— Интересно все-таки, что они едят? — вслух размышляет Леон.

— Наверно, рыбу, что ж больше, если кругом одни озера, — замечает Сальвадор.

Тихий, высокий молодой чех, с очень открытым и приветливым взглядом темно-серых глаз, сидит в сторонке и особого желания участвовать в разговоре не проявляет. Возможно, ему не хочется вспоминать, что едят безработные пражских предместий.

После совещания Артур собрал нас в глубли-

Артур Карлович Спрогис. 1937 г. Испания.

не двора под тенью густых зарослей вьющихся роз. Было прохладно и тихо. Подошли бойцы из отряда Цветкова. Все они были молоды и, видимо, малоопытные разведчики. Артур велел отдать им два автомата и кратко объяснил задачу. Для наших бойцов такие операции не были диковинкой. Мы больше месяца находились как раз в среднем течении Тахо. Здесь железная дорога проходила на расстоянии от трех до двенадцати километров от реки.

Решили, что бойцы Цветкова будут выходить с нашими. Ретамеро остался без автомата и горько жаловался, конечно, не Артуру, а мне:

— Автомат — мой папа и моя мама. Куда я без него?..

Молина отдал свой автомат без особого сожаления: он больше доверял винтовке.

Отряды действовали на широком фронте. Выходили на задания по ночам, а днем отдыхали и готовились к новой операции. В первую ночь поставили серию мин, в том числе замедленного действия. Неделя прошла без потерь. Зато дви-

жение фашистов по железной дороге стало практически невозможным. Ночью они не решались пускать поезда, а днем их бомбили республиканские летчики.

Бойцы капитана Цветкова приободрились, найдя в новых товарищах настоящих боевых друзей.

В эти дни наш отряд пополнился самым неожиданным образом. Как-то ранним утром Артур уехал в Мадрид, а я по обыкновению отправилась в казармы. На дворе никого не оказалось, и я прошла прямо в столовую. Там тоже было пусто, но я заметила, что при моем появлении кто-то поспешно скрылся за дверью. Понеслись грузные шаги, и навстречу вышел Хосе. Он был смущен и молчал. На выручку ему пришел появившийся Ретамеро. Он имел обыкновение говорить очень быстро, хотя и знал, что я понимаю с трудом. Правда, чтобы его поняли, он повторял одну и ту же фразу несколько раз.

— Хосефа! — говорил Ретамеро с нарастающей энергией. — К нам приехала сестра Хосе, жена Бонильи, свояченица Барранки и тетя Энрике — Кармен Мария, Паулина...

— Кто разрешил?

— Мы сами не ждали! Но, когда есть маленькие дети...

— Кто маленький?

— Дочь Бонильи, конечно.

— Но ведь ты только что сказал, что приехала его жена.

— Конечно, дочь не могла приехать одна — ей три года...

— Ну, хорошо, а какие еще маленькие дети? Надеюсь, что тетя Энрике и сестра Хосе...

— Что ты! Что ты! Это я вообще сказал, что когда есть маленькие дети, надо повидаться, а тетя Энрике и сестра Хосе...

— Не томи, сколько всего приехало вместе с маленькими?

— Я же сказал: жена Бонильи с маленькой Солли.

— А другие?

— Какие другие?!

— Постой...

— Хосефа! Как ты не можешь понять? Сестра Хосе — это жена Бонильи, следовательно, она также и сестра Клаудио, а Солли приходится им обоим племянницей; Барранко женат на сестре матери Солли — Кармен Марии, то есть на Эльвире, а отец Энрике... их брат...

— Давай начнем сначала.

Когда ребята хором начали объяснять мне все сначала, я уже ничего не могла понять и начала вертеть головой, отыскивая глазами Клаудио, — он лучше всех умел объяснять запутанные вещи. В данном случае Клаудио, как заинтересованное лицо, скромно помалкивал, стоя

в сторонке. Встретив мой умоляющий взгляд, он поднял над головой два пальца: приехали два человека — Мария Кармен, имевшая и другие имена, и ее маленькая дочь Солли.

Через некоторое время приехали еще две женщины с детьми. С продольствием в стране становилось все хуже; особенно страдали люди, оторванные от дома и обремененные детьми. При отряде, конечно, можно было прокормить и семьи, но тогда это был бы уже не отряд. Пришлось заниматься устройством семей в городе.

Жизнь шла обычным порядком. После непродолжительного отдыха выходили на разведку небольшими группами. Командование требовало уточнить, не производится ли на Гвадалахарском фронте перегруппировка войск противника. В эти дни удачную операцию провел Хосе с Ретамеро, Бонильей, Франциско и Куэвой.

Углубившись на территорию противника на несколько километров в районе Утанде, они вышли на шоссе и стали ждать удобного случая, чтобы захватить пленного. Вскоре послышался цокот копыт, и на дороге показалась пять всадников. Хосе вышел вперед и приказал остановиться. Ему ответили фашистским приветствием, очевидно, полагая, что здесь застава.

— Арриба Испания!

— Какая тебе «Испания»! — насмешливо ответил Хосе. — Мы красные!

Один из фашистов выстрелил и погнал коня, но очередь из автомата сбросила его на землю; остальные спрыгнули с коней и подняли руки.

На допросе выяснилось, что двое из захваченных были офицерами: один — командир батальона, другой — предатель, бывший лейтенант республиканской армии, недавно перебежавший к фашистам. В его портмоне хранился документ, выданный командованием корпуса, в котором отмечались заслуги предателя и объявлялась благодарность за предоставление ценных сведений о республиканской армии.

Дня через два ко мне пришел Ретамеро. Вид у него был обиженный и растерянный. Он поздоровался и молча протянул свежую газету с большой статьей, отмеченной красным карандашом. Я начала читать, но Ретамеро не вытерпел и начал с возмущением рассказывать:

— Хосефа, смотри, один лейтенант присвоил себе нашу операцию... Он был на том участке, где мы переходили фронт, и проводил нас только до переднего окопа, а здесь написано, что бойцы под его командованием зашли в тыл противника и захватили двух офицеров!..

Я тоже возмутилась и побежала к Артуру.

— Очень хорошо, — сказал Артур, когда я прочла ему статью. — Чем меньше будут о нас говорить, тем лучше.

— Но ведь ребятам обидно!

Отряд разведчиков, которым командовал Спрогис в 1936—1937 гг.

— Тем, кто хочет собирать аплодисменты, в разведке делать нечего. Говорить и писать будут не о нас... Пойди и объясни это бойцам.

Конечно, Артур был прав, но все-таки обидно. Мы с Ретамеро отправились в отряд. Бойцы ждали нас во дворе. Здесь собрались все, даже повар. Один Бонилья сидел в стороне под тенью дерева и держал на коленях маленькую Солли. Девочка пыталась ухватить отца за нос и громко смеялась. В эту минуту Бонилья казался счастливым, и я не могла не разделить его радости. Разве не для того мы воевали, чтобы дети могли весело и беззаботно смеяться? Я невольно засмотрелась на Солли и на минуту забыла о злополучном лейтенанте.

— Что ж, так и останется?! — заговорил Рафаэль, бросая взгляд на газету, которую я все еще держала в руках.

— Да, так и останется. Чем меньше будут о нас говорить, тем лучше. Описать эту операцию в газете стоило, это хороший пример для подражания, но мы не станем хуже от того, что ее припишут другим товарищам.

— Хорошо. Тогда пусть этот лейтенант докажет по-настоящему, что он герой, — заключил Хосе.

— Жаль только, что он социалист, — заметил Молина.

— Но ведь вы — беспартийные, — засмеялась я.

— Мы как раз собираемся записываться в Коммунистическую партию.

Через несколько дней, действительно, почти все бойцы отряда подали заявления о вступлении в Коммунистическую партию Испании.

В эти дни успешно началась крупная операция республиканских войск под Бельчите. Весть

о героизме испанских бойцов и бойцов интернациональных бригад в этих боях быстро облетела страну. Рассказывали, что на фронте была Долорес Ибаррури. Ее имя уже знал весь мир.

Бойцы нашего отряда с нетерпением ждали нового задания. Через некоторое время командование поручило нам провести операцию в глубине тыла противника — захватить связного на пути от главной ставки фашистов в Бургосе к Теруэлю. Артур решил руководить этой операцией сам.

Началась тщательная подготовка. Предстояло пройти более двадцати километров до шоссе, преимущественно горами.

Часть отряда оставалась с Клаудио. Он должен был прикрыть обратный переход через линию фронта и в случае надобности организовать поиск. Подготовкой материальной части занимался старик Молина. Он был самым опытным, и в отряде его слушались беспрекословно. Несмотря на глубокие морщины и седые волосы, Молина отличался удивительной энергией. Его выносливость превосходила всякое представление о пределах человеческих сил. Казалось, он не страдал ни от жары, ни от голода, ни от жажды и легко проходил десятки километров.

Перед самым отъездом я наполнила флягу свежей водой.

И вот наши машины мчатся по шоссе, оставляя за собой густые клубы пыли. День стоял безветренный, жаркий. До места назначения около семидесяти километров. Впереди показались невысокие горы, скоро дорога вошла в горную долину и постепенно начала подниматься все выше и выше. Наконец последний поворот. Дальше ехать нельзя: за поворотом дорога проходит на виду у противника, круто спускаясь к небольшо-

му деревянному мосту через Тахо. Здесь река гораздо уже, чем у Толедо, но довольно глубокая и быстрая. Противоположный берег крут и обрывист, прибрежные скалы покрыты редкими кустами и зарослями колючек.

Кроме моста, переправ нет. С наступлением темноты мы должны проскочить через мост и углубиться в узкую расщелину, уводящую в тыл фашистских позиций.

Черная тень от высокой горы постепенно наплывала на землю, поглощая рощи и долины. Над вершинами скал еще синел уходящий день, а из ущелья уже поднимался холодок. Проводник, пожилой неразговорчивый крестьянин, сидит рядом с Артуром. В этих местах он прожил всю жизнь; его село находится рядом, на занятой фашистами территории.

— Пора,— сказал проводник, вставая.

Артур предложил:

— Мы можем зайти в деревню и забрать вашу семью.

— Надо землю брать! Без земли все равно ни здесь, ни там не прокормишься, — ответил крестьянин.

— Что ж, тогда пошли.

На здешних позициях стоял республиканский батальон. Командир, предупрежденный о нашем переходе, был готов оказать любую помощь. Несколько молодых офицеров пробовали уговорить Артура взять их с собой, но Артур согласился взять только одного, да и то только до моста. Противоположный берег еще освещался солнцем, а наш погрузился в плотную тень. Густой кустарник, покрывавший склон до самой воды, дал возможность начать спуск еще до наступления ночи. Слышно было, как шелестят веревочные подметки альпаргат, осыпаются мелкие камешки. Но вот, наконец, и мост. Офицер, провожавший нас, отступил в сторону. Дальше пойдем одни.

Первыми отправились Хосе и Артур. Мы должны ждать пять минут. Если за это время ничего не произойдет, то следом должна идти я с проводником и двумя автоматчиками; в случае стычки Артура и Хосе с противником все мы немедленно должны вступить в бой.

Прошло пять минут. Тихо. Я ступаю на мост и, пригнувшись, бегу. Через полминуты наткнулся на Хосе, и он направляет нас влево, к ивняку, а сам остается встречать следующих. Больше не увижу Хосе до самого утра: он будет идти замыкающим. Через десять минут в ивняке у моста собрался весь отряд. Лежим на земле и прислушиваемся. Тишину нарушает только шум потока. Затем мы поднимаемся и перебежками по три человека пересекаем открытое место — до устья глубокого ущелья, врезающегося в долину реки справа. Дальше идем цепочкой: впереди Артур,

проводник и я, за нами — Бонилья с группой автоматчиков, потом пулеметчики, автоматчики и Хосе. Всего нас шестнадцать человек. В ущелье почти абсолютная тьма. Дно завалено большими каменными валунами и мелкими обломками скал. Идти трудно. Ноги все время срываются с камней и попадают в ямки с холодной родниковой водой. Выбираемся на склон. Здесь немного лучше, но донимают колючки. Шум потока слышится все слабее. Мы углубляемся в расположение противника почти по прямой линии. Ухо ловит шелест скатывающихся камней, дыхание идущего сзади Бонильи, какие-то невнятные шелесты в кустах. Так проходит около часа. Теперь можно считать, что через линию фронта прошли благополучно.

Отряд поднимается все выше и выше. Идти становится трудней. Наконец Артур останавливается и ждет, пока мы соберемся около него. Дальше — отвесная скала, приходится подсаживать друг друга. Ставим оружие на предохранители и карабаемся, цепляясь за кустарники. Вот и вершина. Здесь немного светлей. Впереди — понижающееся к северу плато и темное пятно деревни.

— Деревню обойдем слева, — говорит проводник.

К рассвету он вывел нас почти к самому шоссе. Когда до него оставалось не более километра, Артур объявил привал и разрешил позавтракать. Мы укрылись в небольшом загоне для скота и с облегчением опустились на землю. На рассвете холодновато. Хочется свернуться клубочком и поспать. Небо быстро светлеет, все отчетливее становятся силуэты отдельных деревьев, разбросанных по полю. Кажется, что деревья оживают и идут к нам. Заголубели на горизонте дальние цепочки холмов. Трава взмокла от росы и стала жгуче холодной.

Через час Артур встает.

— Пошли!

Теперь предстоит самое главное — выход на шоссе и захват пленного. Как это будет, не знаю, да этого и никто не может знать. По плану, на шоссе должны выйти Хосе, Ретамеро и Амарильо. Они будут останавливать машины, выдавая себя за дорожный контроль.

Последний бросок делаем быстро. Через полчаса мы уже на вершине невысокого холма, вплотную подступающего к шоссе. Здесь дорога делает поворот и проглядывается с холма в двух направлениях. Установили пулеметы — по одному на каждом склоне, обращенном к дороге. За каждым пулеметом по три бойца, мы с Артуром за средним, в резерве один Бонилья. Теперь оставалось только ждать. Постепенно всходит ясное спокойное солнце, становится теплее.

Артур приподнялся на локтях и, щуря глаза, всматривается вдаль. Прислушиваюсь. Почудился отдаленный шум мотора. Наверно, Артур тоже слышит. Он привстал и машет рукой Хосе. Ребята загалдели.

— Тихо! Не высовывать голов! — напоминает Артур.

Показывается легковая машина. Хосе выходит на обочину дороги и поднимает руку — по-фашистски — ладонью вниз. Машина замедляет ход и останавливается около него. Хосе берется за ручку дверцы. Из машины раздается выстрел. Догадались, собаки! Подбегает Ретамеро с автоматом, Амарильо быстро заходит с другой стороны машины, но дверца открывается и на шоссе кубарем выкатывается человек в форме. Подскочив, он в два прыжка оказывается в кювете. Амарильо не успевает выстрелить. Фашист, пригнувшись, бежит вдоль кювета. Через несколько секунд он будет прямо перед нами. Артур бросается ему наперерез. Хосе и Ретамеро вытаскивают из машины двух военных и обезоруживают их. Артур прыгает в кювет, настигая фашиста. Несколько секунд их не видно, потом Артур показывается на шоссе один и, не спеша, идет к легковой машине.

Все это произошло так быстро, что, мне кажется, Артуру не удалось схватить фашиста, и я смотрю в том направлении, куда тот сбежал. Оттуда на полной скорости мчится мотоцикл. От неожиданности я оторопела. Наши столпились у легковой машины и пока еще не замечают мотоциклиста.

— Мото! — кричу во все горло и срываюсь с места. Через мгновение спотыкаюсь и — носом в траву. Мимо промелькнул Бонилья. Он успевает сбежать по склону как раз в тот момент, когда мотоцикл появляется из-за поворота и сбавляет скорость. Бонилья подбегает и одним ударом сваливает мотоциклиста на землю. Теперь все собираются у мотоцикла. Но что они мешкают? Надо скорее оставить шоссе, пока оно пусто. Условились, что знаком для этого будет служить белый платок. Достаяю его из кармана, но в это время поднимает тревогу пулеметчик с правого склона. Поворачиваю голову, и рука с платком замирает в воздухе. Из-за поворота на шоссе выезжает грузовик с солдатами в красных беретах, за ним второй... По ним может стрелять пока только один пулемет.

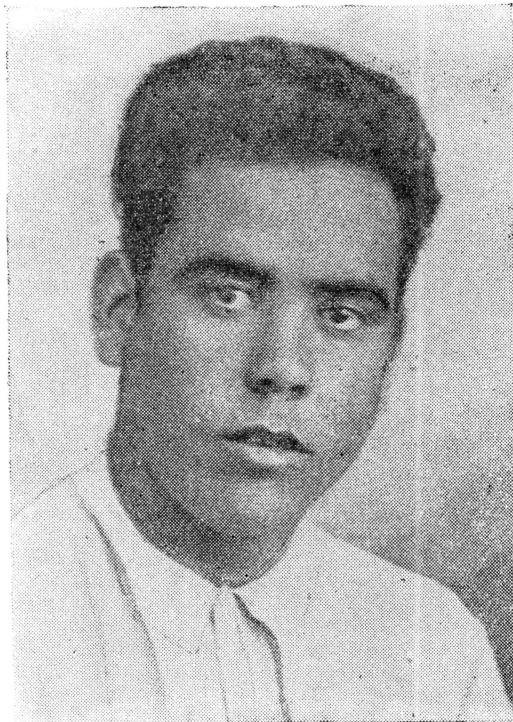
— Не стреляй! — кричу я Франциско. — Бери на прицел второй!

Те, кто на шоссе, заметили грузовик, когда он появился в зоне огня среднего пулемета. Третий пулеметчик, Куэва, быстро занимает позицию рядом с Франциско. Нужно выждать несколько секунд, пока наши внизу не отскочат в сторону. Рафаэлю у первого пулемета не видно, что делается на шоссе.

— Хосефа! — кричит он. В его голосе отчаяние и мольба, он вцепился в рукоятку пулемета и подпрыгивает от нетерпения.

Наконец первый грузовик начал тормозить, сзади него оказывается второй. Артур вскинул маузер и выпустил всю обойму по кабине первого грузовика. Разом застрочили все три пулемета. Из автоматов стрелять нельзя, у них большая рассеиваемость, а наши еще на шоссе. Фашисты были совершенно ошарашены.

Пока пулеметы вели огонь, наши покинули шоссе и начали подниматься по водостоку на холм. Фашисты залегли в кузовах, потом начали

Разведчик Франциско Гарсилья (Моро).

Самый юный боец отряда 16-летний Эмилио Лопес.

прыгать через борта и, укрывшись в кюветах, стали отстреливаться. Над головой просвистели пули. Все наши, кроме пулеметчиков, отошли за гребень холма. Вдруг пулемет Куэвы замолчал. Вижу, как он возится с затвором.

— Что у тебя с пулеметом?

— Заело...

— Черт бы тебя заел!— ругаюсь я по-русски.

Мне самой хотелось побыстрее перебежать на обратный скат холма, но снимать пулеметы, пока наши все не собрались вместе, было нельзя.

Через несколько минут бой был закончен. Фашисты еще постреливали, отходя по кювету. Из наших раненым оказался один Рафаэль, да и то легко. Кажется, ничего не растеряли. А где моя фляга? Наверно, забыла на том месте, где стоял пулемет. Без воды не обойтись, придется возвращаться. Но как только я показываюсь на вершине холма, из кюветов раздаются несколько выстрелов. Как же быть с флягой, черт возьми!

— Пошли!— кричит Артур.

Снова бросаюсь за флягой и снова отступаю.

— Что ты там вертишься?— не выдержал Артур.

— Флягу забыла...

— Пойдешь без фляги.

— В такую жару?!

— Тогда беги за флягой, а не крутись здесь, как щенок за собственным хвостом!

Тоже придумал— щенок!.. Пришлось бежать.

Теперь все в порядке. Только сейчас заметила, что у нас двое пленных. У Артура на боку полевая сумка—наверно, снял с мотоциклиста. Немного отдышавшись, осмотрелись. Перед нами лежали пустынные, опаленные солнцем холмы. Вдали какая-то деревня. Надо скорее убраться с этого места. Возможно, грузовики были авангардом какой-либо части, и ее можно ждать с минуты на минуту.

Проводник говорит, что часа через три мы выйдем в горы. Несколько километров молча идем за ним. Справа и слева—боковые дозоры.

Постепенно холмы становятся все круче. Кругом тишина. Время перевалило за полдень. Воздух горяч, как в печке, в висках постукивают молоточки. Каждый раз, как я прикладываюсь к фляге, не забываю крикнуть ребятам, чтобы не пили все сразу. Как это получилось, что у меня вода кончилась раньше, чем у остальных?

Наконец, мы в горах. Перед нами глубокое ущелье, но противоположный скат крут и каменист. Внизу красноватые камни, разбросанные по руслу высохшего ручья, кое-где виднеются темные поросли колючек и высохшей травы.

— Куда выводит это ущелье?— спрашивает Артур.

Проводник молча всматривается в дальний кряж.

— Это ущелье выводит к Тахо, но оно очень извилисто. Лучше перевалить вон за тот кряж, левее, там прямое и глубокое ущелье.

— Пошли!

Хосе время от времени поглядывает в мою сторону: наверно, боится, что я сорвусь. Интересно, есть ли у них вода? Бонилья, точно угадав мои мысли, останавливается, снимает с пояса флягу и отвинчивает пробку. Заглянул внутрь, потряс. Нет, пусто. Он поджидает Хосе и о чем-то спрашивает его. Тот смотрит в мою сторону.

— Не отставайте!— кричу я им.

Вскоре они нагоняют меня.

— У меня осталась вода...— смущенно заговаривает Хосе. — Если захочешь пить, скажи.

— Ладно.

Время от времени Хосе подает мне руку и помогает подниматься кверху. Чем выше, тем скалы становятся пустынной. Ни травы, ни кустов. Один голый камень.

Последний рывок, и мы наверху.

— Не задерживайтесь! Быстро вниз!— приказывает Артур.

Первыми в ущелье оказались Сальвадор и Молина. Мы смотрим на них с надеждой: найдут воду или нет? Добравшись до каменного русла, они понуро остановились. Мы поняли— воды нет.

Теперь путь лежит по сухому ручью. Здесь очень крупные и острые камни. Ущелье резко сворачивает в сторону.

— Спроси у проводника, знает ли он эти места?— говорит Артур.

В ответ на мой вопрос крестьянин опустил голову.

Да, дорога потеряна. Артур объявил привал и выслал вперед Барранко с проводником посмотреть, куда выводит ущелье.

Сидим на небольшой площадке под тенью высокой скалы. У всех оказались натертыми ноги. Ребята вертят обувь в руках, раздумывая, как продлить ее существование. Повозившись с альпаргатами, начали развязывать мешки с продовольствием. Хосе пошел с Ретамеро выбрать место для наблюдения. Жара не отбила у нас аппетита. За несколько минут мы уничтожили все, что оставалось.

— Легче будет идти,— обрадовался Леон. Продовольствие нес он.

Артур оторвался от карты.

— Хосефа!

— Что?

— Смотри, они все поели! Как ты не доглядела?

— Я и сама все съела.

— Прямо как дети! С вас нельзя глаз спускать...

Бойцы, видимо, поняли, о чем идет речь, и виновато отворачиваясь, дожевывали последние куски.

Пленные сидят, прижавшись к скале, и мрачно жуют хлеб с колбасой, которым угостил их Сальвадор.

Артур все еще не разобрался с картой. Там значилось много ущелий, все они были кривыми и, в конце концов, выводили к Тахо. Но в котором из них находимся мы? Вернулся Хосе и лег в тени.

Солнце заметно клонилось к закату, однако было очень душно.

— Стой! — раздается наверху окрик Ретамеро.

Показался погонщик с двумя мулами. Он останавливается и смотрит на нас испуганными глазами. Ретамеро начал его о чем-то расспрашивать.

— Плохо дело, — недовольно проговорил Артур. — Теперь придется отсюда уходить.

Ретамеро вернулся, а крестьянин погнал своих мулов дальше.

— Крестьянин говорит, что недалеко отсюда село.

Ретамеро назвал его и показал рукой направление. Теперь можно будет ориентироваться по карте хотя бы приблизительно. Артур подсчитал расстояние. Вышло, что мы уклонились от маршрута километров на пятнадцать и теперь находимся от линии фронта по прямой километрах в десяти. Наше ущелье выходило к реке большими зигзагами. Если все время идти по руслу, то понадобится более суток. Придется подниматься на плато и пересекать его напрямик — так путь короче.

Барранко и проводника еще нет, но ждать мы не можем.

Несколько сот метров прошли по сравнительно удобной тропинке. Кругом тихо, только издали доносится винтовочная стрельба. Неожиданно Артур остановился и тихо сказал мне:

— Здесь вода. Передай, чтобы все разом не бежали и много не пили.

— Вода! — крикнула я. — Сразу всем не бежать! Много не пить!

Я обогнала Артура и, бросившись на землю, опустила лицо в неглубокую мутноватую лужу. Что делалось у меня за спиной — не знаю. В короткие секунды, когда оторвалась от воды и перевела дыхание, успела только еще раз крикнуть:

— Не пейте много, это вредно! — и снова погрузила голову по самые уши.

Когда я, наконец, оторвалась от воды, все уже стояли на ногах и деловито завинчивали фляги.

— Довольно, Хосефа! Много пить вредно, — рассмеялся Хосе, глядя на мое счастливое лицо.

На закате солнца вышли к асфальтовому шоссе с телеграфными столбами; оно круто сворачивало в сторону и исчезало за невысокой возвышенностью. На карте это шоссе не значилось. Артур распорядился перерезать провода. Едва с этим успели покончить, как послышался нарастающий шум мотора.

— Пять человек на ту сторону, остальные со мной! — крикнул Артур и бросился к придорожным кустам.

Я успела добежать до шоссе в тот момент, когда показался грузовик с фашистами. Кроме меня, они, наверно, никого не заметили и начали не спеша тормозить. Я упала на землю, отползла в сторону и приготовила пистолет. Один из солдат вскинул винтовку и выстрелил. Пуля чудом не задела меня. Только теперь я нажала на спуск, и солдат упал. В ту же секунду из кустарников на грузовик обрушился огненный шквал. Артур бросил в фашистов гранату. Она разорвалась внутри кузова, и все стихло. Ребята появились на шоссе, из грузовика вдруг выскочили несколько человек и скрылись в кустах. По ним дали несколько очередей. Артур побежал за удиравшими.

Тем временем из грузовика вытащили раненых и просто перепуганных солдат. Среди пленных оказался совершенно невредимый крестьянин. Несмотря на испуг, он встретил плен с явной радостью. Крестьянин рассказал, что фашисты схватили его на дороге, подозревая в принадлежности к партизанам, — очевидно, слух о нас уже распространился по фронту.

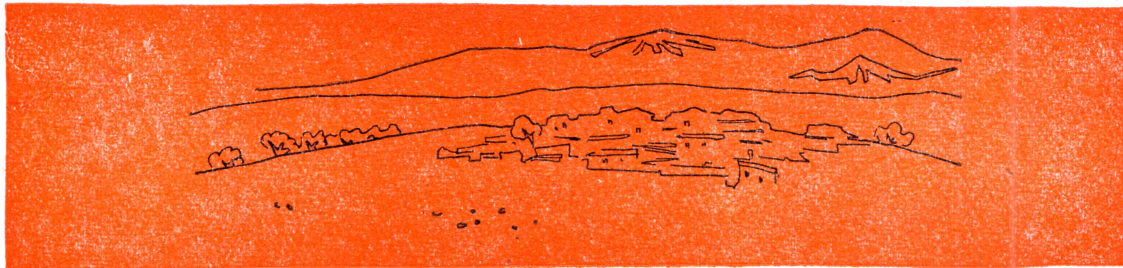
В это время Леон поднял шум. Его оставили стеречь пленных от первого боя, и он упустил их. Ребята бросились вылавливать беглецов. С новыми пленными — их было человек пять — меня оставили одну. Связать их еще не успели. Я велела им сидеть смирно и не разговаривать, а сама устроилась напротив, метрах в семи, и положила пистолет на колено. Пленные повертели головами, прислушиваясь, где наши бойцы, потом уперлись в меня волчьими глазами. Когда голоса наших бойцов затихли, пленные заметно обнаглели и начали перешептываться. Мне очень хотелось оглянуться, но я знала, что этого делать нельзя.

— Не разговаривать! — прикрикнула я, но они и не думали слушаться.

«Буду стрелять», — решила я и подняла пистолет. Солдаты присмирели.

Скоро вернулись наши. Оказалось, что сбегавшие прятались в кустах. Их привели обратно. Я пожаловалась Молине на моих пленных, и он молча связал им за спиной руки. Вскоре подошел Артур с остальными бойцами и велел спускаться в ущелье.

Теперь у нас было девять захваченных фа-

шистов. В некоторых местах карнизы такие узкие, что приходится прижиматься к скалам или ползти на четвереньках. Артур несколько раз оставивал отряд, чтобы проверить, не отстал ли кто-нибудь.

Ущелье постепенно расширилось. Откуда-то повеял холодный ветер. Он налетает порывами, и горы отзываются тяжелыми вздохами. Постепенно ветер становится все сильнее. С вершин начинают сыпаться камни. Вскоре небо прорезала молния, загрел гром. Теперь ветер выл как в гигантской трубе; стало трудно дышать. Уши отказываются воспринимать эту дьявольскую мешанину из грозových раскатов, воя ветра и грохота падающих камней.

Мы продвигаемся, прижавшись друг к другу. Вода в ущелье быстро прибывает. Очевидно, где-то уже пошел дождь. Мы то поднимаемся по склону, то снова спускаемся вниз. Наконец буря достигла предела неистовства, хлынул дождь. То, что было минуту назад, показалось потерянными раем. Бурный поток заполнил тесное ущелье.

— Наверх! — крикнул Артур.

Цепляясь за камни, мы вскарабкались на узкий карниз и стали связывать веревку из винтовочных ремней. Первым начал подниматься на скалу Сальвадор. Проворно цепляясь за камни, он исчез в черноте неба. С минуту было тихо, потом веревка натянулась.

— Теперь ползу я, а потом ты, — говорит мне Артур.

Амарильо подставляет плечи — он у нас самый высокий. Наконец весь отряд наверху, и мы несколько минут отдыхаем. Ретамеро с Артуром ушли вперед и вскоре вернулись.

— В такую погоду никто нас искать не будет, надо сделать рывок к фронту напрямик через плато, — заключил Артур.

Снова двинулись вперед. Ливень прошел. Где-то далеко еще поблескивают молнии.

Ночь близилась к концу. Небо немного посветлело, а холод усилился. Остаться на вершине больше нельзя — могут заметить фашистские наблюдатели, и мы спускаемся в ущелье. Через некоторое время блеснуло широкое русло реки с затопленным прибрежным кустарником. Переправиться здесь не умеющим плавать совершенно невозможно. Вода продолжала прибывать на глазах.

— Надо искать переправу в другом месте, — проговорил Хосе. — Мы находимся, наверное, километрах в пятнадцати ниже моста, в крайнем случае придется пробиваться через него.

Артур с Амарильо и Сальвадором ушел искать переправу и приказал ждать его на месте. Если он не вернется до рассвета, мы смо-

жем отойти обратно в ущелье и укрыться там на день.

Хосе выставил дозоры, остальные расположились отдыхать прямо на мокрой земле. Опять пошел дождь. Вдоль берега дул порывистый холодный ветер.

Как из-под земли перед нами появляются три фигуры.

— Переправы нет, — говорит Артур. — Можно укрыться на старой мельнице, она неподалеку, только надо бежать быстрее, пока не рассвело.

Хосе быстро поднял всех на ноги, и мы цепочкой вытянулись по берегу. Бонилья шагает рядом со мной и держится молодцом, хотя недавно перенес тяжелое ранение.

— А здорово ребята тянут! — сказал он с улыбкой, оглянувшись на товарищей.

Мы действительно шли довольно ходко, босые и измученные. Сальвадор старается держаться рядом со мной, время от времени подставляя мне свое плечо. На другом у него пулемет.

Впереди показалась мельница с большим черным проломом. Артур приказал залечь и — броском вперед по трое.

Я камнем упала на землю. Казалось невероятным, что снова смогу подняться. Неожиданно Бонилья встал и полез в гору. Трудно было понять, что его там прельстило. Поднявшись на несколько метров, он что-то сорвал и повернул обратно. Через минуту Бонилья протянул мне маленький букетик бледно-розового шиповника.

— На, держи...

Да, Испания — это Испания. Здесь все еще поют серенады и дарят девушкам цветы.

— Хосефа, твоя очередь! — крикнул Артур.

Заря так и не разгорелась. Плотные тучи прижали ее к земле, снова полил дождь.

Мельница просторная и пустая. Для пленных оказался подходящим подвал с одним выходом. На чердаке разместились пулеметчики, а в большой полутемной комнате с узкими окнами — все остальные. Одного часового выставили на дворе и второго — на берегу реки.

В узкое, как бойница, окно видна река. Здесь берега сдвигаются, и она несется потоком. Вода кажется густой и упругой, как резина. Противоположный берег покрыт густым кустарником, который тянется сплошной темной полосой. Возможно, здесь наши позиции, а может, их нет совсем. Вошел Артур и сел рядом прямо на пол.

От сырых камней метровой толщины исходит могильный холод. На всех одежда промокла насквозь.

— Будем ждать, пока спадет вода? — спрашиваю я сквозь дрему.

— День подождем, все равно податься некуда, потом пойду разведывать подступы к мосту.

Местами стены покрывает плесень. Низкие полукруглые своды напоминают памятники романской архитектуры десятого века, может быть, эта мельница и не моложе. Бойцы притулились по углам и дремлют. Никто не рискнул лечь на каменные плиты. Наверное, всем хочется есть, но о еде никто тоже не заговаривает. Прошло часа два. Откуда-то появился Хосе, усыпанный соломенной крошкой. Он так сладко зевнул, что послышался хруст. Потянувшись и расправив могучие плечи, Хосе начал выбирать из волос соломинки.

— Смотри-ка! — обрадовалась я. — Хосе где достал соломы. Что же ты молчал?

— Это не солома, это труха. Кроме того, там мыши.

— Ну что ж, что мыши! Я тоже с удовольствием поспала бы на трухе.

— Я думал, ты мышей боишься...

— Чудак!

Мы гурьбой бросились на чердак за трухой, остался один Амарильо. Оказалось, что он, действительно, боится мышей.

Наши пулеметчики на чердаке уже разобрали половину трухи и устроились на ней очень удобно. Вниз мы принесли очень немного и посыпали соломой каменные плиты.

Я села в свой угол. Клонит ко сну. Напротив примостился Хосе. Он прислушивается к шуму потока и о чем-то думает.

Вбежал обрадованный Леон. Он отыскал где-то старую лущеную фасоль и большой погнутый таз. Ребята оживились. Сложили в подвале очаг из кирпичей и поставили варить фасоль.

— А скоро сварится? — нетерпеливо спросил Маноло.

— Часа через три, она ведь не размоченная. Стало веселее и даже уютнее.

Время медленно перетаскивало пасмурный день к ночному рубежу.

Артур проснулся и посмотрел на нас сонными глазами. Губы у него покрылись коричневой корочкой, а под глазами синева.

— Пора в разведку. Скоро начнет темнеть. Если к мосту можно подойти берегом, это еще полбеды...

Теперь подобрать группу разведчиков было нетрудно, многие выспались. Вызвались Ретамеро и Амарильо, затем Молина, Маноло и Рафаэль. Хосе внимательно осмотрел их оружие и озабоченно поглядел на ноги. Ребята переглянулись. На ногах бойцов оставались жалкие остатки альпартгата. Пришлось оторвать рукава кожаных курток. Разведчиков «обули», но надолго ли этого хватит?

Молина захватил ножницы для резки проволоки и шанцевый инструмент, а винтовку оставил мне. Взамен я дала ему свою «Астру». Молина внимательно осмотрел ее и вскинул на меня насмешливый взгляд.

— Ты все время несла ее в руке?

— Конечно.

— Хорошо, что не пробовала стрелять, у нее весь ствол забит песком...

Мне стало стыдно: за весь день не осмотрела оружия.

— Сколько, по твоим расчетам, до моста? — спросила я Артура.

— Если берегом, то километров шесть, но, возможно, придется подниматься наверх.

Значит, они смогут вернуться только к концу ночи. Для того, чтобы подвести весь отряд к

Герой Советского Союза С. А. Черных.

мосту, потребуется еще одна ночь. Если, конечно, переправа по мосту окажется возможной.

Ребята ушли, а мы еще долго смотрели им вслед.

— Пока они не вернуться, мы не будем есть фасоль, — проговорил Леон.

Никто не улыбнулся.

Хосе начал собирать вторую группу разведчиков. Если бой завяжется близко, она сможет оказать поддержку первой группе; если те не вернуться, пойдут вторые... Стеречь пленных больше было некому. Пришлось дать винтовку крестьянину, которого захватили на дороге. Он был горд доверием, но винтовку осмотрел с осторожностью.

— Я стрелять не умею, — сказал он, виновато моргая.

— Это неважно, — ответил Хосе. — Никто не знает, умеешь ты стрелять или не умеешь. Кроме того, если кто-нибудь убежит, то ночью стрелять вообще бесполезно. Главное, не подпускай в двери... Как там наши бобы?

— Легче камни сварить, — проворчал Леон. — Уже два раза подливали воду.

Хосе отправил нашего нового бойца и пошел проверять посты. Наверху опустело и стало совсем тихо. Сальвадор пробует устроиться в дальнем углу. Повозившись немного на каменных плитах, он встает и пересаживается ближе к окну. Мне тоже не спится. Выхожу на порог и смотрю на воду. В темноте она кажется живой, ворчит, позванивает упругими струями и бешено рвется вперед. В небе ни одной блески. Опять все за-

волокло тучами. Если снова начнется гроза, мы проскочили бы мост без особых хлопот. Воздух тихий и холодный. Над рекой с резкими диковатыми криками пролетают птицы. Спускаюсь к воде. Здесь поток кажется еще грозней. Сквозь равномерный гул порою слышится усиливающееся журчание, потом стихает и возникает в другом месте. Так бывает, когда вода быстро прибывает. Наверное, в верховьях реки льет дождь, не скоро дождемся мы спада воды...

На берегу растут высокие тополя, их вершины скрываются во тьме. Сдается, что если срубить дерево, то оно ляжет вершиной на противоположный берег. Надо попробовать соорудить переправу. Разыскала Хосе и Бонилья. Подошли еще несколько человек.

— Если вершина дерева ляжет на тот берег, то вода все равно его утащит,— заметил Бонилья.

— Попробуем, мы ничего не теряем.

Хосе раздобыл на мельнице обломок пилы, а Сальвадор вынул наваху. Дерево долго не поддавалось.

— Готово!— крикнул наконец Сальвадор и отскочил в сторону.

Послышался нарастающий треск. Ствол все быстрее и быстрее склонялся к воде, наконец рухнул и замер. Казалось, что макушка зацепилась за противоположный берег. Несколько секунд ствол вздрагивал, как живой, потом начал медленно сползать по течению. Вода, напирая на ветви, тянула его за собой. Прошуршав по прибрежным камням, дерево нырнуло и скрылось в темноте. Мы немного постояли и пошли прочь...

Разведчики вернулись только во второй половине ночи. При взгляде на них нетрудно было догадаться: к мосту пути не было.

— По берегу пройти невозможно,— рассказывал Артур.— Километрах в трех отсюда скалы придвигаются к самой воде. Взобраться на них нам не удалось. Придется здесь подниматься на вершину, обогнуть позиции противника с тыла и выходить на мост через фашистские позиции. Он велел собираться.

— Есть еще один вариант,— продолжал Артур.— Недалеко отсюда— остатки шлюзов, они сильно разрушены, но что-нибудь можно придумать. Скажи, Хосефа, чтобы прихватили с собой доски, какие найдутся на мельнице.

Я побежала искать доски, но по дороге меня остановил запыхавшийся Рафаэль.

Один пленный сбежал!

Упустили-таки! Теперь нам здесь нельзя задерживаться ни минуты. Артур даже крикнул с досады, когда я доложила о случившемся.

Собрались в один миг. Крестьянин перевернул на костер так и не сварившиеся бобы.

Отряд вытянулся цепочкой вдоль берега. Справа показался небольшой сарай с настезью открытыми дверями, рядом шлюзы.

— Всем на шлюзах делать нечего, пусть пойдут туда Хосе с теми, кто отдохнул,— сказал Артур.

Хосе взял несколько человек и пошел с досками на шлюзы, остальные завернули в сарай.

— Да это настоящий рай!— восторженно закричал Маноло.

— Можно даже развести небольшой костер,— добавил Артур, заметив в углу кучу стружек и хвороста.

Конечно, никто возражать не стал. Мы столпились вокруг пляшущих языков пламени, но всем желающим погреться места не хватало. Решили подбросить веток. Огонь взвился столбом. Пришлось костер растащить в стороны, но кверху поднялся сноп искр. Надо было что-то делать.

Артур бросился к костру.

— Затоптать!

— Но мы все босые!— крикнула я, растерявшись.

Мы прыгали вокруг, но к костру подойти уже не могли. Артур один расшвыривал и топтал горящие палки, а нам приходилось отступать все дальше и дальше. Наконец соломенная крыша не выдержала и вспыхнула, как факел. Все кинулись к выходу. Фашисты, заметив пожар, открыли стрельбу.

У шлюзов Хосе успел перепробовать все доски. Достаточно длинных не оказалось, а переправляться надо немедленно. Метрах в четырех от берега на цементном острове стоял Амарильо.

— Что там?— спросил Артур.

— Не достает!

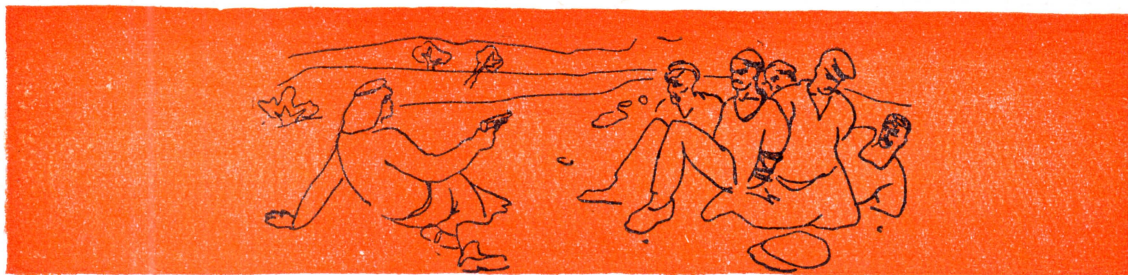
Все молча столпились у берега и смотрели на злполучную доску. Между тем на востоке обозначилась заметная полоска рассвета.

— Амарильо!— крикнул Артур и показал рукой на противоположный берег.

Амарильо махнул нам рукой и бросился в воду.

— Хосефа,— потянул меня за рукав Леон,— смотри!

Теперь я начала понимать. Рядом с нами стоял телеграфный столб, от которого на ту сторону реки шли провода. Я бросилась к Артуру и показала ему на них. Он обрадованно кивнул головой. Провода срезали и прикрепили пониже, затем сделали из ремней петлю. Первым переправили Сальвадора. Он мигом сделал с прово-

В советском комитете ветеранов войны. Выступает Долорес Ибаррури. 1965 г.

дами то же самое и на той стороне. Теперь переправились пулеметчики, они должны были занять огневые позиции и прикрывать переправу огнем. Небо светлело все больше и больше. Начали переправлять пленных. Мы с Артуром, как умеющие плавать, оставались последними.

В предрассветном полумраке было заметно, как сверху скользят какие-то тени. Вот на вершинах гор показались первые розоватые лучи, и оба берега ожили. Фашисты открыли винтовочную стрельбу, им ответили наши пулеметы. Следом ухнула старая пушечка. Фашистские пули пока летели над нашими головами, очевидно, мы оказались в мертвом пространстве.

— Твоя очередь... Быстрее! — подтолкнул меня Артур.

Я вскарабкалась по столбу и подтянула к себе петлю. Через минуту подо мной была река. Я скользила над ней. На середине провода провисли, и движение затормозилось. С минуты на минуту фашисты могли начать прицельный огонь. С большим усилием мне удалось наконец под-

тянуться к столбу на противоположном берегу. Не успела я спрыгнуть на землю, как оказалась в объятиях Клаудио. За ним толпились бойцы нашего отряда, в руках у них оказались булки и банки с консервами. Кормить нас начали тут же, на берегу. Артур переправился очень быстро, и, не теряя времени, мы стали подниматься наверх. Здесь попали под прицельный огонь, пришлось открытые места переползать. По дороге Клаудио рассказал, что слышал бой, который мы вели в последний раз, и тут же сообщил об этом в штаб. На фронт немедленно выехал наш советник полковник Ратнер с остальными бойцами отряда и разборным мостом. Он установил наблюдение за всем участком фронта, но, не получая вестей более суток, решил, что вряд ли мы остались в живых.

Теперь нас встречали чуть ли не все, кто был на позициях. наших ребят хватили на руки и несли над головами. Шум и гам стоял невероятный. Артур, улыбаясь, отбивался от множества рук, пытавшихся поднять его на плечи.

«...После армии мы решили ехать на одну из ударных строек пятилетки. Куда нам попросить комсомольские путевки?»

По поручению группы воинов В. Кожин».

ДАЕМ АДРЕСА

Советский Союз — страна новостроек. Первое, что поражает иностранцев, приезжающих в нашу страну, — обилие башенных кранов. Почти десятая часть советских рабочих и инженеров, семь миллионов человек, носит гордое имя строителей.

Рассказать обо всех новостройках седьмой пятилетки просто невозможно. К 1970 году на карте нашей Родины появятся десятки новых электростанций, сотни заводов и фабрик, в далекие, необжитые еще районы Сибири протянутся новые железные дороги и линии электропередач. Центральный Комитет ВЛКСМ из всех строек пятилетки отобрал самые важные, самые крупные и объявил их ударными комсомольскими. Таких строек оказалось 86. Но даже все эти, ударные, показать на карте мы, естественно, не сможем.

Чтобы представить масштаб строительной пятилетки, мы назовем лишь несколько цифр. Они красноречивее любых слов. Вот первая — 100 миллионов. Такое количество тонн цемента будет производить наша промышленность в конце пятилетки. Много это или мало? Попробуем представить сверхтяжелый фантастический состав, разом загрузивший всю годовую продукцию наших цементных заводов. Такой состав, конечно, можно

только представить, так как на земном шаре нет железнодорожных магистралей, на которых бы он разместился. 2 миллиона вагонов! Ну, а если бы все-таки такой состав собрали, он бы полтора раза опоясал земной шар по экватору.

Но 100 миллионов тонн — это только годовая производительность цементных заводов. В течение же пятилетки в новостройки будет вложено поистине астрономическое количество цемента — 430 миллионов тонн!

Больше всего, конечно, цемента потребуют гигантские гидроэлектростанции в Сибири, ведь объем бетонных работ на таких ГЭС, как Красноярская или Усть-Илимская на Енисее, исчисляется порой шестизначными цифрами. Самой крупной среди новых гидроэлектростанций, которые предстоит соорудить в седьмой пятилетке, будет Саянская.

Поищите будущую станцию на карте. В том месте, где могучий Енисей, стиснутый Саянами, вырывается на сибирские просторы, природа сама позаботилась о створе. Место будущей Саянской ГЭС известно под названием Карловские Ворота. Две гигантские скалы по берегам Енисея и впрямь своим видом напоминают ворота. А запрет эти «ворота» высотная плотина, в теле которой разместятся гидрогенераторы, общей мощно-

стью в 6 миллионов 300 тысяч киловатт. Для сравнения напомним мощность Волжской ГЭС имени Ленина — 2 миллиона 100 тысяч киловатт. А ведь еще пять — шесть лет назад Волжская гидроэлектростанция была крупнейшей не только в нашей стране, но и в Европе. Когда Саянская ГЭС будет пущена на полную мощность, она станет самой крупной электростанцией на земном шаре.

Кроме Саянской ГЭС, в Сибири будут построены еще два энергетических гиганта — Красноярская и Усть-Илимская гидроэлектростанции, которые лишь немного уступают своему саянскому собра-

и очень мощные станции, все равно полностью проблему питания уральских заводов электроэнергией не решат. Что же делать — строить еще станции, которые бы работали, как Рефтинская, на экибастузском угле?

Энергетики нашли более рациональный путь. Зачем везти из Сибири на Урал уголь, когда его можно сжигать на месте? Гораздо выгоднее «электронный» транспорт: на месте залежей бурых углей в Сибири и Казахстане построить крупные ТЭС, и «транспортировать» на Урал и в Центр электроэнергию по проводам. Так родился один из самых грандиозных проектов нашего времени — создание целого куста тепловых электростанций мощностью 3—4 миллиона киловатт и прокладка линий сверхвысоких напряжений от Томска до Челябинска и от Целинограда до Тамбова.

Одного даже беглого взгляда на карту достаточно, чтобы оценить всю сложность этого проекта. Каждая из линий должна преодолеть расстояние в две с половиной тысячи километров и ежегодно передавать около 40 миллиардов киловатт-часов. Для того, чтобы перебрасывать такое огромное, поистине астрономическое количество электроэнергии, пришлось отказаться от привычных, годами проверенных систем передачи энергии. Трехфазные ЛЭП на таких расстояниях будут иметь слишком большие потери, а при напряжениях свыше миллиона вольт вообще могут оказаться неустойчивыми при нарушениях режима работы. Энергетики предложили проложить «электрические мосты» Сибирь — Урал и Казахстан — Центр линиями постоянного тока напряжением в полтора миллиона вольт! Какие преимущества в таких сверхдальних линиях может дать постоянный ток? Уменьшится расход металла на опоры и провода, резко сократится количество изоляторов (ведь для постоянного тока нужно всего два провода). И еще одно преимущество — возможность использования земли в качестве обратного провода. вспомните, как питаются током трамваи!

Что же будет представлять из себя такая сверхдальняя линия? ЛЭП Экибас-

РОМАНТИКАМ

ту. С пуском этих станций Сибирь станет самым мощным энергетическим районом страны — 143 миллиарда киловатт-часов в год! Где же будут использоваться эти миллиарды киловатт энергии, которые отдадут великие сибирские реки?

Самым энергоемким в промышленности является производство алюминия. Вот почему в Братске сооружается крупнейший в стране алюминиевый завод. Новые алюминиевые заводы проектируются в Красноярске, Иркутске и Ачинске. Часть электроэнергии заберут также бумажные комбинаты в Улан-Удэ и в Комсомольске-на-Амуре, горнообогатительный комбинат в Коршуново, электрохимический комбинат в Красноярском крае, но, разумеется, станции на Оби и Енисее будут вырабатывать гораздо больше электроэнергии, чем ее требуется для новых заводов и фабрик. В Сибири уже сейчас избыток дешевой электроэнергии, в то время как на Урале ощущается ее недостаток.

Мы уже рассказывали в пятом и седьмом номерах журнала, как решается проблема энергопитания Урала: на Среднем Урале, в районе города Асбеста, строится крупная тепловая электростанция на дешевых сибирских углях, а в дальнейшем к Уральскому энергокольцу подключится Сургутская ТЭС, которая будет работать на газе. Но эти две, пусть

туз— Центр будет подвешена на пяти тысячах мачтах — великанах высотой в 32 метра (выше десятиэтажного дома!), а длина гирлянд изоляторов будет свыше десяти метров. Полтора миллиона вольт не шутка, но и не предел. Уже сейчас разрабатывается проект сверхдальней линии с напряжением в 2 миллиона вольт. Такая линия способна будет прошагать четыре тысячи километров. Но это уже новостройка будущей пятилетки.

Есть в новом пятилетнем плане несколько строек, которые должны преобразить целые районы страны. На севере, в Ханты-Мансийском национальном округе, геологи открыли Тазовское и Губкинское месторождения нефти и газов, и там, в низовьях Оби, намечено построить нефтеперерабатывающий завод, новые города и поселки, которые неузнаваемо изменят этот таежный и болотистый край. Оттуда, из Усть-Балыка, в Омск будет проложен нефтепровод, нефть и газ, открытые за последние годы в северной части бассейна Оби, уже в этой пятилетке дадут мощный толчок развитию химической промышленности Западной Сибири. 25 миллионов тонн нефти и до 26 миллиардов кубометров газа будет давать стране к концу пятилетки Западная Сибирь. Это почти столько же, сколько сейчас дает крупнейший в Советском Союзе нефтеносный район — Азербайджан. Новые нефтеперерабатывающие предприятия в Омске полностью загрузят сырьем заводы искусственного волокна в Барнауле и химические предприятия в Чимкенте и во Фрунзе.

Но и Каспий открыл еще далеко не все свои богатства. На его восточном берегу, на полуострове Мангышлак, геологи обнаружили в буквальном смысле второе Баку, точнее — продолжение всемирно-известного месторождения. На Мангышлаке, среди знойных безводных песков, уже возник небольшой город, полным ходом возводятся нефтеочистительные и перерабатывающие заводы. А в скором времени этот оторванный от промышленных районов полуостров соединится железнодорожной веткой с Махачмагом, и мангышлакская нефть пойдет на

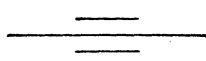
химические заводы промышленного Центра.

Характерной особенностью седьмой пятилетки является большое количество строек легкой промышленности. Трудно назвать город, в котором не было бы намечено строительство ткацкой фабрики, комбината искусственного волокна, завода товаров широкого потребления. Чебоксары, Камышино, Балашов, Краснодар, Оренбург — вот адреса будущих текстильных комбинатов. Для того, чтобы представить размах строительства предприятий легкой промышленности, назовем одну цифру: 9 миллиардов метров. Такое количество тканей выпускают советские текстильные предприятия сейчас. Если вооружиться карандашом, нетрудно подсчитать, что из советского текстиля можно проложить двадцать пять «дорожек» от Земли до Луны. А в конце пятилетки число таких «дорожек» возрастет по крайней мере на две-три. И главным образом за счет синтетических волокон, того самого капрона, исходным сырьем которого служит нефть.

И еще одна особенность нынешней пятилетки: резкое, в три-четыре раза, увеличение выпуска автомобилей. Главным образом легковых. Если сейчас мы в год выпускаем 200 тысяч «Москвичей», «Волг» и «Запорожцев», то в 1970 году — свыше 800 тысяч!

Один из новых автомобильных заводов-гигантов строится в Ижевске. Каждый день с конвейеров Ижевского автозавода в конце пятилетки будет сходиться свыше тысячи «Москвичей». А всего? Если все советские автомобили, которые будут выпущены в 1970 году, выстроить в одну колонну, — хвост этой автоколонны будет в Москве, а голова... во Владивостоке. 9 тысяч километров! Еще одна астрономическая цифра, еще один фантастический поезд... Но таковы масштабы нынешней пятилетки, что без помощи астрономических масштабов не обойтись.

Взгляните на карту: это лишь небольшая часть гигантской строительной площадки нашей страны — от Москвы до самых до окраин... Стройки ждут романтиков!

Наша флотилия подходила к Кыну. Зою Васильеву, Сережу Трясцына, Любу Шиханову — юных художников Свердловской школы-интерната № 12 — волновал один вопрос: встретимся ли мы с Анатолием Коронатовичем Накоряковым, московским художником. Он в Кыну пишет этюды. И вот Камень Мултык. Мы не успели разбить палатки, развести костер, как к нашему лагерю подошел человек. В правой руке он держал самодельную трость, на левом плече висел этюдник.

— Привет коллегам! — громко приветствовал он нас. — А почему костер плохой? За дровами, ребята!

Прошел час. И вот уже поставлены все восемь палаток, в кучу сложены сухие сучья и валежник, весело горит костер. Анатолий Коронатович рассказывает о своей работе.

— Откуда вы так хорошо знаете Урал? — спрашивает Наташа Младшева.

— До революции я жил на Урале, учился в школе в Мотовилихе, это недалеко от Перми. А после революции наш замечательный земляк, поэт Василий Каменский помог мне стать художником. Это он посоветовал ехать учиться в Москву, где я поступил в ВХУТЕМАС (высшие художественно-технические мастерские). Трудно приходилось, и не только потому, что страна была разрушена войной, нас просто не учили живописи и рисунку по-настоящему. Хороших

учителей не хватало. Частыми гостями ВХУТЕМАСа были Маяковский, Луначарский. О нас заболтался Владимир Ильич Ленин. Однажды он приехал к нам. Это были незабываемые минуты...

После встречи с художником мы двинулись на лодках по Чусовой. Начало маршрута — Коуровка. Здесь нам выдали лодки. За это мы обещали оформить фойе клуба Коуровской турбазы. Наш отряд, разбитый на бригады, вел работу на два фронта. Одни меняли разбитые и сгнившие борты лодок, конопатили их, заливали гудроном. Художники готовили стенды с рисунками и фотографиями лучших, красивейших мест Урала.

17 июня флотилия «Пионерская» подняла красные флаги.

Вот первый привал — места, связанные с жизнью и творчеством замечательного уральского писателя Д. Н. Мамин-Сибиряка. Осматриваем, фотографируем сплавную контору, внимательно изучаем остатки плотины, сохранившейся на реке Каменке. Здесь когда-то была большая гавань, строились и загружались барки уральским металлом. Именно отсюда начинался нелегкий, полный опасностей труд сплавщиков, описанный Маминим-Сибиряком в очерке «Бойцы».

Идем на первый перекат. Новички насторожились, бывалые улыбаются, перекал не страшен: нужно только держать точно по струе, быть до предела внимательным, чтобы вовремя обнаружить и обойти подводные преграды.

В жаркие дни особенно хотелось залезть в холодную прозрачную воду. Песчаные откосы особенно полюбились нам. Здесь мы готовили обеды, купались. Здесь рисовали.

Тридцать дней длился наш поход. Итог его — многочисленные зарисовки, наброски, фотографии.

Работы Нины Голубенко, Жоры Барышева, Нины Измоденовой, Вали Красноперовой, четырех Оль: Ануфриевой, Габитовой, Гладких и Деминной, Сони Абулхановой и Ани Пименовой, Тамары Федоровой и Иры Савельевой экспонируются на выставке, организованной в фойе Октябрьского райсовета Свердловска.

А участница похода Оля Ануфриева зимой достойно представила наших юных художников во Всесоюзном пионерском лагере «Орленок».

Ее рисунки из серии «Наш Урал» на конкурсе, проведенном в лагере, получили самую высокую оценку — три медали.

В. ТРЯСЦЫН, художник

СЕРЕБРЯНЫЙ

СНЕГ

Несколько лет назад мы, группа уралмашевских туристов, побывали в Забайкалье. Я снял фильм об этом походе. Многие свердловские туристы видели его. Фильм получил диплом первой степени на Всесоюзном смотре любительских фильмов и диплом Центральной студии телевидения. Я же, просматривая его, всегда думаю, что это лишь бледное отражение тех памятных дней, проведенных в горах Сибири. Гремящие пороги, тяжелые удары плота о камни, песни ветра в кедровой хвое, драгоценно сверкающая вода горных озер... Я снял кое-что из этого, но не так, как хотелось бы: слишком скромн был запас

На перевале.

Полярные горы.

киноплёнки, не хватало и опыта.

И мне захотелось снять настоящий туристский фильм. Фильм, который был бы для туристов очень «своим» и объяснил бы непонятным, почему же турист, дождавшись отпуска, с восторгом навьючивает себя поклажей и отправляется в поход.

Снять такой фильм я попытался

в зимнем походе по Приполярному Уралу. Чтобы снова не испытывать сожаления, тщательно готовился. С ребятами из киностудии УЗТМ-ФИЛЬМ мы отремонтировали широкоплечную кинокамеру, достали полтора километра цветной пленки, приготовили зарядный мешок, штатив-палку.

Подобралось пятеро самоотверженных девчат и парней, которые согласились включить в состав общественного снаряжения группы кинокомплект в 30 килограммов весом. Бывалые туристы знают цену этой самоотверженности: ведь группа в зимнем походе на Приполярный Урал берет с собой много теплой одежды, печку, дрова, не говоря уж о продуктах, — и чем меньше группа, тем тяжелей рюкзаки.

Поход был впечатлительным. Нашей целью была Манарага. Первыми из уральских туристов мы покорили ее зимой. Мы видели полярные горы, в красоте которых нет и капли сентиментальности. Крохотная группа растворилась в белом пространстве, молчаливые снега приняли ее и сомкнулись за спиной.

Снега и снега, сверкающие, синие, сиреневые; с бесшумными легкокрылыми тенями облаков, слепые, бесплотные в пургу, багряные в ранний час...

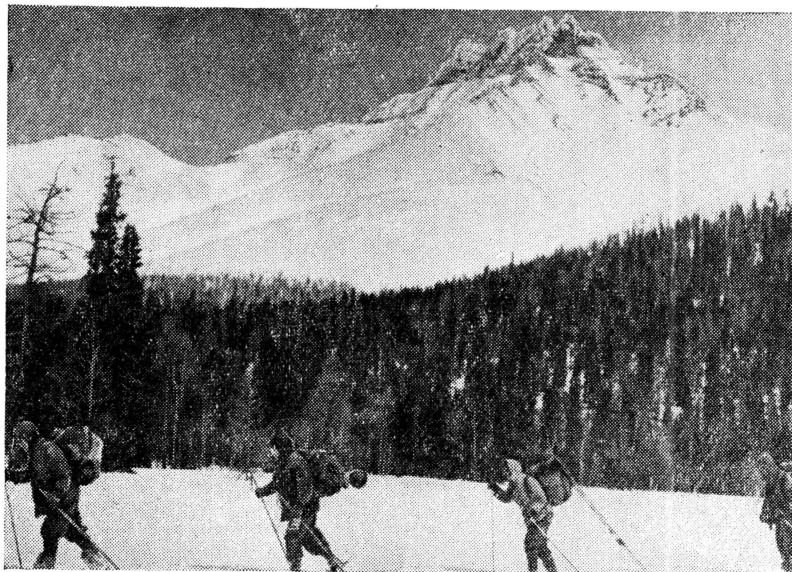
Много дней мы одолевали эту бесконечность. А немые белые вершины бесстрастно взирали на людей сверху. Пустыньность и дикость гор внушали беспокойство, но были минуты радостные, особенно когда все мы стояли на вершине Манараги.

Я нарочно отставал от ребят и ждал, когда группа уйдет на километры вперед, а за ними по бескрайней снежной равнине вытянется тонкий лыжный след, — я снимал с перевала этот эффектный кадр. Потом укладывал камеру

в ящик, затягивал рюкзак, догонял ребят, обгонял — снимал спереди, сбоку, снизу... Или катился на лыжах и снимал с ходу.

Камера замерзала от обжигающего холода. Я согревал ее под штормовкой.

...А фильма, надо сказать, снова не получилось. Половину пленки я привез домой незаснятой: отказала кинокамера.

У подножия Манараги.

Механизм иногда на ходу замерзал. Только те кадры, что были отсняты в солнечные и относительно теплые дни, отличались хорошим качеством.

Но любительская киностудия УЗТМ-ФИЛЬМ все же сумела выпустить фильм «Серебряный снег» и на этом материале. Смонтировал его Лев Горенбург, конструктор Владимир Дворкин написал музыку, а Неля Кобелева и токарь Владимир Рожаяев исполнили туристскую самодеятельную песню. Нынче фильм вышел на наш любительский экран.

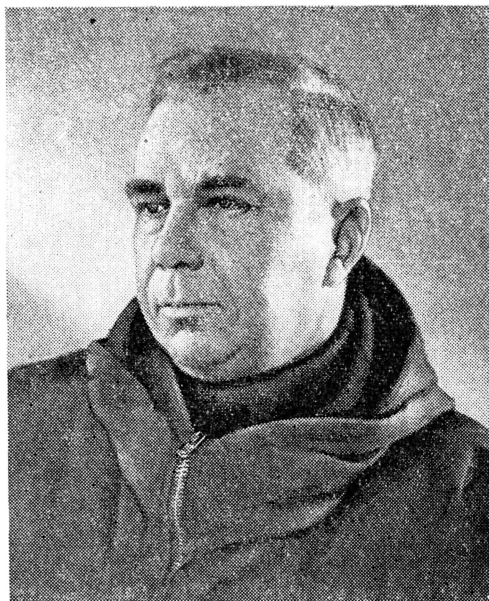
Ребята говорят, что он получился неплохим, но для меня настоящий туристский фильм по-прежнему остается мечтой.

На снимках — кадры из фильма «Серебряный снег».

П. ВЛАДИМИРОВ

Лег, лег, лег...

Рассказы полярника

Михаил Михайлович Сомов.

Вы бывали в Ленинграде? Если свернуть у Аничкова моста направо и пройти по Фонтанке два-три дома, то увидишь пики старинной ограды, за ней, в глубине, невысокие, тоже старинные каменные дома. А у главного входа вывеска: «Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт».

Там я и познакомился с Михаилом Михайловичем Сомовым, начальником дрейфующей станции «Северный полюс-2», руководителем первой Советской Антарктической экспедиции...

В тесную комнатку, загроможденную приборами и письменными столами, я добрался по винтовой лестнице. В единственное окно проник слабый свет туманного ленинградского полдня.

За одним столом что-то писал плотный,

квадратный человек, за другим сидел, откинувшись на спинку стула, седоволосый мужчина лет пятидесяти. Внимательные глаза из-под лохматых бровей, белая сорочка, недорогой рабочий костюм. Руки его были засунуты в карманы пиджака, словно он никак не мог согреться.

— Простите, мне нужен Сомов.

— Я Сомов, — улыбнулся седоволосый человек и поднялся навстречу...

Так вот он какой, известный всему миру полярник! Герой Советского Союза, кавалер трех орденов Ленина, ордена Красного Знамени, Красной Звезды, доктор географических наук...

Я пробыл в институте несколько дней и написал рассказы Михаила Михайловича почти дословно...

От „Смолокура“ до Арктики

Только что отгремела гражданская война. Страна в разрухе, голод. Безработица. Заводы еще не восстановлены, на работу принимали в первую очередь членов профсоюза, а в члены профсоюза — работающих. Законданный круг. А я в то время только школу кончил, пришлось перебиваться случайными заработками. Узнал, что кассир требуется в институте красной профессуры — сел за кассу. А потом учеников набирали в артель под смешным названием «Смолокур». В этом самом «Смолокуре» заряды для огнетушителей делали.

Только научился я делать огнетушители, как моего отца перевели на Дальний Восток, заместителем директора Тихоокеанского института рыбного хозяйства. Решил и я с ним ехать. Вот там-то рабочих рук не хватало, там-то я и приобрел свою первую профессию, стал токарем.

А рядом с заводом шумело море. И соблазнило-таки. Ушел я в рейс на тральщике приобретать вторую профессию — моряка. Сейчас тральщик, на котором я пустился в экспедицию, вызвал бы улыбки: маленький, неуклюжий... Но в то время это был корабль! Так я увлекся морем, а позже и Арктикой. Но это было потом. А пока меня ждал пробный рейс на тральщике. Семь дней в заливе Петра Великого. Говорят, «семерка» — счастливое число, но эти семь дней для меня оказались горькими. Первая встреча с морем была на редкость тяжелой. Укачало. На палубе не в силах стоять, а в кубриках теснота и такой воздух, что сразу на палубу выскочишь.

Решил, не выйдет из меня моряк. Но на седьмой день, к концу пробного рейса, переносить качку я все же научился. Лето проплавал в Японском, Охотском морях лаборантом-гидро-

логом, и так меня увлекла гидрология, что осенью решил уехать в Московский гидрологический институт. Но опоздал. Поезда-то тогда по Транссибирской дороге ходили медленно...

Расстроился, сплошное невезение. К счастью, декан факультета гидрологии моря посмотрел на мои документы и сказал:

— Сдавайте-ка основные предметы за первый курс. Попробуйте сразу на второй курс поступить.

Сразу на второй?! Колебался, как перед первым выходом в море, а потом... А потом с длинным «хвостом» оказался я на втором курсе. К концу года разделался с академической задолженностью и махнул еще через курс. В общем, диплом защитил досрочно и попал сначала в Центральный институт прогнозов, а оттуда в наш, Арктический.

Вот тут уж мне повезло по-настоящему: взял

меня весной 1939 года в экспедицию гидрологом — анализировать ледовую обстановку — сам Папанин. В течение нескольких месяцев летал в Арктике на самолете. На машине гондола открытая, а из нее торчат головы летчика, штурмана и наблюдателя.

Арктика... Восьмидесятая параллель, редкие полярные станции, летом температура около нуля, а к осени морозы. Но мы и зимой продолжали летать, подставив головы ветрам, только меховую маску натягивали на лицо.

А потом война... Мобилизовали меня в Беломорскую флотилию, всю войну участвовал в проводке кораблей. В годы войны и диссертацию кандидатскую написал. Попал я на Диксон, говорили — тихое место. И надо сказать, действительно было довольно тихо, пока не явился к нам в «гости» «Адмирал Шеер»...

Бой с „карманным линкором“

«Адмирал Шеер», фашистский «карманный линкор», появился в Карском море в конце августа 1942 года. Это был типичный морской пират. 25 августа он расстрелял ледокол «Сибиряков», который прокладывал путь караванам с военными грузами в трехстах километрах к северо-востоку от Диксона. «Сибиряков» успел по радио сообщить о появлении «Адмирала Шеера», и караван советских судов, за которым охотился «карманный линкор», был спасен. Немцы на «Сибирякове» рассчитывали захватить шифры и карты с ледовой обстановкой, а когда им это не удалось, линкор направился к нам, на Диксон.

Штаб, в котором я находился, располагался на острове, напротив порта на материке. Было лето, разгар навигации. Помню, в два часа ночи раздался звонок с наблюдательного поста, который был на противоположной стороне острова. Сообщали, что к Диксону приближается двухтрубный корабль. То ли военный, то ли мирный — еще не разобрать. К тому же, силуэта «Шеера» у нас не знали, можно было спутать с другим судном. Но мы решили приготовиться. В случае десанта мы, я и мой товарищ, должны были уничтожить ледовую информацию — главное, за чем охотились немцы.

Как мы могли противостоять до зубов вооруженному линкору, который, несомненно, попытается высадить на остров десант?

На Диксоне оставалось всего несколько человек, вооруженных винтовками... Неизвестное судно начало обходить остров. Теперь уже рассеялись последние сомнения: это был «Шеер». Я проверил винтовку и единственную гранату. Потянулись тревожные минуты...

А двум нашим товарищам, которые находились на северной оконечности острова и сообщили о появлении немецкого линкора, ждать было уже нечего. Кажется (сейчас точно не помню), это был начальник нашей базы и его помощник. «Шеер» огибал остров, словно выбирая место для десанта.

Медлить было нельзя.

Начальник базы с помощником схватили оружие и, не выпуская из виду «Адмирала Шеера», бросились бежать вдоль берега, готовые в любую минуту отразить десант огнем.

Вдоль берега тянулся горный кряж; когда мы увидели бегущих, от них буквально валил пар, они едва стояли на ногах. А оружие, которым они собирались отразить высадку десанта, не могло не вызвать улыбки: старенький осовиахимовский пулемет с огромным диском и еще более старенькая трехлинейка с несколькими патронами.

А в это время на материке, в порту, на мол выкатили несколько сухопутных орудий, и на встречу «Адмиралу Шееру» вышел небольшой корабль «Дежнев». Корабли на виду друг у друга одновременно развернулись бортами — современное, вооруженное по последнему слову техники немецкое бронированное судно и мирный ледокольный пароход, на который было поставлено легкое вооружение. «Дежнев» первым открыл огонь из своих скорострельных малокалиберных пушек. Открыли огонь и сухопутные орудия. И тотчас почти у самого борта «Дежнева» разом выросли три столба воды. Это ударил из своих тяжелых пушек «Адмирал Шеер».

Вряд ли были серьезные повреждения на «Шеере», но попадания были. Фашисты пришли в недоумение. Они видели, что их снаряды достигают цели, врезаются в борта советского парохода, но тот продолжал отстреливаться и тонуть не собирался! Еще попадание! Но «Дежнев» на воде!

«Шеер» не выдержал, поставил дымовую завесу и начал отходить. Выпустил дымовую завесу и «Дежнев». И фашисты не видели, что он гыбросился на мель, чтобы не утонуть, что с корабля на берег перенесли одиннадцать убитых моряков. «Дежнева» спасла случайность. Он не имел брони, и у него были пустые трюмы. А фашисты стреляли по нему бронебойными снарядами, рассчитанными на замедленное действие. Снаряды прошивали корабль насквозь, не успевая взрываться.

Но перед уходом «Адмирал Шеер» все-таки напакостил. Подошел к Медвежьему острову, где строился туманный маяк, и разгромил его. В воздух полетели бревна, но из людей никто не пострадал — попрятались за валунами.

На этом Медвежьем острове во время арт-

обстрела произошла комичная история. Там жил ручной медведь. Когда он услышал стрельбу, он сорвался с цепи и, неуклюже переваливаясь, бросился к людям. Увидел, как люди прячутся за камни, и плюхнулся рядом. «Шеер» стал менять позиции, и люди стали переползать за камнями. Один из полярников огляделся — уж слишком кто-то ему сопел в самое ухо — и расхохотался. Медведь, подражая людям, переползал за камнями по-пластунски!

А на Диксоне один из снарядов угодил в цистерну с соляжкой. Пылающая жидкость растекалась по острову. Но как только мы затушили пожар, «Шеер» снова начал стрелять. Тогда полярники решили схитрить: разлили немного соляжки и подожгли. Командир «Адмирала Шеера» решил, что разбил топливную базу и перенес огонь на основной поселок, но ни разу не попал: мешал гребень горного кряжа. В поселке только вылетели от взрывных волн стекла.

Наконец немцы обстреляли маленький островок Конус, на котором была топливная база. Там жил сторож. Соляжка страшно разгорелась, над Конусом поднялся столб дыма. На этом

«подвиги» «карманного линкора» закончились. Если бы немцы знали, что во время пальбы в порту стояло судно «Кара», битком набитое взрывчаткой и бочками с авиационным бензином! Но «Кара» во время дуэли линкора с «Дежневым» успела поднять якорь и спокойно уйти в залив. «Шесть узлов, пять котлов», — как о ней говорили, а вот ушла.

Вспоминается еще один случай. Перед налетом «Шеера» с задания вернулись два уставших полярника. Заснули и все проспали. Ничего не слышали! Утром встали и по привычке сразу в кают-компанию — завтракать. А в столовой никого нет. И столы не накрыты. Постояли, удивились, ушли. Среди проспавших был гидролог Костя, застенчивый парень. Он потоптался, потоптался, но голод не тетка. Опять в столовую. Опять там нет никого. Костя подумал, что с часами что-то у него случилось. Убежали? Но спросить кого-либо постеснялся. Наконец решился, робко подошел к поварихе, заикнулся насчет завтрака. Как та вскипела: «Какой завтрак? Вы что, очумели? Война же здесь была! Только что кончилась!»

Спокойно?

К сожалению, война тогда еще не кончилась. Накануне Дня Победы я защищал в Ленинграде диссертацию. Подошел один тип и сказал: «Повезло! В Арктике можно было переждать войну! Холодно, но спокойно!».

Обидно мне стало за моих друзей-полярников. Вспомнил я ребят с «Академика Шокальского». Это судно ледового патруля. «Академик Шокальский» вел наблюдение за кромкой льдов. Часть льдов вскрывается около устьев сибирских рек, но в море все лето сохраняются паковые льды. Судно должно было фиксировать кромку льдов и передавать эти сведения.

И вот, когда «Академик Шокальский» шел Карским морем, из воды высунулся перископ. Кто-то успел крикнуть: «Немцы!». И в это время — удар! Судно пошло ко дну. Люди вплавь перебирались на льдины. Шлюпкой воспользоваться не успели. Она беспомощно качалась на волнах.

Подводная лодка всплыла и медленно стала подходить к льдинам, на которых лежали мокрые люди. Немцы расстреливали моряков в упор, как тюленей. Наконец подлодка исчезла. Тот, кто не погиб, снова бросился в ледяную воду и устремлялся к шлюпке. С трудом доплыли до ост-

рова — пустынный каменистый берег. Развели костер. Стали сушить одежду, перевязывать раненых. Только приготовили еду, и вдруг кто-то снова крикнул: «Немцы!». Неподалеку всплывала подводная лодка. С нее спустились шлюпку с двумя автоматчиками. Моряки попрятались среди камней. Немцы постреляли, но найти человека в каменном хаосе почти невозможно. Тогда они затоптали костер, собрали все продовольствие, всю одежду, все, что лежало у костра, загрузили в шлюпку «Шокальского», отвели от берега и потопили.

Что делать? Берега почти непроходимые: скалистые, изрезанные глубокими ущельями, по которым неслись ручьи и речки с ледников. До ближайшей полярной станции — сотни километров. Разве обессилевшие, голодные люди без оружия доберутся до своих?

А моряки добрались. На камнях сапоги разлетелись через три километра, но моряки шли, сбивая ноги в кровь. Карабкались по скалам, срывались, по пояс в брод переходили ледяные речки...

Их обнаружили с самолета. Уцелели немногие. Вот так «отсиживались» во время войны в Арктике...

„Прыгуны“

В ледовой разведке пришлось работать и мне. Вы никогда не слышали о «прыгунах»? А я несколько лет работал в такой прыгающей группе. Эти группы полярников обычно высаживались с самолета на льдины.

Пилот с воздуха определял возможность посадки. Лед в Центральной Арктике почти не имеет ровных участков. Торосы, хаос... Лед всегда в движении, образуются трещины, разводья, потом снова сжатие, а ветер со снегом все причешет, все пригладит. Но все же опытный летчик

выбирал подходящую льдину, садил самолет. И сразу же прыгающая группа приступала к работе. Весной, в марте — апреле, особенно в мае, льдины подтаивают, становятся ненадежными. Поэтому нам выделялось на работу дня два-три — прыжок на другую льдину. А чтобы получить минимальные сведения о течении, нужны сутки! Сутки захватывают полный цикл приливов и отливов, в течение суток скорость течения становится более ясной. Поэтому с первых же минут готовилась лунка. Хорошо, если льдина толщиной

в метр, а если в три метра! Лунку одним взрывом не сделаешь, от взрыва неровные края. Рваные края не годятся для приборов. Начинаешь лед сам рубить, а иногда и выстругивать. Над лункой потом ставится лебедка, сверху палатка. И все это на ветру в тридцатиградусный мороз.

А порой появляется трещина...

Когда мы в 1948 году сели на Северный полюс, я был старшим прыгающей группы. После войны это была первая большая группа «прыгунов».

Погода стояла ясная, определились точно: после посадки приборы подтвердили — мы на Северном полюсе!

Лед был тонким, сантиметров пятьдесят. Быстро сделали лунку, начали работать. И тут в морозной тишине я услышал легкий такой звук: «тмм!» — и рядом с нашей лункой появилась трещина.

Трещина извивалась черной змейкой, мчалась вдаль, расширяясь с каждым мгном. Она нырнула под один из наших самолетов, прошла прямо под лыжами и разрубила даже толстое паковое поле, которое было рядом.

— Аврал! Спасать самолеты и имущество!

Легко сказать — спасать имущество. Это же тонны груза! Катим, тащим, перебрасываем на соседнюю льдину. Все превратилось в грузчиков! И откуда сила берется! А впереди главное: передвинуть самолет. Трещина-то расползается под ним!

Сейчас техника другая, а тогда для того, чтобы запустить в мороз мотор, надо было немало потратить и сил и времени. Да к тому же лыжи у самолета при посадке от трения нагрелись и вмерзли в лед.

Механики бросились греть мотор, а мы попытались освободить самолетные лыжи. Первый способ — подвести трос под лыжи и подпиливать им лед. При втором способе механики (святые

люди!) встают прямо под винт, от которого ветер валит с ног, снимают куртки и бьют тяжеленными кувалдами, прозванными злым шутником «микрометрами», по краям лыж. К хвосту самолета привязывается веревка, и люди дергают ее, чтобы раскатать машину.

Все-таки мы успели минут через тридцать перевести самолеты и перенести груз в более надежное место. Смотрим, а ледяное поле, на котором мы были, от нас уплывает!

Отшел я в сторону и прислонился к айсбергу, торчащему из снега конусом. И чувствую: «конус» медленно поднимается, а льдина подо

мною опускается. Как я из трещины выскочил, сам не помню! Но все-таки выскочил!

Брандмайор СП-2

А потом была станция «Северный полюс-2». Льдина, на которой мы установили свои черные палатки, трескалась несколько раз. Трудиться приходилось каторжно. Но научную работу не прерывали. С первых же проб выяснили, что тихоокеанские воды в виде широкой прослойки проникают в Ледовитый океан и приносят какое-то количество тепла. Пока мы изучали это течение, оно уносило нас все дальше. И вот, когда мы были от ближайшей точки берега в тысяче километров, у нас случилось ЧП.

Все ушли расчищать аэродром. В палаточном поселке остался один радист. И он вышел из радиопалатки минуты на три к радиовехе. Оглянулся, а из палатки столб пламени. Пожар!

В этой же радиопалатке лежали сигнальные ракеты. Не прошло и полминуты, как они начали взрываться. Представляете фейерверк! А потом открылась стрельба — начали стрелять патроны, запас боеприпасов был у нас изрядный. И, ко всем бедам, взорвался бак с бензином. В палатке, как назло, остались все научные материалы. Погибнут они — погибнет вся проведенная исследовательская многомесячная работа. Льдину ведь обратно не повернешь!

Попробовали сунуться в палатку — нас встретила новая серия взрывов ракет и патронов. Что делать? И вдруг видим: магнитолог Погребников, самый молодой из нас, все-таки нырнул под брезент. Все замерли: секунда, вторая, третья... Сейчас рванет. Сердце, как часы, отстывает. А Погребников, живой и невредимый, вылетел обратно. И в руке — научные материалы!

Палатка сгорела дотла. А я Погребникова, поскольку он так проявил себя на пожаре, назначил брандмайором станции. Так у нас на льдине появился свой пожарник.

Но пожар на льдине — редкость. Гораздо больше ЧП было с медведями.

Как-то во время пурги медведь подошел к «мясохранилищу». Летом сохранить мясо в Арктике трудно, солнце все-таки припекает. Мы его и засыпали снегом. Но медведь мясо учуял и сквозь толстый слой снега. А в это время около камбуза стояли два полярника и о чем-то громко разговаривали. Неожиданно они увидели, как из-за бугра, буквально в нескольких шагах от них, поднимается медведь и с любопытством прислушивается к разговору.

Минутное замешательство, и полярники бросились в разные стороны за карабинами. У одного на бегу даже унта свалилась! Хотел остановиться, обуть, а медведь огромными прыжками догоняет — до унты ли тут!

В одном носке прискакал полярник к палатке, а медведь уже дышит за спиной. И все же полярник изловчился, успел захлопнуть брезентовую дверцу прямо перед мордой медведя. Медведь остановился, понюхал. Видимо, палатка ему не понравилась. Хотел ударить по брезенту (а такой ударит — от палатки ничего не останется), но грянул выстрел. Это второй полярник успел выскочить с карабином.

Медведя убили наповал. А когда вскрыли желудок, нашли там пригоршню кислой капусты и коробок спичек. Несладкая, видно, жизнь для медведей в Арктике...

Негостеприимная Антарктика

В 1955 году я был назначен начальником первой Советской Антарктической экспедиции — опять восьмидесятая широта, только на противоположном полюсе Земли. Нам было выделено три судна: дизельэлектроходы «Обь», «Лена» и рефрижератор с грузом продуктов. Первой ушла из Калининграда «Обь». Напоминала она Ноев ковчег. Чего только на ней не было! Вся палуба была загружена частями самолетов и вертолетов.

Длинный переход по морям-океанам оказался коротким. Времени, как всегда, не хватало. Готовились к высадке, учились быстро устанавливать палатки, собирать щитовые домики, подгонялась полярная одежда и зимняя обувь. Мы уже решили, что назовем основной поселок на Антарктиде Мирный, в честь одного из кораблей русской экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, открывших Антарктиду.

Но прежде чем построить поселок, надо было выбрать подходящее место, а до этого найти площадку, где можно было бы собрать самолеты.

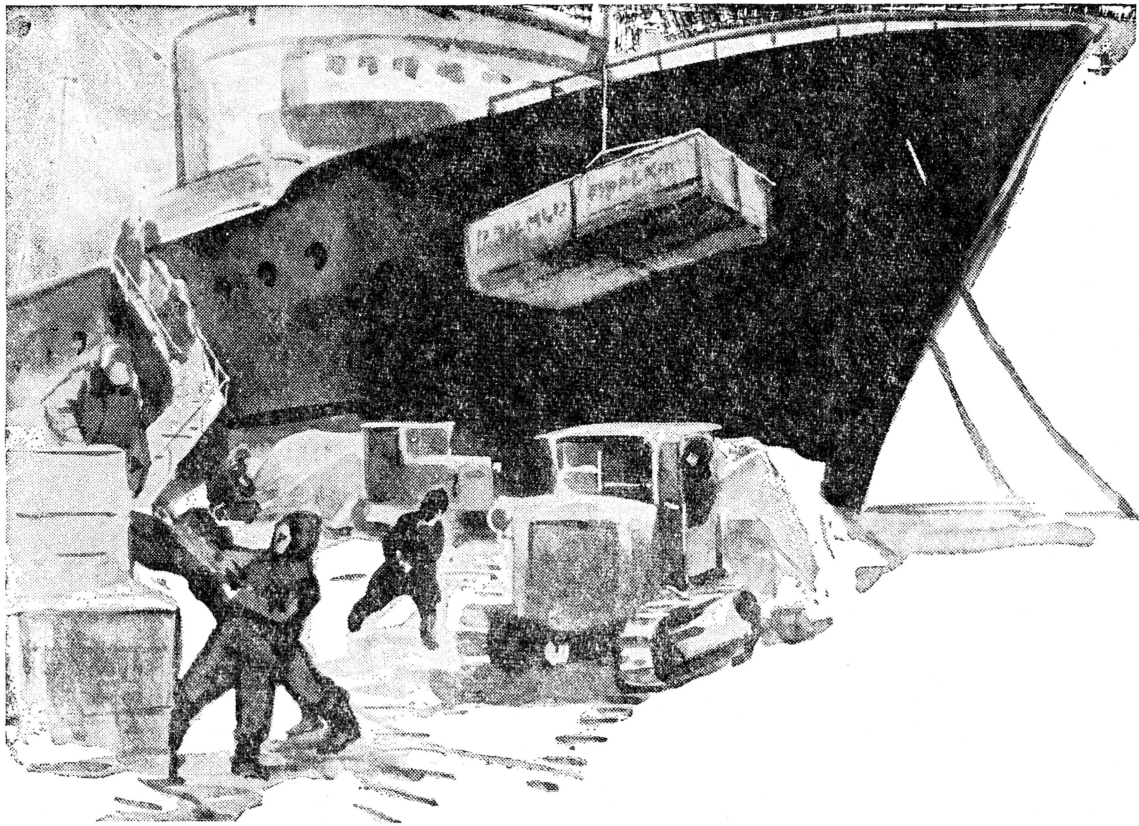
Вошли во льды. Туман, ничего не видно. Куда приставать? Потом в тумане прорисовался шельфовый ледник. Этот ледник лежит не на земле, а на дне моря. На леднике решили отыскать ровный участок припая. По аналогии с Арктикой знаем: ледник крепко припаян к берегу, можно будет выгружаться.

Наконец пришвартовались. По арктическим понятиям лед толстый — паковый, многолетний. Выдержит и грузы, и самолеты.

Кто-то заметил на берегу черные предметы, резко выделяющиеся на снегу. Что может быть здесь, в буквальном смысле на краю света? Послали наших мастеров альпинизма. Оказалось, что это камни. Сразу возник вопрос: а вдруг это выход коренных материковых каменных пород? Тогда на них можно строить и научную станцию.

Быстро выгрузили на лед ящики с частями самолетов. И тут погода вдруг изменилась, с ледника потянуло холодом. Ветер усилился, и ураган нанес нам страшный удар — плотный снежный заряд.

В довершение бед со стороны океана г-

дошла зыбь. И казавшийся крепким по арктическим понятиям многометровый лед припай стал крошиться и разваливаться, как размокший сахар. Части самолетов, вещи — все поплыло на льдинах-обломках. Ураган мешал их собирать, снег залеплял глаза. И тогда на спасение самолетов пошли добровольцы. Еле-еле удалось поднять все части машин на борт «Оби». Она пережидала ураган в открытом море. Вот как нас встретила Антарктида. Этот горький урок даром не прошел. Вторично с самолетами мы обращались более осторожно, трактор оттаскивал их от края припая примерно на километр.

На самолетах сделали несколько разведывательных полетов. И после долгих споров выбрали место для постройки Мирного. Только тогда началась разгрузка судов. За «Обью» подошла «Лена», а вслед за ней рефрижератор.

Шторм унес в море первую дорогу, вторая так же была разрушена. Третью дорогу проложили уже на каменистый мыс, у которого предстояло построить Мирный.

Последней разгрузилась «Лена». К ее приходу припай стал совсем опасным. Первый же трактор, спущенный с корабля, чуть уклонился от трассы, проломил лед и повис на краях трещины. С трудом удалось его спасти. Но следующий трактор погиб вместе с трактористом...

Случилось это так. Тракторы шли друг за другом. И когда первый попал в опасную зону (там толщина льда была всего полметра) и стал проваливаться, тракторист едва успел выскочить. А трактор, утонув кормой, казалось, провали-

ваться больше не собирался. Вот тогда со второй машины и соскочил двадцатилетний комсомолец Иван Хмара. Его не успели даже остановить, задержать, как он одним махом вскочил в кабину погибающей машины, решив резким рывком вырвать ее на лед.

Кинооператор, который был с нами и охотился за героическими случаями, приготовился запечатлеть подвиг. Он включил кинокамеру и заснял гибель Ивана. Как только Хмара дал газ, трактор мгновенно ушел под лед. Глубина моря в этом месте была семьдесят два метра...

Вскоре мы все-таки разгрузились, построили Мирный, а там пришла первая антарктическая зима. Об освоении Антарктики написано немало книг, исполнено уже десять лет, как мы высадились с «Оби», после нас в Антарктике побывали уже тысячи людей. Но первый наш поход в глубь шестого континента, честно говоря, смахивал на авантюру. Мы шли вслепую и на упрямы. Уже в нескольких десятках километров от Мирного высота над уровнем моря достигает 1000 метров, а в глубине континента мы, как летчики, оказались на высоте четырех тысяч метров! Задохались не только люди, задохались машины, тягачам не хватало воздуха.

Сейчас, конечно, оборудование другое и машины более выносливые. Да и Мирный теперь стал огромным научным поселком. Только под снегом весь теперь, а вместо улиц — снежные траншеи. Так что «столица» в Антарктике наверное скоро будет перенесена.

Рассказ

Евгений РЫБНИКОВ

Рисунок Ю. Григорьева

О тца мы не ждали — на него пришла похоронная. И письмо, такой потертый треугольник из грубой желтой бумаги, — от командира.

Старший брат тоже не вернулся с фронта, но мы ждали его. Он послал нам еще в сорок третьем весточку. Он уже знал, что отец погиб, и клялся отомстить за него. Васе было в ту пору девятнадцать лет. Написал он это перед первым боем.

И все...

Помню, как к нам заглянул его товарищ-однополчанин. Он пришел узнать что-нибудь о Васе. Сильно заикаясь, рассказал, как после того первого боя осталось их от целого полка человек тридцать. Товарищ видел Васю в санбате — его с перебинтованной до самого плеча рукой пронесли к санитарной машине...

— Я думал, он дома уже, — сказал товарищ брата...

Вот почему мы ждали Васю, верили в счастливый случай, надеялись — вернется.

...Стояло знойное, первое послевоенное лето. Окрестности поселка — сплошные картофельные поля. На них уже разрастались сочные ботвинки. Их заботливо пропалывали и окучивали.

Наше поле было у завода, недалеко от железнодорожного разъезда. А когда проходили поезда, я разгибал спину и провожал их взглядом. Часто они не останавливались на разъезде, а проносились дальше. В то лето все военные эшелоны шли на восток. Из раскрытых теплушек махали нам солдаты. На гимнастерках, офицерских мундирах горячо поблескивали ордена и медали, летели песни, музыка трофейных аккордеонов, солдаты бросали нам немецкие губные гармошки и открытки с идиллическими пейзажами. С каждым таким поездом я надеялся встретить старшего брата.

...Я окучивал нашу картошку, когда, оглянувшись на привычный грохот, увидел не воинский эшелон, а санитарный поезд. Он уже замедлял ход, готовясь встать на разъезде. Из окон и открытых тамбуров смотрели забинтованные, остриженные наголо, все на одно лицо, все в бело-ярком исподнем раненые солдаты.

Даже сегодня не могу ни понять, ни объяснить: почему я подумал, поверил, что именно в этом поезде возвращается домой наш Вася? Стало вдруг весело. Я наспех зарыл меж картофельных рядков тяпку и кинулся бегом, но не к разъезду, а домой. Я решил подготовить нашу комнату к встрече — прибраться, подмести. Пусть Вася войдет в чистый родной дом, из которого он отправился когда-то в снайперскую школу.

По дороге мне встретились знакомые ребята. Они шли с рыбалки. Я не мог не задержаться.

— А ну, покажь, сколько? — нахально воткнулся я носом в их ведро.

— Это что! — заговорил один из них. — Вот твой Ленька...

«Твой Ленька» — мой второй старший брат.

— ...твой Ленька, знаешь, каких чебаков на быстринке таскал сегодня. Он и сейчас еще ловит.

Они мне стали объяснять, почему Ленька так хорошо ловит: у него удочка оборудована на «свист», а насадка — кузнечики...

— Знаете, ребята, — перебил я их, — мне домой скорее надо. У нас Вася сегодня приезжает...

— С фронта?

— Конечно. Он раненый.

— Зато живой, — сказал один. — У нас папа тоже скоро придет.

Я не слушал их больше. Я торопился и думал об удачной Лениной рыбалке. Он удил не для забавы. Котелок рыбы — это добрый ужин для нашей семьи. Особенно летом, когда молодая картошка еще не поспела, а старую мы приели еще весной. А сегодня чебаки с быстринки очень кстати. Мать придет с работы и поджарит их для Васи. У нас будет настоящий праздник.

Я летел к поселку, не чувствуя босыми ногами земли, пел и орал что взбредет в голову. У стадиона меня окликнули пацаны из нашей компании.

— Пошли на футбол!

— Нет, ребята, я не могу сегодня.

— Ты с ума сошел, сегодня ж такая игра!

— У нас Вася приезжает...

— Тогда встречай. — И они потеряли ко мне интерес, бросились занимать любимые места у ворот. Если бы не Вася, я бы ни за что на свете не пропустил этого матча.

Дома с энтузиазмом я кидался от вещи к вещи, быстро находил им нужное место, заправил постель, старательно вымел пол, золой оттер чернильное пятно на клеенке, вспрыснул водой летающие пылинки.

И стал ждать. Я сел у стола, раздвинул на подоконнике цветочные горшки, чтоб мне хорошо было видно дорогу. Я представил, как медленно идет с разъезда Вася. Он ведь еще не очень хорошо вылечился после ранения, шагать быстро ему тяжело. Я думал: пусть он идет медленно, пусть не торопится, все равно он придет сегодня.

Вернулся с рыбалки Леня, бросил в угол удочку, поставил на стол котелок, полный серебристых чебаков, и только тогда увидел, как хорошо у нас в комнате. Конечно, он удивился: мы с ним никогда не занимались приборкой.

— Это ты все?

— Да.

— Что на тебя нашло?

— Санитарный поезд на разъезде остановился. Я думаю, Вася приехал.

Ленька сразу погрузился. Он растерянно поглядел по углам, что-то поискал, ненужное ему вовсе, потрогал блестящих чебаков.

— Ну, ладно... Ты почисти до мамы рыбу. Я на футбол пойду.

И ушел. Я достал фанерку и почистил на ней чебаков.

Когда пришла с работы мать, тихая от усталости, я ей ничего не сказал про Васю. На дворе уже смеркалось, и я вдруг понял, что ждал напрасно: старший брат не придет...

ТРУЖЕНИК РЕВОЛЮЦИИ

М. БУКИНА, Ю. ПОСТНОВ

Семнадцатилетний выпускник Киевского кадетского корпуса Борис Дидковский стоял перед своим отцом — штабс-капитаном 127-го Путивльского полка. Суровый и строгий отец встретил сына стоя за письменным столом, при всех регалиях.

Сдвинув брови, он просматривал аттестат. Можно было подумать, что отец недоволен. Между тем, по математике у Бориса выставлен высший балл — 12, по географии и естественной истории — 11. Правда, по словесности, рисованию оценки ниже, но средний балл достаточно высок — 10,2.

Борис переступал с ноги на ногу: кажется, можно бы обойтись без формальностей и по-родственному присесть на диван. Стояние «во фрунт» давно уже приелось в корпусе. Наконец, не дожидаясь приглашения, Борис сел.

И вдруг холодные глаза отца поднялись над аттестатом.

— Что это значит?

— А что? — беспечно спросил Борис. Впрочем, он прекрасно знал, о чем пойдет речь.

— Здесь написано, что ты окончил курс при удовлетворительной нравственности.

— Видимо, моя нравственность их удовлетворяет.

— Не паясничай. В чем провинился?

Борис сделал вид, что припоминает.

— Не хотел носить галстук... Учинял беспорядок перед сном... Дразнил за обедом Адамса... Как-то однажды залез в глубокий снег... Ну, еще что?...

— Я говорю, перестань паясничать! — отец щелкнул по бумажке: — Здесь кроется что-то серьезнее.

Борис чуть сдвинул брови.

— К сожалению, нам не показывали то, что строчили на нас воспитатели. Если тебя интересует, я думаю, они, уважая твой чин...

Отец возмущенно взмахнул рукой.

— В таком случае я тебе скажу, мой дорогой, в чем ты провинился. У тебя неудовлетворительная нравственность! Ты позволяешь себе критиковать распоряжения воспитателей. На молитве тебя охватывает приступ болтливости. Когда от тебя требуют, чтобы ты был подтянут, ты ходишь, нарочно щелкая каблуками, и ведешь себя, как последний деревенский вахлак.

Лицо Бориса оставалось неподвижным, но глаза становились все более холодными и непримиримыми. Трудно было поверить, что это отец и сын: разговаривали двое чужих.

— Твои намерения?

— Учиться. В электротехническом.

— Что-о? — отец замолчал, стараясь подавить приступ ярости. — Твой дед из-за пустых формальностей потерял свое потомственное дворянство. Всю жизнь он потратил, чтобы восстановить его. Я тоже служу всю жизнь, чтобы оправдать звание личного дворянина...

— Извини, отец, но все это звучит смешно.

— Смешно? — отец встал, упиравшись побелевшими пальцами в стол. — Может быть, тебе смешно, что я — офицер, готовый ради своего отечества...

— Да, смешно!

Так, в мае 1900 года Борис Дидковский отрекся от военной службы, от обязанности защищать царский престол. Так потерял он отца и дом. Отныне ему предстояло рассчитывать только на самого себя.

* * *

Очень скоро Борис приобрел характерный облик русского студента начала нашего века: в заломленной на затылок фуражке, с расстегнутым воротом, с двумя-тремя книжками в руках он спешил на лекции.

В Петербургском электротехническом институте, где учился Борис, было неспокойно. Даже на лекциях уважаемых профессоров, чувствовалась какая-то напряженность. Когда же на кафедре появлялись те, кого молодежь не принимала, аудитория гудела и волновалась, никакие замечания не могли ее успокоить. Ходили слухи, что среди студентов есть и подпольщики.

Сынки богатых оставались равнодушными: их не интересовали революционные идеи и горячие диспуты, после лекции они спешили домой, к тишине и комфорту. Дидковскому приходилось после занятий бегать по урокам, по ночам читать, готовиться к лекциям и ложиться спать, не поев.

Весной 1901 года один из товарищей Бориса, учившийся в технологическом институте, поручил ему распространить у себя в электротехническом несколько листовок. Он выполнил задание. Так началась революционная деятельность Бориса Дидковского.

Листовки, брошюры, смелые разговоры Бориса и его товарищей будоражили студенчество. Постепенно у Дидковского накапливались запрещенные издания, и он стал хранителем нелегальной библиотеки. Тоненькие брошюры, отпечатанные на гектографе, переходили из рук в руки. Под студенческими кителями прятались папиросные листы «Искры».

И вот первая студенческая забастовка. И первое выступление.

О революционном брожении среди учащейся молодежи Петербурга, Киева и других городов департамент полиции нервно доносил министру: «Студенты бастуют не только потому, что закрыли столовую или уволили любимого профессора, они выдвигают политические лозунги, У многих из них на устах РСДРП».

Агитаторы партии в передних рядах. Среди них Дидковский, вступивший в члены РСДРП в 1902 году. Теперь он, возвращаясь вечером с уроков, часто идет не домой на Казанскую улицу, а садится на конку и едет на Васильевский остров. В одном из темных дворов его встречает кто-то невидимый, сжимает руку у локтя.

— Пароль? Проходи!

Это подпольный кружок. Здесь говорят о Ленине. Здесь студент сидит рядом с рабочим и руководитель кружка предупреждает: царское правительство усиливает репрессии!

В 1903 году Дидковского отчислили из института. С большим трудом ему удалось устроиться на физико-математический факультет университета. Вскоре на Дальнем Востоке вспыхнула война.

Студенты осуждали правительство, развязавшее войну с Японией. «Самодержавие перед лицом культуры», — так называлось воззвание, подписанное студентами социал-демократами. Сходки, забастовки, протесты. Волнение вырывается из стен университета — студенты выходят на улицы. Конная и пешая полиция разгоняет демонстрации. Стоя в подворотне, без фуражки, Борис плюет кровью: у него выбито нагайкой пять зубов.

Весной Дидковский по поручению партии едет на Украину. Четыре месяца он печатает листовки. Дважды направляется в Вольнскую губернию за революционной литературой, издающейся за границей и привозит ее в Киев. Его посылают в Нежин, чтобы помочь в организации забастовки рабочих сахарного завода.

В университете это не осталось незамеченным: Дидковского исключают без права поступления в высшие учебные заведения России. Полиция нападает на след молодого революционера. Ему грозит неминуемый арест. С помощью товарищей Дидковский в конце 1905 года уезжает за границу.

* * *

Восемь лет вдали от родины — нелегкое испытание даже для сильной натуры. Борис Владимирович в эти годы простился с

юностью и приобрел черты не по возрасту серьезного, всегда сдержанного человека.

Жизнь в Швейцарии не была для него безоблачной: непрерывный труд в геологической конторе, короткий сон в тесной комнате, жизнь впроголодь. Но Дидковский настойчиво учился в университете, одновременно активно участвуя в революционном движении. В 1907 году, во время рабочей демонстрации в Женеве его жестоко избили жандармы.

Окончив в 1913 году университет по геологической специальности и получив степень бакалавра наук, Борис Владимирович уезжает в Россию. Вот как это произошло.

Знаменитый швейцарский геолог Л. Дюпарк, проводивший исследования во многих странах Европы, отправился в очередную поездку на Северный Урал. Он намеревался произвести здесь геологическую съемку в платиноносном районе Павдинского горного округа. Помощником он взял своего ученика — Бориса Дидковского.

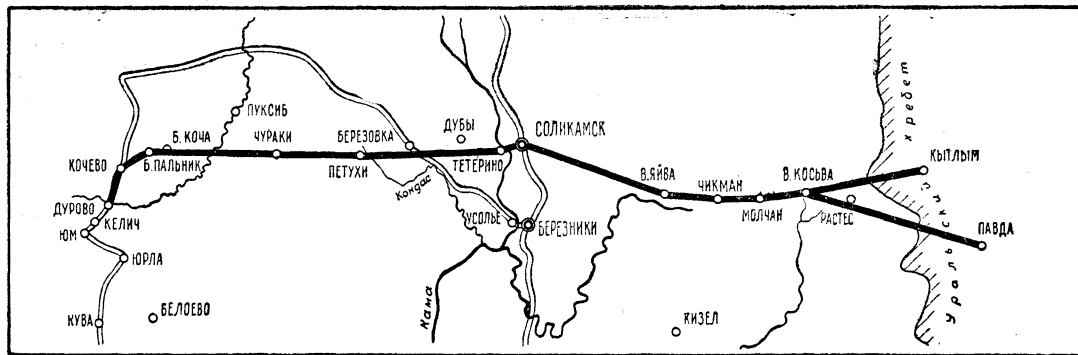
Жители Николо-Павдинского поселка очень скоро обратили внимание на двух мужчин, которые с молотками и какими-то приборами каждое утро уходили в горы и возвращались лишь с закатом солнца.

Увлеченно трудились учитель и его ученик. Профессор, казалось, видел перед собой огромную карту знаменитого платиноносного массива. Он проверял свои гипотезы, заносил новые данные в дневник, хмурился и расцветал от радости — он творил!

Дидковский тоже с каким-то упоением исследовал эти горы, лога и долины рек, тающие в себе еще неведомые богатства. Он испытывал радость предстоящих открытий, подобно землепроходцу или ученому, вдруг приблизившемуся, наконец, к искомой тайне.

Профессор возвратился в Женеву, а Борис Владимирович поступил на службу в управление горного округа. В его обязанности, как главного геолога, входила геологическая съемка, разведка платины и других полезных ископаемых. Хозяева приисков ценили в Дидковском знающего специалиста. Конечно, если бы им были известны мысли этого молчаливого человека, они постарались бы немедленно избавиться от него.

Сдержанный и скрытный с владельцами компании, он совсем иначе держался с рабочими, находя среди них товарищей и единомышленников. Его объединяла с ними общая ненависть к предпринимателям, к эксплуатации и бесправью народа. Не случайно рабочие сразу нашли с

Путь отряда Б. В. Дидковского.

ним общий язык и считала его чутким, отзывчивым человеком, всегда готовым им помочь.

* * *

Известие о Февральской революции взволновало и обрадовало Дидковского. Он сразу же активно включился в политическую борьбу.

В марте 1917 года под его руководством были проведены на Северном Урале волостные съезды. Рабочие избрали его членом волостного Совета рабочих Павды и Кытлыма, послали своим делегатом в Пермь на первый областной съезд Советов Урала, а затем в Петроград на Первый Всероссийский съезд Советов.

В апреле за организацию предмайских рабочих забастовок хозяева горного округа уволили его. Но в мае Дидковский уже в Верхотурье, — председателем продовольственной управы. Избранный в июне членом исполкома Екатеринбургского окружного Совета, Дидковский по поручению партии большевиков готовил революционный переворот в Верхотурском уезде.

А задача эта была нелегкой. На четыре тысячи жителей Верхотурья большевиков было пять человек, а во всем уезде — не больше пятнадцати. С Екатеринбургом не было регулярной связи. На месте приходилось решать самим, что делать...

...В тот октябрьский вечер жители Верхотурья рано заперлись по домам. Городок замер, но не спал. Во многих домах, где жили рабочие, из-за занавесок пробивались полоски света: тревожило — кто возьмет власть? Большинство поняло, что прежняя власть выгодна только богатым.

Местные чиновники, не желавшие примириться с надвигающейся революцией, собрались в одном из домов.

— Хватит двоевластия! — возмущались они. — У нас есть солдаты и милиция. Если будем выжидать, солдаты перейдут на сторону большевиков!

Земское собрание вынесло постановление: вызвать из Перми войска и арестовать «смутьянов».

Большевики по одному собирались в маленьком доме на окраине городка. Сюда же пришли члены партии из окрестных заводских поселков.

Вел собрание Дидковский.

— Нам известно от доверенных лиц о решении земского собрания арестовать большевиков, — говорил он. — Дума не признает Совета рабочих и солдатских депутатов. В любой момент она может перейти в наступление. Больше ждать нельзя. Рабочие Петрограда подают нам пример! Есть предложение, товарищи, брать власть в свои руки.

Разошлись поздно. Спустя час несколько всадников покинуло Верхотурье: им поручено передать большевикам Верхней Туры, Кушвы, Надеждинска и Ляли просьбу прислать на помощь отряды красногвардейцев.

На следующий день большевики Верхотурья, заняв под штаб добротный каменный дом, запаслись водой и продовольствием: пока придут красногвардейцы, может быть придется отсиживаться.

Но одновременно Дидковский принял решение: не защищаться, а наступать. Важно захватить противника врасплох.

— Так у нас всего одна винтовка, — возразил пожилой рабочий, — а у них милиции человек тридцать.

— Решительность тоже кое-чего стоит, — спокойно заметил Борис Владимирович.

Три человека, двое из них в шинелях, с винтовкой наперевес, пересекли пыльную площадь и вошли в управление милиции.

Сидевший на табурете дежурный вскочил. — Спокойно! — твердо сказал Дидковский. — Вы арестованы.

Трое пришедших действовали быстро и решительно. Сверху доносились голоса и смех: там, на втором этаже, весь отряд милиции.

— Закрывать второй этаж! — командует Дидковский.

— Эй, кто там? — доносится сверху.

— Я — Дидковский. Именем городского Совета рабочих и солдатских депутатов вы арестованы. В случае сопротивления открываем огонь. Наверху наступила тишина.

Вскоре подошли другие рабочие. Известие о захвате милиции мгновенно разнеслось по городку. Из Думы в воинскую часть помчался нарочный. Но Дидковский знал: солдаты колеблются и вряд ли будут стрелять в рабочих. И все же тревожно. Милиционеры на втором этаже молчат, может быть что-нибудь замышляют? Наступает вечер.

И вдруг...

Издали нарастает песня: «Смело, товарищи, в ногу!..»

Это пришли красногвардейцы.

* * *

Советы победили по всему Уралу. Народ взял власть в свои руки. Но борьба с многочисленными врагами революции не только не прекратилась, она приобрела еще более острый характер. Хозяева заводов, рудников и приисков саботировали мероприятия советской власти, прекращали выдачу заработной платы рабочим. Истощенное войной хозяйство приходило в упадок.

В начале декабря 1917 года Ф. Э. Дзержинский получил записку от В. И. Ленина:

...«Вопрос на Урале очень острый: надо здесь (в Питере находящиеся) правления уральских заводов арестовать немедленно, погрозить судом (революционным) за создание кризиса на Урале и конфисковать все уральские заводы. Подготовьте проект постановления поскорее».

Так начался разгром преступного заговора уральских промышленников. Декретом Совнаркома первым на Урале по предложению рабочих был национализирован Богословский горный округ.

Дидковский, ставший заместителем председателя Уралоблсовета, с головой уходит в эту работу. Дом на Ломаевской, где размещался Совет, ежедневно осаждали сотни людей в шинелях, кожанках, тулупах. Они шли и ехали сюда со всех концов Урала, чтобы рассказать о положении на местах, получить приказ или инструкцию. Комиссары отвечали им: рабочие должны учиться управлять производством, брать руководство предприятиями в свои руки.

Работа Уралсовета не прекращалась и ночью. Ползуясь тем, что только в это время иссякал поток посетителей, ответственные комиссары Совета проводили экстренные заседания. Впрочем, каждое из этих заседаний было экстренным: 24 апреля — национализация каменноугольного производства, 29 апреля — национализация асбестовых предприятий Баженовского района,

2 мая — национализация солевых заводов Усольского района, 12 мая — постановление о постройке железных дорог...

* * *

Едва прохладное уральское лето сменило весну, грянул контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса.

В мае белочехи захватили Челябинск, в июне — Екатеринбург. И все же работа не прекращалась. Полномочный представитель Урала в Москве Дидковский принимает участие в подготовке правительственных постановлений о дальнейшей национализации промышленности.

«Все уральские предприятия, банки, недра стали отныне достоянием народа», — с радостью телеграфировал он на Урал.

И все это совершилось, несмотря на то, что полчища интервентов и белогвардейцев занимали один за другим уральские города и селения.

* * *

Осенью 1918 года Уралобком, эвакуировавшийся в

Пермь, отозвал Дидковского из Москвы и срочно направил на Северный Урал для выяснения военной обстановки.

И вот он едет из Перми в Верхотурье на предоставленном ему паровозе.

...От паровозной топки жарко, и время от времени Дидковский выглядывает в окно. Искры, густо летящие с паровоза, кажется, вот-вот подожгут лес. Дидковский всматривается в темноту. Что-то ждет его там, в знакомых местах? Белогвардейцы, обтекая левый фланг 3-й армии, уже заняли Надеждинск, Богословск и Верхотурье. На очереди Павда. Если белые возьмут ее, они овладеют ключом к Кизелу и Соликамску. Верхотурский тракт выведет их в самый центр угольного бассейна и соляной базы Урала.

Эти горы, исхоженные вдоль и поперек, давно стали Дидковскому родными. Когда-то они с профессором Дюпарком детально изучали их. Кажется, целая жизнь прошла с тех пор...

* * *

Через несколько дней он уже в бою, во главе отряда добровольцев. Это не входило в задание, полученное им от Областного комитета партии и Реввоенсовета 3-й армии. Но медлить нельзя: положение угрожающее. Белые наступают, на этом участке нет ни одного подразделения Красной Армии. Не дожидаясь директив,

Добровольцы из отряда Б. В. Дидковского.

Дидковский решает, по договоренности с командиром 29-й дивизии М. В. Васильевым, остаться здесь и создать добровольческие отряды.

...Белые непрерывно строчат из пулеметов. Трудно оторвать голову от земли. И все-таки Дидковский не только поднимает голову, но и встает во весь рост. И вместе с ним встают все 70 человек — отряд, собранный им. Этих людей агитировать не нужно: для них приход белых хуже, чем смерть. Белогвардейцы бегут из Старой Ляли. Первое боевое крещение завершается победой.

Но на следующий день противник берет реванш: паровоз Дидковского сбит с рельс. Бой за Мелехино кончился неудачей. Отряд в окружении. Под пулями Дидковский сумел вывести из-под огня раненого командира соседнего батальона. Получено известие — белые вблизи Павды и связь с ней прервана. Под свист пуль, преследуемая противником, группа бойцов отряда Дидковского с тремя возами оружия и патронов прорывается в Павду.

Крепки объятия павдинских рабочих. Вместе с ними когда-то Дидковский бастовал и вместе они, не робея, разговаривали с хозяевами.

Такое не забывается. В Павде у Дидковского непререкаемый авторитет. Рабочие готовы драться под его руководством.

Отряд растет на глазах. Бывший унтер-офи-

пер Константин Захаров обучает добровольцев военному строю, а стрелять они умеют сами: большинство — охотники.

Одновременно Дидковский формирует отряд добровольцев в Кытлыме. Рабочие отряды упорно защищают в течение трех недель единственный на Севере Урала советский участок. Но под напором Сибирского стрелкового полка белых 14 ноября Павду пришлось сдать. Отступить можно было по свободной дороге на Каменушку и Исовские прински, но Борис Владимирович не хотел оголять дорогу на Кизел, и павдинцы под командованием П. С. Соловьева пошли по Соликамскому тракту.

* * *

Кытлым — по-русски — «котел». Об этом Дидковский невольно вспомнил теперь, когда внизу у подножья гор, перед ними открылась панорама огней поселка. Он со всех сторон окружен горами и, действительно, как бы находится в котле. Вдали на облаках дрожат розовые отблески пожара: там, за горами, белые.

Сколько страстей бушевало вокруг этого поселка — поставщика платины. Здесь перекопан каждый метр: кытлымской платиной оплачивалась вооружение царской армии во время мировой войны. О ней мечтали иностранные предприниматели. К ней рвались теперь белогвардейцы. Они будут здесь вот-вот. Спротивляться невозможно: отряд насчитывает всего 26 человек.

Дидковский принимает смелое решение:

— Завтра начнем подбирать людей в отряд. Будем просить поддержку из Кизела. Кытлым нельзя сдавать! Это выгодная позиция в горах. По крайней мере, мы должны задержать здесь белых как можно дольше.

И вот уже на подступах к Кытлыму перестрелка. Белые, не ожидавшие сопротивления, поспешно отступили. Ночью они налетели снова, но пули кытлымских рабочих заставили их повернуть обратно.

Начинается пурга. Голодные бойцы, одетые в поношенные ватники и тонкие шинели, страдают от холода. Хотя в отряде насчитывается уже более ста человек, его боеспособность невелика: бойцы вооружены винтовками пяти систем, им не хватает патронов.

Получив донесение из Кытлыма, Кизеловский совдеп сформировал роту добровольцев и направил в помощь Дидковскому. Но она не успела вовремя дойти: белые взяли Растес и единственная дорога из Кытлыма оказалась перерезанной. Огромный обоз, вышедший из Павды и Кытлыма, успел пройти через Растес в Верх-Косьву, но Дидковский с отрядом кытлымчан оказался в «котле».

* * *

Хребет Косьюинского Камня известен как трудно проходимый перевал. Он становится почти недоступным, когда наступают морозы и ветер валит человека с ног.

И все-таки, именно через него шел на запад отряд Дидковского, преследуемый колчаковским отрядом Казагранди. Партизаны шли без дорог, по глубокому снегу, через горы, тайгу и болота. Завывал буря, ветер дул навстречу с такой силой, что хоть грудью ложись на него. Давно уже оставлены лошади: снег оказался слишком глубоким для них. Конина съедена, последний хлеб

и табак делили маленькими порциями, питались ягодами рябины.

Отряд шел из Кытлыма семь суток. Как и другие бойцы, Дидковский был истощен. Однажды, заснув у костра, чуть не упал в огонь. Дважды проваливался под лед. У него начала опухать нога. Однако он молча крепился и ободрял других.

Наконец они вышли на дорогу в районе между Верх-Косьвой и Молчаном и натолкнулись на обоз из Кытлыма. Их было 19 вместе с Дидковским. Шатающиеся от усталости и опухшие от голода, с обмороженными ногами и руками, заросшие до самых глаз, они мало походили на людей.

— Кто такой? — молоденький красноармеец недоверчиво осматривал обожженную шинель Дидковского.

— Начальник советских войск Дидковский, — ответил тот.

— Ну да?! — парень растерялся.

А по обозу уже полетело: Дидковский вышел... Дидковский... Люди соскакивали с повозок, окружали Дидковского, жали ему руки, улыбались, обнимали своих товарищей, узнавали земляков. Дидковского и его людей считали погибшими.

Несмотря на усталость и истощение, Борис Владимирович, в то время, как люди, перевалившие с ним Уральский хребет, отсыпались после перехода, уже обсуждал со своими помощниками план дальнейших действий.

Сил мало и ожидать подкрепления в ближайшие дни не приходилось.

— Мы не можем сейчас отбить у белых Павду и Кытлым, — говорил Дидковский. — Но наша задача удерживать занимаемые позиции как можно дольше. Нужно протолкнуть обоз на Соликамск и дальше. Нужно вывезти все ценности, эвакуировать наших людей и семьи бойцов. Каждый день сопротивления — это выигрыш во времени для 3-й армии, это мобилизация сил для борьбы с врагом.

От этого смертельно усталого человека в потрепанной шинели, со спутанными волосами, с черными, подрагивающими пальцами исходила такая энергия, что, казалось, для него нет ничего невозможного. И когда он сказал, что они немедленно пойдут в наступление и отобьют у беляков Верх-Косьву, это никого не удивило.

Удар на Верх-Косьву был настолько стремительным и неожиданным, что колчаковцы бежали без боя.

Дидковский проявил отличное знание военного дела, овладел тактикой партизанской борьбы. Его отряду приходилось действовать в крайне тяжелых условиях. Красногвардейцы были измучены бесконечными боями... Не хватало оружия, патронов. Огромный обоз эвакуированных скрывал маневренность отряда. Не было сил для открытого столкновения с колчаковцами, и поэтому приходилось хитрить. Отряд изматывал преследователей обходными маневрами, засылкой в их тыл разведчиков, ночными налетами. Все было подчинено одной цели — собрать и сохранить силы, сберечь людей и ценности, пробраться на запад на соединение с Красной Армией, а вместе с тем сдерживать натиск колчаковских полчищ, прикрывая левый фланг 3-й армии.

В отряд Дидковского люди шли отовсюду: из Чердыни, Кизела, Соликамска, Усоляя. Рабочие, учителя, фельдшеры, крестьяне — все, кто не

хотел жить «под Колчаком». Они гнали скот, везли с собой домашний скарб.

Колчаковцы часто нападали на отряд с двух сторон: с фронта действовали регулярные части белых, а в тылу выступали кулаки. Бои становились все ожесточеннее.

* * *

По улицам села бежал человек без шинели и шапки, несмотря на мороз. Он что-то кричал и размахивал руками. Добежав до штаба, ворвался в дом.

— В Юрле.. в Юме.. восстание,— выдохнул он.— Рычкова убили..

Вскоре собрались все, кто был при штабе. Подходили новые люди, переговаривались, делились патронами. Во дворе нетерпеливо перебирали ногами кони.

Положение было крайне опасным. Повстанцы захватили обоз, оружейную мастерскую, боеприпасы. В их руках семь красных бойцов.

Расстреляно около 30 человек. Зверски убит предвекком Рычков. Единственная дорога, по которой можно выйти на соединение с 3-й армией перерезана. Отряд в кольце. Что делать?

— Драться! — говорит Дидковский. — Выступать немедленно, чтобы подавить восстание в зародыше.

А сам все больше хмурится — там, в Юрле и его родные, жена Елена Александровна и девятилетняя дочь.

..Юм был взят сразу. Бой за Юрлу продолжался около двух часов. Повстанцы устроили на окраине завалы из леса и яростно отстреливались. Но судьба восстания была уже решена — внезапность принесла успех.

Бойцы ворвались в село. Со всех сторон к ним бежали люди, обнимали, хватили за руки. Ведь многие из них были спасены от жестокой расправы. Недалеко в саду лежали в натальном белье трупы замученных людей.

* * *

На этом закончилась героическая борьба отряда Дидковского на Северном Урале, продолжавшаяся более трех месяцев. За это время был пройден с боями путь от Павды до Юрлы, протяженностью около 300 километров. Упорное сопротивление красных на Верхотурско-Соликамском тракте сорвало планы белых: они не смогли обойти левый фланг 3-й армии.

Уже в Кочеве отряд Дидковского, выросший до 800 человек, начал переформировываться в роты. А после подавления восстания и соединения с 3-й армией в конце января 1919 года отряд был переименован в 23-й Верхне-Камский полк. Перевернулась еще одна страница в биографии замечательного революционера, коммуниста, героя гражданской войны — Бориса Владимировича Дидковского.

* * *

Отгремела гражданская война. Позади остались фронтовые пути-дороги, бои за Пермь и Омск, тяжелая работа начальником снабжения 3-й армии и затем — комиссаром Красноуральской дивизии. Теперь, по указанию Совнаркома Дидковский был направлен на восстановление горнорудной промышленности Урала. Но еще долгое время не расставался со своей походной шинелью.

Борис Владимирович дидковский.

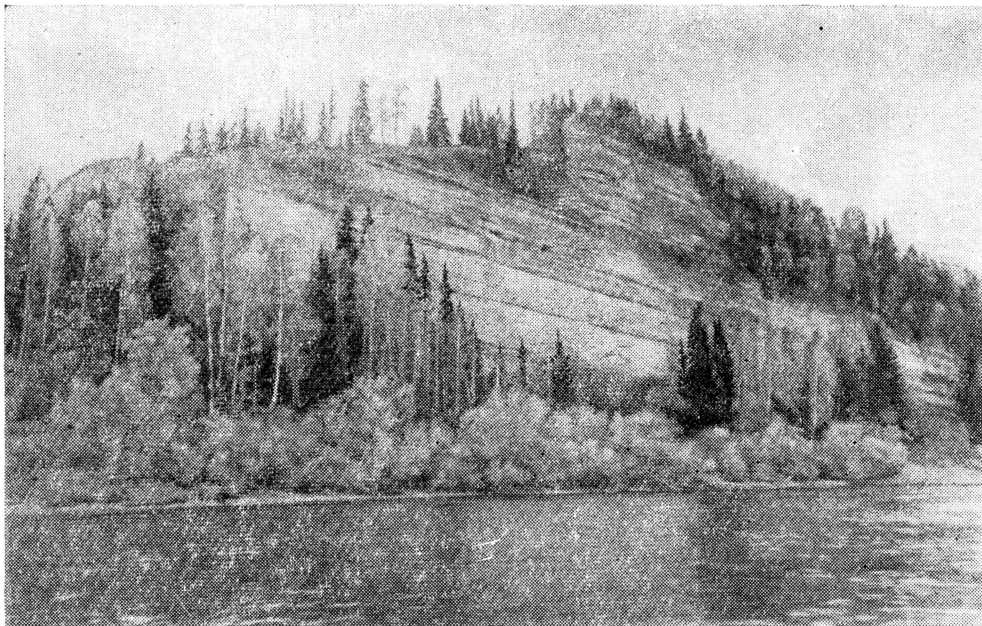
В этой же шинели в 1920 году он вошел в подъезд только что созданного Уральского университета. Став первым ректором-коммунистом, он выдержал тяжелую борьбу с враждебно настроенной частью профессуры и студенчества.

В этой же шинели беззаветный труженик революции входил ежедневно в здание Уралплана, где возглавлял огромную работу по районированию Урала, участвовал в планировании народного хозяйства края.

Военная закалка, несокрушимое хладнокровие, умение вести людей за собой пригодились Дидковскому и в 1930 году, когда его назначили на должность начальника Уральского геологического управления. Уралу нужно было много угля, черных и цветных металлов, химических удобрений, строительных материалов. Геологоразведка становилась одним из самых ответственных участков народного хозяйства края.

За короткое время маленькое учреждение превратилось в мощный центр геологической службы. Уже в первой половине 30-х годов были открыты огромные запасы полезных ископаемых. Широко развернулась геологическая съемка. Карты Урала, составленные в те годы, до сих пор сохраняют свое значение. Сам неутомимый труженик, не умевший работать в полсилы, Борис Владимирович находил и привлекал к себе людей подобного же склада. Вместе с ним работала целая плеяда исследователей земных недр.

Б. В. Дидковский погиб в 1937 году. Но такие, как он, не уходят бесследно: добрая слава о них не меркнет.

Река Колва. Камень Дивий.

В лесах реки Колвы на севере Пермской области есть пещера Дивья. Попастъ к ней совсем нетрудно. Летом, в большую воду, можно приехать в деревню Дивью рекой: от Перми на пароходе до Чердыни, дальше на грузовом или пассажирском катере вверх по Колве. Зимой — по железной дороге до Соликамска, откуда на автобусе через Чердынь в Ныроб.

Путь от Ныроба до реки Колвы пешком — по старому Печорскому тракту до села Рожнево, дальше по дороге на деревню Бобыку. От нее пещера находится на расстоянии немногим более километра, на противоположном берегу Колвы.

Итак, мы, группа спелеологов, — у северной красавицы Колвы. В окрестностях пещеры над рекой возвышается овеянная легендой скала-камень Дивий. Вблизи — маленькая деревня Дивья. Отсюда путь к пещере. Не очень-то легко найти вход в нее. Вход — узкое отверстие, в которое можно протиснуться только ползком.

Один за другим исчезаем мы в этой щели. Ползем — затылок упирается в потолок, подбородок едва не касается пола. Скоро можно встать на колени. Потом идти согнувшись. Узкие коридоры переходят в просторные гроты. Один величественнее другого. Еще в 1772 году первый исследователь Дивьей пещеры Рычков написал о ней: «Сколько известно нам пещер, но ни в одной из них не видно, чтоб натура столь щедро источила в них редкости творения своего».

Продолжаем путешествие. Словно два гигантских глаза следят за нами с потолка в гроте, названном Черные глаза. В гроте Ветлан со стены уставился черт. А какой скульптор высек из камня голову полярного зверя в гроте Медвежьем? Два гиганта-сталагмита, словно шахматные король и королева, украшают грот Столбовой.

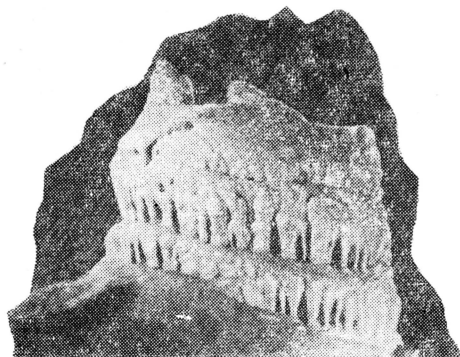
Как же природа создает под землей свои удивительные творения? Вода, проникающая сквозь толщу известковых пород, бывает насыщена известью. Из капель она оседает на потолке пещер в виде бугорка. Постепенно осадок кристаллизуется, превращаясь в минерал кальцит. Из бугорка образуется трубочка-сталактит. Она растет, удлиняется... Но из капли, упавшей на пол, также выделяется известь. И навстречу сталактиту растет конус с приплюснутой вершиной — сталагмит. Процесс этот очень длительный. Проходят тысячелетия, прежде чем сталагмиты становятся громадными столбами. Возраст иных тридцать, сорок тысяч лет.

Если разрезать сталагмит, в поперечном сечении увидите кольца, напоминающие годовичные слои деревьев. За год образуется два кольца. Они различны по цвету, так как химический состав зимней и летней влаги неодинаков: зимой — белый, летом — коричневый или темный.

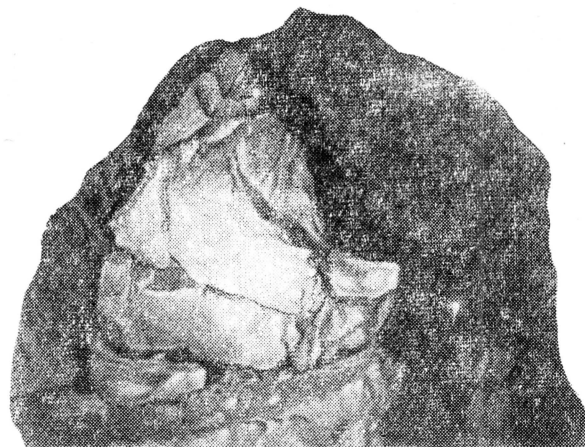
Какие только причудливые формы не создают известковые растворы!.. И гребешки, и растениевидные образования, и кристаллические щетки... А то вдруг сталагмит начинает покрываться «ягодами». Их называют пещерный виноград.

Если вам представится случай, побывайте в Дивьей пещере на реке Колве. Между прочим, совсем недавно спелеологи открыли здесь неведомые раньше гроты, еще более прекрасные, чем уже известные следопытам и туристам.

М. ЗАПЛАТИН

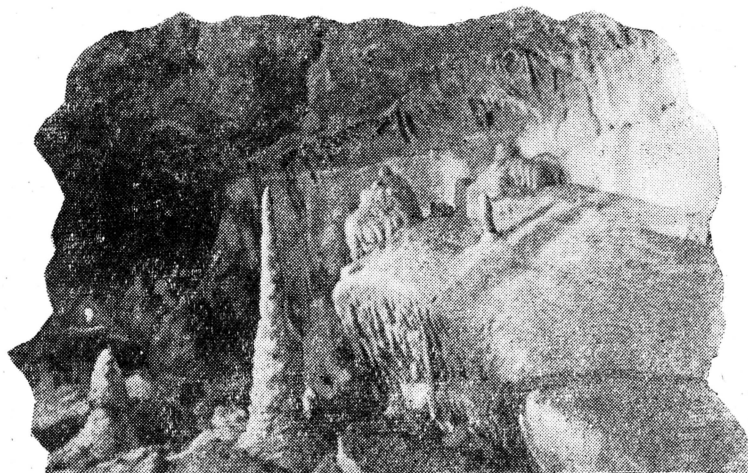
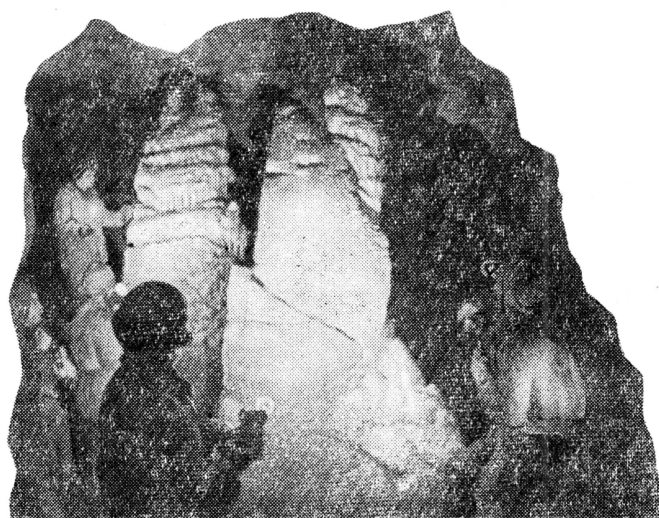
Сталагмит Тумба.

Следопыты в гроте Кабан.

Грот Столбовой.

Грот Индийский.

А. ГАЙВИН.

Рисунки Н. Мооса.

Бегут, разбегаются глянцево-зеленые волны травы.

Я ждал толчка, но его не было. Колоски пырея мягко уперлись в нижнее дымчатое стекло, и бортмеханик пошел открывать дверцу.

Мы выпрыгнули в траву, пилот высунул голову из кабины, прокричал что-то неразборчивое, лопасти завертели быстрее, и вот вертолет уже превратился в черную точку.

— Начнем, пожалуй!

Валька взвалил на плечо «змей» — тяжелый бур, похожий на вал от огромной мясорубки, и мы зашагали к ближайшему озеру. Мы — это взрывники Валентин Домашов, которого мы зовем просто Валькой, Володя Анисимов, Володя Степанов (чтобы не путать с первым Володей, его зовут Вольдемаром, и он злится на эту кличку), буррабочий Степа Филистов и я — корреспондент. Все они вместе, не считая меня, — комплексная бригада аэросейсмической партии № 34 Сургутской нефтеразведочной экспедиции.

Задача сейсморазведки — указать буровикам место, где надо заложить скважину так, чтобы она обязательно дала нефть. Сейчас ребята зондируют почву — уточняют структуру. Говорят, что в Соединенных Штатах буровики частенько вынуждены обходиться без сейсморазведки. Бурят на глазок — «то ли будет, то ли нет». Этот метод так и называется методом «дикой кошки». Так вот, если учесть, что пробурить одну скважину

стоит полмиллиона рублей, то и выйдет, что «дикая кошка» влетает американцам в копейчку. «Мы — не дикари, — усмехается Валька, — мы все делаем по науке...»

Еще перед вылетом с базы я слышал, как техник-взрывник Герман Телятников, длинноногий очкастый парень с розовым лицом, развенчивал «культ бороды».

— В условиях севера борода для геолога — сушая гибель, — дымя «беломором», разъяснял он. — Летом она — заповедник для мошек, дымом их оттуда не выкуришь. Зимой у другого «таежного волка» борода с усами так смерзнутся, что слова сказать не может, а чтобы закурить, пальцем дырочку проколупывает! Нет, если встретишь в тайге бородатого пижона моложе тридцати лет, так и знай — это салага...

Среди ребят, с которыми я прилетел сюда, нет ни одного старше тридцати лет, и щеки их чисто выбриты, исключая Вальку. Вальке и бриться еще незачем. Да и одеты «сейсмики» без всякого геологического шика. Один я щеголяю в болотных резиновых сапогах, остальные — в простых кирзовых. Степа и Вольдемар в старых засаленных кепках, Валька летом вообще не признает никаких головных уборов — шапку ему с успехом заменяет смолисто-черная шевелюра; зато на голове Володи Анисимова красуется выгоревшая до соломенного цвета шляпа с франтовато загнутыми полями. На плечах у ребят пиджаки, вельвет-

ки, только один Вольдемар в «энцефалитке» — брезентовом противоклещевом костюме. Но и он надел его на случай дождя, а не для защиты от клещей, которые в этих краях, к счастью, не водятся.

— Поднажмем, братцы, до центра земли осталось меньше семи тысяч километров, — отдуваясь, бодрится Володя Анисимов, налегая грудью на рычаг ручного бура. Володя малость перехватил. Бурить скважину до центра земли им не к чему, но и трехметровая дырка с такой допотопной техникой — дело тоже нешуточное. Парни сопят и на чем свет стоит ругают и треклятого «змея», и бездельников конструкторов, которые до сих пор не додумались до малогабаритного механического бура, такого, чтобы можно было перевозить на самолетах и вертолетах не в ущерб другим грузам. Вместе с «сейсмиками» ругают конструкторов и я, потому что тоже изо всех сил налегаю грудью на рычаг. Не будешь ведь стоять засунув руки в карманы, когда ребята размазывают по лицам соленый пот.

Наконец скважина пробурена. Перекур. Откуда-то доносится чуть слышный рокот. Поднимаю голову. Вдали, поблескивая в лучах солнца, снижается над невидимой отсюда Обью гидросамолет.

— Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги... — напевает Валька. — А может, это вовсе комары поют: «В-в-ы-ы кто такие будете? Ах, аэросеймики! Приятно познакомиться!»

Но комарами Валька сегодня пугает зря. Их сегодня не видно. Разогнал ветер. Правда, в траве гудит что-то, но это запутался в густом горошке трудяга-шмель, да стрекочут кузнечики. Вальке вроде бы и шутить сейчас не время. Уж больно серьезным делом он занят: «вяжет» заряд, прикручивает шпагатом к длинному шесту пару полых желтоватых цилиндров, похожих на мыло. (Между прочим, 80 граммов этого «мыла», как нитку, рвут железнодорожный рельс, а здесь, на шесте, его больше пяти килограммов.) Но Валька человек веселый, без шуток не может, да и дело, хоть серьезное, но привычное. Раз, раз — затянул зубами шпагат, вставил в полость толстого цилиндра латунную трубочку — детонатор. Зачистил его хвостики-провода перочинным ножом, прикрутил их к другому проводу — «боевику», обмотал сросстки изоляцией — и готов заряд. Теперь его в скважину, и полдела сделано.

Еще до того как начать бурить, ребята растянули по лугу «косы» — два длинных черных кабеля, обвитых разноцветными проводами. Расставили вдоль «кос» электродинамические сейсмоприемники — остроконечные цилиндрики с красными шляпками, похожие на небольшие бронебойные снаряды, и присоединили их «усики» — красные и зеленые проводки с зажимами-«крокодильчиками» на концах к проводам, обвивающим кабель.

...Разбегаются кругами волны травы. Ветер от вращения длинных лопастей чуть не валит с ног. Огромная зеленая машина повисла в воздухе. Валька плавными взмахами руки показывает: давай сюда! Вертолет, пригибая траву, послушно садится.

— Принимаю! — и бортмеханик с парнем в сером костюме суют нам в руки тяжелые металлические чемоданы. Человек в сером прыгает, вертолет поднимается и улетает.

В металлических чемоданах — переносная сейсмическая станция, а только что прилетевший

парень — ее хозяин, техник — оператор сейсмо-разведки Саша Калинин. Мотаясь целыми днями на вертолете с одной «точки» на другую, он обслуживает три бригады взрывников. Ребята рассказывают, что спокойный, рассудительный Саша Калинин раньше работал фининспектором. Как-то, поехав в командировку по своим финансовым делам, он столкнулся с группой геологов. Пожил с ними, поел каши из одного котелка, послушал рассказы о кочевом беспокойном житье — и променял счеты на сейсмическую станцию. Так Министерство финансов потеряло неплохого инспектора, а Министерство геологии приобрело хорошего оператора.

Калинин готовит аппаратуру к работе. Открывает чемоданы, подключает «косы», аккумуляторы, щелкает рычажками переключателей — проверяет, все ли сейсмоприемники работают.

— «Дубит» двадцать третий канал. Проверьте, ребята.

Володя Анисимов, нагибаясь, бежит вдоль кабеля к дальнему концу «косы». Пока он возится там, Калинин читает мне «популярную лекцию» о сейсморазведке.

— Сейсмос — слово греческое, обозначает — землетрясение. Следовательно, сейсморазведка — разведка землетрясением. Не настоящим, конечно, — где его, стихийное-то, здесь взять, да и накладно такая разведка обойдется, дебит с кредитом не сведешь. Нет, мы искусственное устраиваем. Закладываем в скважину заряд, взрыв — вот и получай карманное землетрясение, бурю в стакане. Есть такой способ военной разведки — разведки боем, — продолжает он, протирая тряпочкой стекла приборов. — Разведчики навязывают противнику бой и таким образом определяют его численность и расположение. Подобное делаем и мы. Взрывом заставляем колебаться земную кору, а так как разные геологические пласты колеблются по-разному, то, анализируя отраженные колебания, мы и узнаем, где и на какой глубине лежит нефть или другое полезное ископаемое.

Видел сейсмоприемники? Так вот, эти приборчики, способные регистрировать даже топот зайца в лесу, преобразуют колебания в электрические сигналы и по «косам» посылают их на усилители сейсмостанции. Усиленные сигналы попадают в гальванометры. Каждый гальванометр снабжен маленьким зеркальцем. Когда электрические сигналы поступают в гальванометр, они заставляют зеркальце вращаться. Перед зеркальцами установлен источник света. Вращаясь, каждое зеркальце посылает на движущуюся ленту фотобумаги световой «зайчик». Темные следы, оставленные «зайчиками» на фотобумаге, — это и есть сейсмограмма. Ясно? Ну, а в специальном — камеральном — отделе экспедиции эти сейсмограммы обрабатывают, расшифруют... А потом уж по ним составят структурные карты.

Анисимов возвращается.

— Готово? — спрашивает Калинин.

Володя кивает.

— Порядок.

Калинин снова щелкает переключателями, поднимает руку.

Валька склоняется над взрывной машинкой — небольшим, безобидным с виду пластмассовым ящичком.

— Приготовиться! — вполголоса командует оператор.

— Есть! — Валька нажимает указательным

пальцем кнопку готовности. На черной панели «адской машинки» загорается красная лампочка. Средний палец застывает в воздухе над второй кнопкой — кнопкой взрыва. Опускается он — всплывает тревожно неоновая лампочка и вздрогнет земля.

Поднимаю фотоаппарат. В рамке видоискателя чуть подрагивают зеленые фонтаны берез, краешек заросшего осокой озера и матово-зеленая верхушка шеста на его берегу.

— Внимание!

— Есть!

Золотой с чернью шмель облапил цветок, и его басовитый гул низкой нотой влетает в приглушенное жужжанье генератора.

— Огонь!

Глухо ухаёт взрыв. Из того места, где только что мирно торчал осиновый шест, со свистом взвивается столб дыма и пара. В траву с чавканьем плюхаются огромные коричневые комья земли. С дальнего конца озера, суматошно хлопая крыльями, взлетает перепуганная насмерть утка. Над осокой вьется едкий дымок.

Калинин подвигает к себе переносную проекционную камеру и, засунув руки под брезентовый кожух, долго колдует там. Потом вытаскивает из-под брезента широкую влажную ленту, всю покрытую кружевом темных волнистых линий, вместе со взрывниками внимательно рассматривает сейсмограмму — результат их почти трехчасового труда — и осторожно прячет ленту в футляр. Степа Филистов на краю вырытой взрывом ямы ставит шест с жестяной табличкой «СНРЭ. АСГ — 34. СЗ № 75» — сейсмосонд № 75 аэросейсмической партии № 34 Сургутской нефтеразведочной экспедиции.

...Мы сидим у костра. Давно уже выплесну- ты из прокопченного котелка остатки густого

крепкого чая, выкурено не по одной папиросе, а вертолета все еще нет.

— Так мы и трех точек отстрелять не успе- ем,— ворчит Вольдемар.

— Вот чертова телега,— сердится и Степа.— Махалки, что ли, у нее отвалились? Сказано — курица не птица, вертолет не самолет.

— Это ты зря,— перебивает Валька.— Не будь этой «курицы», тащились бы сюда на своих двоих аж от самой Оби.

Степе не надо объяснять преимущества вер- толета перед самолетом. Сколько раз, когда еще мало было этих неуклюжих машин, приходилось ему вместе с другими «сейсмиками», заброшен- ными гидропланом на какое-нибудь лесное или тундровое озеро, добираться до берега на рези- новой лодке, сотни метров по колено в липкой грязи-няше, как ее здесь называют, тащить с тяжелым грузом на плечах, вышагивать с этим же грузом десятки километров от места посади- ки до пикета, недобрым словом поминая без вины виноватых пилотов, которые «высадили где- то у черта на куличках, а сами, небось, уже дрых- нут без всяких забот на базе». Нет, Степе не надо доказывать преимущества вертолета, кото- рый всегда доставит прямо на «точку», где бы она не находилась, хоть посерединке болота, но Степа уже избаловался, он не может ждать ни минуты, пока вертолет облетает другие бригады. Подай ему персональную машину!

Вольдемар тычет в угли сухую ветку, прику- ривает от огонька и бросает хворостину в костер. Я отодвигаюсь подальше от жаркого бесцветного пламени и натываюсь локтем на кочку. Под ру- кой лежит в траве земляной ком пуда в полтора весом, выброшенный взрывом. Эвон куда его занесло!

— А что будет, если такой комочек стукнет по голове?

— Вечный покой!— ухмыляет- ся Валька.— Хотя я что-то про та- кое не слышал. Вероятность попа- дания — кот заплакал. Правда, однажды...— Валька тянет, лукаво поглядывая на Вольдемара:— Пом- нишь, Вольдемар, как зимой тео- долит угробил?

— Кто старое помянет, тому глаз вон,— добродушно отмахивается Вольдемар. Но Валька не отстает.

— Нет, ты поведай коррес- понденту о подвиге своем, а то давай я поведаю?

Вольдемар лежит, безучастно попыхивая папироской и заложив под голову руки.

Валька, посмеиваясь, начинает рассказывать.

В январе их отряд работал на профиле — длинной просеке, про- рубленной в тайге топографами. Зимой взрывник и оператор нахо- дятся в двух отдельных деревян- ных вагончиках. Оператор коман- дует по телефону.

Темнело. Все было готово к последнему в этот день взрыву.

Вольдемар уже принял коман- ду «внимание» и ждал теперь последнюю, короткую — «огонь». И вдруг сквозь замерзшее окошко

вагончика взрывник увидел мутную фигуру человека, топтавшегося возле скважины с зарядом. Оператор из своего вагончика не видел того, что происходит на скважине, и в любую секунду мог отдать команду «огонь».

— Спокойно! — сам не очень спокойно объявил Вольдемар по громкоговорителю. — Выйти из зоны взрыва!

Увидел, как человек отбежал от скважины и по команде оператора нажал кнопку. А через секунду к нему в вагончик, размахивая искореженными обломками теодолита, который он с перепугу оставил возле скважины, ворвался разъяренный топограф. Ох, и переволновался же тогда Вольдемар! Думал — все, прощай, красная книжечка взрывника! Но все обошлось: в деле подробно разобрались, и Вольдемар со злосчастливым

топографом отделались выговором да уплатой стоимости теодолита.

Вот почему Вольдемар довольно равнодушно слушает сейчас Вальку. Но не всегда подобные случаи кончаются легким испугом. Опасна работа взрывника. Ударил неосторожно по детонатору, подключил не тот кабель... Одним словом, взрывники ошибаются всего только один раз в жизни.

...Потрескивает костер.

Ребята лежат в траве и смотрят в небо. Один только Валька сидит на спальном мешке и, пошевеливая палкой угли, что-то чуть слышно поет. А в небе, в ослепительно синем небе, плывут тугие белые облака. Плынут с запада, из-за Уральского хребта, плывут куда-то далеко за Обь, может быть, даже к Тихому океану...

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ • СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

БЕЛУХИ В ОЗЕРЕ

Интересный случай рассказал мне бригадир рыболовецкой бригады Новопортовского рыбозавода Аркае Вануйто.

— Произошло это прошлой осенью на озере Яро-То. Сидел я на берегу, сетки перебирал, да изредка на воду поглядывал. Вдруг мое внимание привлекли необычные всплески на речке Юрибей, что берет начало из озера. Вижу, то спина над водой покажется, то голова. Одна, вторая, третья... Тридцать штук насчитал.

Сначала сам себе не поверил. А потом как закричу что есть силы: «Белухи!».

Взяли мы быстро невод, перегородили то место, где Юрибей начинается. А чтоб покрепче было, на верхнюю и нижнюю подборы невода по толстой смоляной веревке добавили.

Только наша ловушка

не выдержала испытания. Первая же белуха — и от невода и веревки одно воспоминание осталось. Порвала эта морская зверюга невод, чтоб в озеро пройти. Да вдруг раздумала что-то, обратно повернула. Вслед за ней и остальные удирали собрались.

Расстроились мы: богатая добыча уходит. Ладно, Гриша Вануйто не растерялся. Завел он быстро мотор на бударке и в погоню.

Это был смелый шаг. Ведь если бы хоть одна белуха лодку хвостом зацепила, то финиш гонок был бы печальным. Но Гриша сумел обойти белух, остановил все стадо и на мель его выгнал. А тут и мы подоспели. Семнадцать белух стали нашей добычей...

Белуха — житель морской, любит простор. Ведь тело ее достигает шестиметровой длины, а весит она порой полторы тонны.

Поэтому, признаться, я с некоторым недоверием отнесся к рассказу рыбака. Что за нужда загнала этих гигантов в речушку, где и лодке местами не развернуться, где глубина достигает иногда всего 50—60 сантиметров. А ведь, выходит, по этой речке стадо белух прошло более четырехсот километров от Байдаракской губы до центра южной части полуострова Ямал.

— Правда, — согласился Аркае, — случай довольно редкий. Но не единственный. Буквально несколько дней спустя я второй раз увидел белух. Было их девять штук. И, что самое интересное, лишь две повернули обратно. Семь осталось в озере.

Когда я завел разговор об этом в Новом Порту, то мне показали квитанции: от бригады Аркае Вануйто принято четыреста тонн белужьего жира. Место приемки — озеро Яро-То.

Евг. БУТИН.
газета «Правда тундры»

ПОЩЕТНАЯ ПРОФЕССИЯ

Одна старинная легенда — ей более трех тысяч лет — рассказывает о таком случае.

Царь Соломон по окончании строительства иерусалимского храма задумал прославить лучших строителей и пригласил в свой дворец людей разных профессий. Он решил оказать строителям великие почести, даже свой царский трон уступить на время пира лучшему из лучших — тому, кто особенно много сделал для сооружения храма.

Когда приглашенные явились, один из них быстро взошел по ступеням золотого трона и сел на него. Его поступок вызвал изумление присутствующих.

— Кто ты и по какому праву занял это место? — грозно спросил разгневанный царь.

Незнакомец обернулся к каменщику и спросил его:

— Кто сделал твои инструменты?

— Кузнец, — ответил тот.

Сидящий обратился к плотнику, столяру:

— Кто тебе сделал инструменты?

— Кузнец, — отвечали те.

И все, к кому обращался незнакомец, отвечали:

— Да, кузнец выковал наши инструменты, которыми был построен храм.

Тогда незнакомец сказал царю:

— Я кузнец. Никто из них не мог бы выполнить свою работу без сделанных мною железных инструментов. Мне по праву принадлежит это место.

Убеденный царь сказал присутствующим:

— Он прав.

Но так было не только в легенде.

Профессия кузнеца в древности была основной металлургической профессией. Кузнец, он же и металлург, в старину сам плавил руду, получал железо и обрабатывал его. У многих народов он считался «вещим человеком», чуть ли не чародеем.

У некоторых первобытных племен Африки именно кузнецам доверялось воспитание молодого поколения. Единственным человеком, которому разрешалось изготавливать деньги, был кузнец.

Много интересных фактов о роли кузнеца в жизни различных народов мира приводит немецкий этнограф Юлиус Липс. Он сообщает, что даже царям иных африканских государств часто было совершенно необходимо знать кузнечное дело. В средние века в одном из больших государств на территории Конго царя избирал совет вельмож. Избирали, конечно, не из простых людей. Но всякий феодал, который хотел стать царем, должен был доказать, что он хороший кузнец.

У некоторых азиатских народов, например у бурят, кузнецом может стать только человек, среди предков которого уже были такие умельцы. Обыкновенный смертный не может так просто взяться за это священное ремесло.

О происхождении кузнечного дела рассказывает древний бурятский миф. В нем говорится о тяжелых временах, когда человечество, не зная еще железа, влачилось жалкое существование. Но вот однажды тенгри, или добрые духи, решили послать на землю бога Божинтая и его девять сыновей, чтобы те научили людей священному ремеслу. Сам бог вскоре вернулся на небо, а его сыновья женились на дочерях человека и их первые ученики стали предками всех кузнецов.

У бурят кузнецы принадлежали к высшему классу общества, их освобождали от уплаты налогов и считали их как бы сродни богам. У монголов дархаты — это кузнецы в звании, соответствующем рыцарскому.

Интересно отметить, что единственным «рабочим» среди богов различных религий был бог-кузнец: Гефест — у греков, Вулкан — у римлян, Сварог — у славян,

Тлепша — у черкесов, Ильмаринен — у финнов, Суцелл — у кельтов, Сафрай — у этрусков, Виленд — у германцев.

Заглянем в «личное дело» наиболее известного из этих богов — Гефеста. «Биография» его такова.

Бог огня и покровитель кузнечного ремесла Гефест вошел в высший сонм двенадцати главных богов греческого Олимпа. И там он был единственным представителем физического труда, хотя и имел знатное происхождение: сын Зевса и Геры — верховных богов.

Гефест всегда изображался могучим кузнецом с молотом или клещами в руке, в конической шапке, в хитоне ремесленника, с открытой правой рукой и плечом. В отличие от других олимпийских богов, он не проводил время в пирах и праздности, а трудился в своей полной чудес кузнице. Посредине ее стояла громадная наковальня, в углу — горн с пылающим огнем и чудесными мехами, которые не надо было приводить в движение руками — они повиновались слову бога-кузнеца. Скажет тот слово — и работают мехи сами. Покрытый потом, весь черный от угольной пыли и копоти, работает бог-кузнец в своей кузнице. Замечательные изделия выковывает в ней Гефест: несокрушимое оружие, драгоценные украшения, чаши и кубки.

И вот однажды титан Прометей, великий благодетель человечества, сумел тайком пробраться в жилище Гефеста, похитил у него огонь и передал его человеку. Жизнь человека от этого намного облегчилась, но Прометея постигло наказание богов.

А как относились к профессии кузнеца позже?

Сохранилась такая анекдотическая история. Когда-то в давние времена провинулся перед англичанами в чем-то шотландский кузнец. Послали англичане к шотландскому воеводе посыльных: выдай, мол, нам твоего мастера, его-де надо повесить. А тот им в ответ: нужный он человек — если хотите, отдам вам вместо кузнеца двух портных.

Но и, кроме шуток, в средневековой Европе кузнец тоже пользовался большим почетом. Так, в Англии на пирах в королевском дворце он сидел за одним столом с королем. По чину кузнец был выше медовара, а лекарь был ниже их обоих...

Н. МЕЗЕНИН

ЧТО БЫЛО В СТАРОЙ ШТОЛЬНЕ?

На западе, километрах в пятнадцати от Североуральска (Свердловская область), высится красавица Кумба с остроконечной вершиной. А рядом, словно горб, — гора Золотая. Ни в одном документе, сохранившемся от старых времен, нет упоминания о том, что здесь велись какие-либо горные разработки. Ничего не могут сказать по этому поводу и старожилы.

Но шестнадцать лет назад геолог Кремень случайно обнаружил на юго-западном склоне горы вход в заброшенную штольню и отвалы, заросшие лесом. Неподалеку он нашел несколько разведочных шурфов, прикрытых бревнами.

Отвалы состояли из кварца с прожилками зеленоватого эпидота и черного, как каменный уголь, хлорита. Попадались здесь и кристаллы горного хрусталя. Эти минералы указывают на признаки таких месторождений, как золото и платина. Геолог предположил, что здесь добывали золото. Отсюда, наверно, и название горы — Золотая?!

В конце пятидесятих годов геологи Североуральской комплексной экспедиции решили подробнее обследовать старую штольню. Вместе с ними побывал здесь и я. Штольня представляет горизонтальную выработку чуть выше роста среднего человека, врезавшуюся в гору метров на двадцать. Возникло сомнение: а золото ли здесь добывалось? Если золото, то почему кварц не перерабатывался. И почему, судя по величине отвалов, ни один кубометр горной массы, вынутой из штольни, не был вывезен?

Внимание геологов привлекла такая деталь. Пустоты в кварце, которые принято называть занорышами, были тщательно обобраны. В них мы обнаружили остатки кристаллов коричневого минерала — граната, сопутствующего рубинам.

Тут-то и возникло другое предположение. Не рубин ли искали здесь в давние времена рудознатцы?

Тайна старой штольни остается пока не раскрытой. Одно ясно, что разработки здесь велись не менее пятидесяти лет тому назад. Об этом можно судить по березам, выросшим на отвале, и по найденным инструментам.

Может быть, следопытов заинтересует загадочная штольня горы Золотой? И они найдут ответы на неразрешенные вопросы?

А. МАЛЬЦЕВ

НАТУРАЛИСТА

ЗАМЕТКИ

Путешественники

Большинство пушных зверей придерживается определенных мест обитания. Самые длинные кочевки в поисках корма соболя, лисицы, белки — расстояние не более двухсот километров. Колонок, горностаев, заяц уходят от своих норок на пятнадцать километров. Еще уже круг у тарбана, ондатры, бурундука, суслика, выдры и норки.

Однако среди млекопитающих встречаются такие зверюшки, которые нарушают «традиции оседлости». Однажды хозяин Ледовитого океана, белый медведь, забрел в леса Оймяконского района. Не приспособленного к необычным условиям зверя растерзали волки.

Далеко на юг заходят иногда и типичные представители тундры — песцы. В погоне за куропатками, в поисках другого корма они забредают в Жиганский, Верхне-Виллюйский, Ленский районы и даже к городу Мирному.

А вот другой пример. Однажды в леса Якутии с Дальнего Востока «прибыл» уссурийский тигр. Шкура его хранится в Якутском краеведческом музее.

Гора-барометр

Путешествуя по Лене, я задержался в деревне Березовская Олекминского района. Стояли жаркие

дни. Ничто не предвещало перемены погоды. Воздух был сух и недвижим. Заречные горы в летнем мареве казались густо-синими. Только выделялась одна из них, цвета красного кирпича. Она стояла у самого берега и бросала через реку широкую тень. Своей вершиной гора словно подпирала высокое небо.

Неожиданно с вершины красной горы стали время от времени срываться комочки земли. Скатываясь по отвесной стене, они оставляли за собой пыльные дорожки.

— Иллюнская трубку закурила, быть дождю, — сказал старожил деревни Березовская Роман Павлович Яныгин.

И действительно, к вечеру на чистом небе показалось облачко. А на смену ему пришли тяжелые хмурые тучи. К утру пошел проливной дождь.

Объясняется это явление тем, что комья земли на вершине горы быстрее набирают

Иван СМЕРНОВ

Рисунок Н. Мооса

влагу, а набрав ее, грузнеют и скатываются вниз.

Так гора-барометр безошибочно предсказывает дождливую погоду.

Заблудились

В Якутском краеведческом музее имени Емельяна Ярославского есть чучело необычно крупной птицы. Под большим клювом — своеобразный кошель из желтой кожи. Это кудрявый пеликан.

Коренной обитатель юга нашей Родины, пеликан залетел в Якутию случайно. Его поймали охотники на реке Вилюй.

Хранится в музее и другая заблудившаяся птица — красная утка из Японии.

Так получается, что, отбившись от своих спутников и попав в чужую стаю, путь которой лежит в противоположную сторону, эти редкие гости залетают не по адресу.

ЗАМЕТКИ

НАТУРАЛИСТА

Крылатые сторожа

Высоко в небе, распластав плоские крылья, деловито парит коршун. Он хорошо видит, как на краю ячменного поля сереньким комочком возится мышь, воровато оглядываясь, крадется евражка. Улучив момент, птица быстро падает вниз. Выпустив лапы-шасси, она с шумом летит над землей. А впереди, запрокинув голову и сверкая желтыми корольками глаз, мешковато скачет евражка.

Еще десяток прыжков — и суслик с визгом скрылся в случайной норе. Сложив крылья, коршун спокойно уселся возле узкого отверстия норы. Он знает, что выйдет грызун покормиться, не

улежит долго в погожий день.

Над горизонтом поднялась большая беловатая туча, деревья уронили на землю длинные тени. Летний день приближается к концу. И вот из норы высунулась продолговатая морда евражки. Мгновение ока — и коршун ударил клювом. Уничтожен грызун, который мог бы съесть за лето восемь килограммов зерна.

Наступила ночь. Со стороны невысоких лесистых гор плавно вылетела осторожная сова. Усевшись на шест с перекладиной, который мы установили на самом большом массиве пашни, птица стала внимательно высматривать свою жертву...

Так днем и ночью, «в две смены», помощники хлеборобов ловят грызунов-вредителей.

И. ЯНЫГИН

*В сосняке до хруста сухо,
Выжег травы зной слепой.*

Гриб-старик

И гриб-старуха

Собрались на водопой.

Шли устало,

Как с дежурства,

Морща высохшие лбы,—

Пробирались к речке шустрой

Терпеливые грибы.

Гриб-старик припал к водице,

Ключевую

Пил захлеб,

И не то что распрямитесь —

Головы поднять не смог.

В речку плюхнулся устало,

Помянув житье свое.

Легкой лодкой

Шляпа стала,

Корень —

Парусом ее.

Следом двинулась старуха...

Был тот берег невысок,

И шумел ветвями глухо

По-над берегом лесок.

...Почему-то

Очень верю

В эту небыль или быль.

А откуда, в самом деле,

За рекой взялись грибы?

БРОШЮРА—

ДВОЙНИК

Трехтомник «Избранных произведений» Я. М. Свердлова, изданный в 1957—1960 годах, открывается статьей «Что такое рабочая партия». Под ней стоит подпись: «С. Михайлович» — одна из подпольных кличек замечательного революционера. В примечаниях говорится, что эта работа «впервые была напечатана в 1906 году товариществом «Знание» (Петербург) в виде брошюры. 6 октября 1907 года была конфискована в количестве 31 тысячи экземпляров. Уцелело лишь немного экземпляров».

А между тем с этой брошюрой дело обстояло сложнее — с ней связана интересная история, о которой долгое время ничего не было известно. Лишь недавно советский исследователь А. М. Иоффе открыл тайну.

Выяснилось, что в руки полиции попал не основной тираж, а специально отпечатанный позднее. Сделано это было для того, чтобы спасти брошюру и довести ее до народа.

Как известно, в конце 1905 года в Екатеринбурге (ныне Свердловске) работала созданная Я. М. Свердловым партийная школа пропагандистов. Сам «товарищ Андрей» читал в ней цикл лекций. Одна из них и стала основой для брошюры «Что такое рабочая партия».

По поручению В. И. Ленина члены ЦК РСДРП Л. Б. Красин и П. П. Румянцев 8 октября 1905 года заключили договор с книгоиздателями «Знание» К. П. Пятницким и А. М. Горьким об издании библиотечки марксистской литературы, доступной по цене для рабочих и крестьян. И весной 1906 года уже вышли в свет первые выпуски «Дешевой библиотеки», в том числе и брошюра С. Михайловича «Что такое рабочая партия». Книги выходили большими по тому времени тиражами.

«Михайлович» просто и доходчиво раскрыл законы капиталистического общества, причины классового угнетения пролетариата России, четко изложил задачи партии. Своего читателя он подводил к убеждению, что только социалистическая революция способна окончательно избавить рабочий класс от капиталистического рабства. Кни-

га нашла широкий отклик среди народа, быстро разошлась.

Печатали ее с исключительной осторожностью. Текст набирали в типографии «Труд и польза», печаталась же она в другой, а обложку приготовили в третьей — типографии Клабукова. В архиве А. М. Горького сохранилась «Кассовая книга издательства» за 1906 год. По ней видно, что брошюра была готова в мае 1906 года и сразу же разослана по России.

Издатели не представили брошюру в Комитет по делам печати для цензуры, зная, что ее не разрешат. О выходе ее лишь через полтора года случайно узнала полиция. В октябре 1907 года по указанию петербургского градоначальника был произведен обыск на складе издательства «Знание». В руки полиции попал 81 экземпляр крамольной брошюры. Заведующий складом С. П. Боголюбов признал, что брошюра была выпущена в количестве 31 тысячи экземпляров и уже вся распродана. Полиция возбудила судебное дело против издателей.

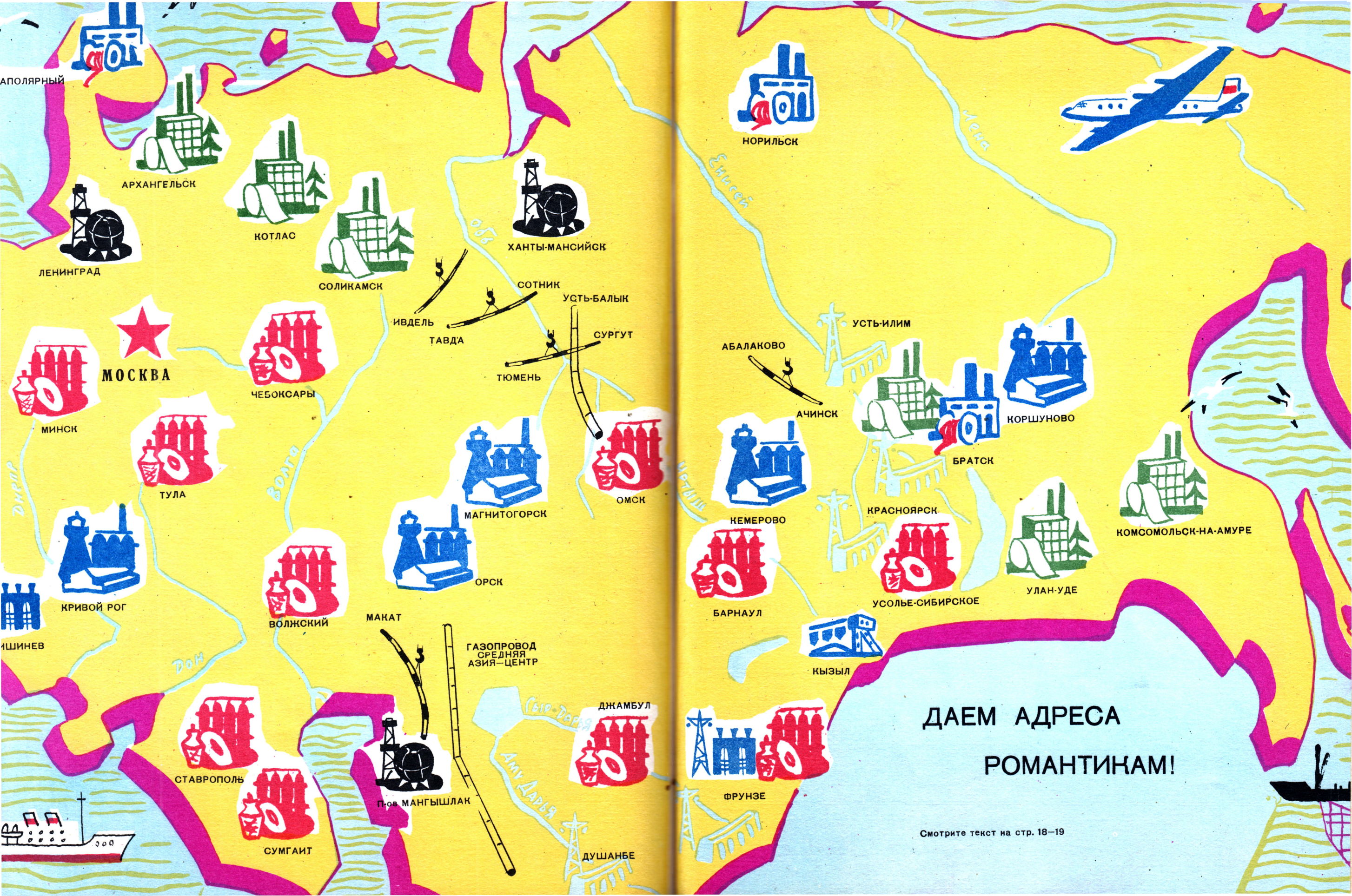
Пока полиция вела следствие, брошюру С. Михайловича успели вторично напечатать. И вот в августе 1908 года С. П. Боголюбов подает второе заявление, в котором стремится убедить полицию, что будто «27 920 экземпляров брошюры С. Михайловича лежали в листах у брошюровщика, а 3 тысячи возвращены издательству московским книжным магазином «Труд», которому они были посланы для продажи. Вместе с ранее конфискованными 81 экземплярами это составляет 31 тысячу экземпляров, то есть весь тираж».

Так удалось обмануть полицию. Но если бы она заглянула в «Кассовую книгу» издательства за ноябрь 1907 года и за июнь-август 1908 года, то, бесспорно, эта уловка была бы обнаружена. А между тем почти 30 тысяч экземпляров первого тиража брошюры в то время уже ходили по рукам, неся в массы правдивое слово большевистской партии.

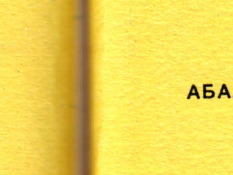
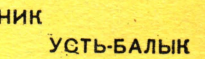
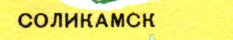
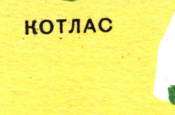

Ромашки.

Фото А. и М. Ананьиных.

АПОЛЯРНЫЙ

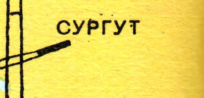
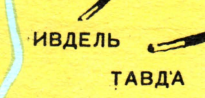
АРХАНГЕЛЬСК

КОТЛАС

СОЛИКАМСК

ХАНТЫ-МАНСЙСК

ЛЕНИНГРАД

НОРИЛЬСК

МОСКВА

ЧЕБОКСАРЫ

ИВДЕЛЬ

ТАВДА

ТЮМЕНЬ

СОТНИК

УСТЬ-БАЛЫК

АБАЛАКОВО

УСТЬ-ИЛИМ

МИНСК

ТУЛА

МАГНИТОГОРСК

ОМСК

АЧИНСК

КОРШУНОВО

ДНЕПР

ВОЛГА

ТУЛА

ВОЛЖСКИЙ

ОРСК

КЕМЕРОВО

КРАСНОЯРСК

КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ

КРИВОЙ РОГ

МАКАТ

ГАЗОПРОВОД
СРЕДНЯЯ
АЗИЯ-ЦЕНТР

БАРНАУЛ

УСОЛЬЕ-СИБИРСКОЕ

УЛАН-УДЕ

ИШИНЕВ

ДОН

СТАВРОПОЛЬ

Пов. МАНГЫШЛАК

ДУШАНБЕ

ФРУНЗЕ

ДАЕМ АДРЕСА
РОМАНТИКАМ!

Смотрите текст на стр. 18-19

ДНЕВНИК ИЗ СЕЙФА

Приключенческая повесть

Андрей ТАТАРСКИЙ

Рисунки Ю. Ефимова

Еще и сейчас на Новодевичьем кладбище Москвы, в одном из тихих его уголков, где хоронили преимущественно в тридцатые годы, можно найти нарядный по тем временам обелиск... Проросла травой и мохом тяжелая гранитная плита, потемнели от времени звездочка и позолота букв... «Обыкновенная заброшенная могила», — думают люди. Откуда им знать, что в ней никто не был погребен...

В сумерках

Когда он вышел из редакции, город уже окутали сумерки. Близился комендантский час. От фабричных ворот торопливо шагали изможденные женщины и подростки — спешили домой. В кинотеатр, гремящий маршами «Ди дойче вохеншау»¹, лениво, вразвалочку входили черные и серо-зеленые мундиры. Какой-то младший чин тащил за собою толстоногую девицу в цветастом сарафане, она жеманно отбивалась, показывая на фронтон, где жирной масляной краской было выведено: «Только для немцев!»

Теплый летний вечер был наполнен скрежетом гусениц и гортанными выкриками регулировщиков. По Красному проспекту, переименованному в «Коричневый», конвейерной лентой тянулись «тигры» и «фердинанды».

Ленц уже знал: прибыл танковый корпус «Аттила» и, судя по свежему, необтрепанному виду, — с берегов Нормандии, где так и не состоялось обещанное вторжение союзников. Еще один корпус, а на прошлой неделе — три полностью укомплектованных мотопехотных дивизии, переброшенных с Балкан. Немцы методично укрепляли оборонительный плацдарм.

Скользя взглядом по выплывающим навстречу бронированным машинам, Ленц раздумывал над тем, случайность ли, что главари рейха, имевшие обыкновение громогласно объявлять любой мало-мальски защищенный участок «неприступной крепостью», на сей раз почему-то хранили молчание. Не означает ли это, что в данном случае они действительно не

опасаются наших наступательных действий, более того — хотят их?

Он выбил табачные крошки из трубки и, с отвращением вдохнув пропитанный гарью воздух, устало зашагал по тротуару, небрежно козыряя офицерам и мурлыча под нос что-то из Берлиоза.

Сегодня был на редкость пустой день. Трехчасовая болтовня на редакционном совещании («Новая гениальная речь фюрера обязывает нас, сотрудников образцовой фронтовой газеты «НАХ ОСТЕН», с еще большим воодушевлением...»). Договорился было о поездке к саперам на первую оборонительную полосу, но в комендатуре отказались подписать командировку, сославшись на распоряжение службы безопасности ограничить допуск в прифронтовые районы, и чертов редактор тут же усадил за передовицу («Доблестные солдаты великой Германии! Сейчас, когда после двухлетнего победоносного марша на Восток, приближается решающий этап нашей титанической борьбы с большевистско-азиатскими ордами, вы все, как один...»). Потом правка казенно-скупных корреспонденций с передовой, «боевых эпизодов», похожих один на другой, как горошины в стручке. («И как только оптический прицел поймал обезьяний лоб Ивана, снайпер Гуго Крамер, который только и ждал этого момента, лежа, не шелохнувшись, несколько часов в своем аккуратно вырытом окопчике...»).

Он едва выбрался в середине дня, чтобы взять интервью у полковника Майнца, только что получившего генеральский чин вместе с переводом из гарнизонных частей на передовую. Ленц не раз сживал с ним за одним столиком в штабном ресторане «Шлиффенгоф» и возлагал немалые надежды на этот визит, на который, впрочем, не имел никаких официальных полномочий. Майнец был польщен, благодарил за поздравления, снисходительно вспоминал о пирушках в «Шлиффенгофе» и, само собой, о том, как они едва остались живы, когда месяц назад в зале ресторана взорвалась адская машина.

— Помните, зондерфюрер, как засыпало нас битым стеклом и штукатуркой? Вы так поносили подпольщиков, словно они обязаны

¹ Ежедневные выпуски гитлеровской кинохроники.

были предупредить о своих кознях! — Майнц смеялся, шутил, хвастал подвигами, которых не совершал, и был в таком упоении от собственной персоны, что не заметил, как разговор мало-помалу соскользнул с перечисления его прошлых заслуг на обсуждение тех еще более крупных свершений, которые предстоят ему в ближайшие дни при отражении русского наступления. Майнц, безусловно, не пожалел бы красок, чтобы подробно охарактеризовать ту роль, которая отводится его соединению в оборонительной диспозиции командования. Но, к великому разочарованию Ленца, обнаружилось, что новоиспеченный генерал-от-инфантерии¹ имеет более чем смутное представление об этой диспозиции. Неприятно задетый удивлением журналиста, Майнц объяснил: секретности ее придают настолько большое значение, что фельдмаршалу позволено ознакомить с оборонительным планом пока всего несколько военачальников рангом не ниже корпусного командира.

— Идет большая игра, голубчик... — многозначительно поднес палец к губам Майнц.

Да, столь чрезвычайные меры секретности говорили об одном: гитлеровцы, несомненно, готовят какую-то ловушку.

Мимо промчался, обдав Ленца выхлопными газами, громоздкий «ханомог» и, круто завернув, уткнулся желтыми, положенными лишь высокому начальству, огнями подфарников в подъезд командующего. Здесь стояло уже несколько генеральских машин: длинный приземистый «оппель-адмирал» Хеттля, новенький, сверкающий никелем американский «кадиллак» Фогта, спортивный, с откидным верхом «хорьх» Келлера, чей-то знакомый полубронированный «мерседес»...

— Документы!

— А?... Ах, документы? Прощу.

— «Петер Фридрих Ленц, военный журналист»... Почему разглядывали номера машин у дома фельдмаршала?

— Чтобы сообщить Москве, разумеется. А вот почему вы докладываете каждому встречному, что командующий живет в этом доме? Вы, патрульный офицер?!

— Прощу прощения, зондерфюрер, но я ведь только...

— Вы только забыли, что обстановка требует от каждого из нас бдительности, бдительности и еще раз бди...

— Зондерфюрер, при моих подчиненных... прошу вас...

— Ну, смотрите у меня!.. Ладно. Продолжайте нести службу. Стоп! Ку-да? А документы кто за вас досмотрит? Вот та-ак... та-ак, со всей придирчивостью... Ну хорошо, хорошо, довольно! Вы свободны.

— Хайль Гитлер!

— Хайль, хайль!

...Черт! Что за невнимательности! Уже и патруля за спиной не замечаешь... Ну вот, и сердце сразу... Как это резюмировали эскулапы после того приступа? — «Запущенная стенокардия, необходим полный душевный покой и хотя бы месячный постельный режим». Данке шён, почтенные фельдмаршцы², люблю юмор.

Он положил под язык крупинку нитроглицерина и, пошатываясь, побрел дальше.

¹ Пехотный генерал.

² Большое спасибо, почтенные военврачи.

— Привет, старый пузан! — окликнул его кто-то и не без восхищения сообщил спутникам: — Первый пьянчуга в гарнизоне. Его всегда шатает.

...А Майнц не преувеличивал, — думал разведчик. — Фельдмаршал действительно совещается лишь с узким кругом приближенных. Кстати, чей там стоял «мерседес» со сдвоенными рунами¹ на капоте?... Хотя, какая разница. К таким чинам не подберешься. Да и времени уже нет: судя по тому, как торопит Центр, наступление должно начаться со дня на день. А что я успел?..

Ленц вдруг поймал себя на том, что автоматически подсчитывает количество пронесшихся мимо грузовиков, в которых под брезентом угадывались контуры минометов.

...Условный рефлекс. Ни к чему. Ведь ты уже знаешь точную цифру стволов, выделенных для обороны плацдарма...

Что говорить, кое-что ему все-таки удалось сделать: и установить численность резервных войск, и раздобыть схемы минных полей в отдельных укрепрайонах. Похоже, он уже «держал за хвост» генеральную идею оборонительного плана, но она ускользала: то всплывала, то вновь тонула в потоке противоречивых предположений. Любые, даже самые правдоподобные догадки могли оказаться иллюзорными. Необходимо было получить документальное подтверждение. Во что бы то ни стало. Но как?..

Сумерки быстро сгущались, словно в огромном аквариуме подливали фиолетовых чернил. Скорей бы уж добраться до постели, отдохнуть, собраться с мыслями.

¹ Руны — знаки древнегерманской письменности. Служили знаком отличия эсэсовских частей.

Брызнуло светом из хлопающих дверей казино. Если и дальше плестись проспектом, то до дому дойдешь не скоро, а нитроглицерин — горячее неважное дело...

Ленц свернул на Бундштрассе. Дальше переулками и проходными дворами можно выйти к парку, а там уже рядом. После шума центральных улиц здесь было пугающе пустынно. Только шарканье его подошв о булыжники да поскрипывание двери, повисшей на одной петле в подъезде обшарпанного здания. Как раз на этом месте вчера ночью проломили череп какому-то загулявшему унтеру. Хоть и развесило гестапо по всем заборам торжествующие реляции о «разгроме подпольно-чекистского центра», — темные, молчащие дома упорно продолжали неравную борьбу.

Озвываясь на каждый шорох, Ленц то и дело останавливался и шарил вокруг себя лучом фонарика. «Точно сапер с миноискателем», — подумал он и выругался. Хоть бы какой-нибудь патруль! А то, чего доброго, полу-

чишь пулю из-за угла. Один из парадоксов его профессии: своих вынужден опасаться не меньше, чем гитлеровских ищеек.

Постояв в нерешительности перед черной щелью переулка, он махнул рукой и потащился назад, поближе к центру. Он привык беречь себя и никогда не шел на риск, если можно было его избежать. Отчасти потому, что неутомимо любил жизнь. Но еще больше потому, что знал: принадлежит она не только ему...

С площади доносился веселый смех. Плывший над крышами домов месяц заливал покойным серебристым светом виселицы и сгрудившихся под ними солдат. В перехлесте лучей фонариков метался грязный, ободранный щенок. Он жалобно скулил и норовил проскользнуть между сапог, но те незлобиво возвращали его в круг.

— «О, донна Клара, как ты танцуешь!» — пели и улюлюкали бывшие мальчишки в пропахших потом гимнастерках; эта тихая площадь и мирные, зовущие гудки паровозов, и собачий визг так напоминали им родные места и озорные забавы навсегда ушедшего детства.

— Берегись, Тони, он кусается!

— Хой-ла-ла! Возьми его, пес!

— За, за!

— «О, донна Клара...»

Они подпрыгивали от удовольствия и хохотали.

Ленц стиснул зубы и шагнул к автоматчикам. В последнее время с ним все чаще случалось такое: вдруг накатывало, хотелось стрелять, стрелять по этим беспечно растянутым губам, гладким, без единой борозды, лбам. Стрелять, стрелять, стрелять!

Губная гармошка смолкла. Солдаты озадаченно пятились. Остролицый ефрейтор со значком участника рукопашных боев, настороженно вглядываясь в чем-то недовольного незнакомца, положил руку на свой «шмайсер».

...Опять нервы, ч-черт!

Ленц круто повернул, сделал несколько шагов и остановился. На погонах автоматчиков были желто-белые полоски.

...Головорезы из дивизии «Бранденбург»?.. Обычно их бросают на самые ответственные участки...

— Вы! Канальи! — набросился он на солдат. Давая выход накипевшей ненависти, он кричал, что это стыд и позор — мучить бессловесную тварь, что сам фюрер обожает собак, и ни один истинный ариец не причинит им зла, что в рейхе, как известно, действует специальный за-

кон, ограждающий животных от негуманного обращения, и что только расовонеполноценные ублюдки...

Автоматчики пристыженно переминались с ноги на ногу.

— Господин офицер совершенно прав, — смущенно согласился ефрейтор и, чмокнув щенка в нос, отпустил на волю.

— А как вы стоите перед старшим по званию! — не унимался Ленц. — Почему растегнуты воротнички? Налакались? Фамилия? — достал он блокнот.

— Ефрейтор Мартин Шмидт, — нехотя выдал остролиций и протянул свисающий с шеи медальон с личным номером.

— Часть?

— Дивизия «Бранденбург», полк 800, батальон «Нахтигаль», господин зондерфюрер.

— Врешь! Твой батальон стоит под Воронино!

— Никак нет, — почтительно возразил остролиций. — Мы базируемся в селе Березовском.

— Неважно. Почему болтаетесь в городе? Дезертиры?

— Никак нет, — обиделся ефрейтор. — Направлены из своей части за провиантом.

— Плевать мне, за чем вы сюда направлены! Доложите своему командиру, чтобы влил всем наряд вне очереди за безобразный вид и поведение в оккупированном городе! Что? Возражать?!

— Слушаюсь, господин зондерфюрер.

— Я проверю! Марш!

Солдаты поспешно вскинули на плечи ранцы и растаяли в чернильной мгле.

Разведчик проводил их рассеянным взглядом.

...В Березовском?..

В глубокой задумчивости продолжил он свой путь.

Последний шанс

Как хорошо вот так лежать, раскинув на тахте отяжелевшие руки и ноги, и плыть куда-то в шелест листвы и мерное постукивание дятла. И хоть на несколько минут забыть, ни о чем не думать, ни о чем...

— Петер Фридрихович!

— Шуринька...

Он открыл дверь, притянул девушку к себе, ласково дунул в ямочку на круглом, как у ребенка, подбородке. За три месяца их совместной работы — самая удобная «крыша»: хозяйка и жилец, вселенный по ордеру оккупационных властей — он привязался к своей связной. Единственный человек, с которым разрешаешь себе говорить на родном языке.

— Ну, садись, поешь, зяблик. Я тут тебе кой-чего из офицерской столовой...

— Петер Фридрихович! — взволнованно отстранилась она и сунула ему лоскут папиросной бумаги. — Вот! Нашла сегодня в «почтовом ящике». Только-только расшифровала!

Переправленная партизанами радиограмма Центра предупредила разведчика о том, что женевская резидентура СД¹ ведет розыск лиц, знавших швейцарского фольксдойче Ленца, эмигрировавшего в 1939 году в Германию.

— Как же так? — испуганно твердила

Шура. — Ведь эсдэшники отпустили вас, обещали оставить в покое. Ведь...

— Как видишь, ненадолго, — подавленно пробормотал он, сжигая листок. — Машина...

И вновь, в который уже раз за эти дни, усмехнулись перед ним тонкие, надменные губы Кляйвиста, доктора философии и штандартенфюрера СС. Кляйвист...

Да, в Центре правы, пора уходить. Ареста пока ему удалось избежать, отвел подозрения на другого, но если они ведут розыск...

«Уходим? — спрашивали Шурины глаза. — Значит, уходим?»

...Уйти? Так и не убедившись в правильности своих выводов?

Все эти еженощные передвижения немецких соединений, внезапные и, казалось бы, беспорядочные их переброски на разные участки фронта, когда задуманный маневр намеренно запутывают ложными ходами, — разобрался ли он в сложных зигзагах перегруппировки резервов вермахта, верно ли уловил ее смысл?.. Взять хотя бы бранденбуржцев — не означает ли их размещение в Березовском то, что капкан готовится именно в тех районах?.. Сколько еще неясностей, противоречий.

— Все равно больше сделанного не сделаешь, — угадала его мысли Шура. — Сами рассказывали, что творится с каждым днем все больше берегутся. Уж как вы ни старались, чтоб на железнодорожный узел попасть — график движения эшелонов выведать...

...Да, не пропустили. И неплохо сфабрикованное удостоверение со штампами абвера не помогло. «Впредь до особого распоряжения только по спецпропускам»...

— Раньше вы хоть в штаб свободно проходили, а теперь по два раза в сутки пропуска меняют, — оправдывала его беспомощность девушка.

...Ну, допустим, попал я в штаб, а толку? Если суть плана известна только высшим командирам.

Он вспомнил вдруг, чей «мерседес» стоял у подъезда командующего: ну конечно же Кляйвиста! Значит, тот тоже в числе посвященных. Естественно. Где секретность, там и служба безопасности...

— И телефонные переговоры только шифром! — Шура была явно не прочь поскорее выполнить приказ Центра — уйти в лес. — И письменные приказы отменены...

...Отменены. Сколько бумаги сэкономит вермахт! Говорят, любимейшее занятие прусаков — убивать. Нет, еще больше они любят писать. Приказы, инструкции, параграфы. И еще — дневники, в которых детальнейшим образом фиксируют для потомков каждый свой шаг в наведении «нового порядка». Пишет дневник всесильный Геббельс, пишет бездарный Майнц и мудрец в эсэсовском мундире Кляйвист... Как это выразился штандартенфюрер тогда, на музыкальном вечере? «Историю должны писать те, кто ее делают»... Делят... Должны писать... дневники...

Ленц приподнялся, промышчал Шуре что-то невятное. Девушка поняла, что он о чем-то напряженно думает, вздохнула и вышла на крыльцо послушать, спокойно ли возле дома.

Когда она вернулась, Ленц торопливо натянул гивал френч.

— Мы уйдем часа через три-четыре, готовься.

¹ Служба безопасности СС.

Он достал из тайника какой-то документ и, разглядывая его, поделился своим планом.

— Вы... да вы с ума сошли! — она отняла у него фуражку. — В самом логово! Будто не знаете, каких фанатиков из них сделали!

— Знаю, потому и... — Он отвел ее худенькие руки. — Последний шанс, Шуринька...

Ленц еще раз проверил свой парабеллум и, сунув его в кобуру, оставил ее расстегнутой. В дверях он оглянулся, лицо его стало жестким и чужим, и девушка поняла, что он уже не с ней...

Достойная дочь фатерлянда

Грета выпрыгнула из санитарного автобуса и, миновав узорные железные ворота, которые предупредительно распахнули перед нею часовые, побежала к прячущемуся в зелени особняку.

— Папа! — позвала она, сбрасывая в прихожей белый в рыжих пятнах йода халат.

Из кабинета никто не отозвался. Не наша она отца и в гостиной.

— Штандартенфюрер еще не приходил, — выглянула из кухни лоснящаяся физиономия денщика.

— И ничего не просил мне передать? — удивилась девушка.

Она позвонила отцу на службу.

— Говорит Грета фон Кляйвист. Пожалуйста, соедините меня с вашим шефом.

— Его нет, — узнала она скрипучий бесстрастный голос адъютанта. — Что-нибудь случилось, Гретхен?

— Сама не знаю, Цоглих. Вызывает из операционной главврач: «Звонил ваш отец, просил отпустить вас с дежурства». В чем дело? — думаю. Никогда он в госпиталь не звонил. Бросаю все, лечу: вдруг ранили, заболел, ну мало ли что! Приезжаю, а его нет!

— И не скоро освободится, — помолчав, ответила трубка. — Шеф очень занят, опять совещание у командующего.

— Странно... — Она медленно положила трубку.

Ничего не поделаешь, придется ждать.

Хорошо бы приготовить папе какой-нибудь сюрприз. Сыграть его любимую скрипичную сонату Брамса. Или оставить на его заваленном бумагами и книгами столе душистую веточку жасмина. Еще забавней было бы положить жасмин в его домашний сейф. Хотя не стоит, рассердится: ведь отец доверил ей шифр лишь на случай его внезапной смерти. Грета с гордостью подумала о том, что она единственный человек, которому он завещал сохранить для истории его личный архив. Штандартенфюрер знал, что может на нее положиться, — никогда она не подведет его, никогда!

Правда, было время — она заколебалась, почти возненавидела его — это когда он поврал с ее матерью, запретил им переписываться. Теперь, пройдя суровую закалку духа в «Союзе германских девушек», Грета понимала отца: женщина, называвшая фашистское движение «чумой», не заслуживала иной участи. Он заставил себя обойтись с женой так, как поступил бы в отношении всякой предательницы, но только дочь знала, чего это ему стоило: еще и сейчас даже при мимолетном упоминании о ее матери штандартенфюрер бледнел. Бедный папочка...

Грета любила отца, благоговела перед ним. И пусть ее порой корбила его ироническая усмешка, когда она вдохновенно пересказывала ему услышанные на уроках и лекциях откровения по поводу «расы и крови», пусть он все еще не считал ее достаточно зрелой, чтобы посвятить в конечные цели движения, которые, по его словам, были еще глубже и прекрасней, чем даже в официально провозглашенных лозунгах, — но разве они с отцом не были едины в главном? Не только дочь, но и соратница!

Было приятно думать на эту тему, но в гостиную постучал часовой и доложил, что Грету кто-то спрашивает.

Девушка вышла в прихожую.

На диванчике, отдуваясь, сидел пожилой мешковатый зондерфюрер. Увидев хозяйку, он не спеша встал и снял мокрую фуражку, обнажив седеющую шевелюру.

— Фрейлейн напоминает меня?

— О, еще бы. Ведь вы так чудесно играли на нашем музыкальном вечере... — Грета изобразила любезную улыбку, поняв по его острому взгляду, что он старается угадать, поделился ли тогда с ней штандартенфюрер своими подозрениями на его счет.

— Господин Ленц, если не ошибаюсь? — протянула она руку.

— Польщен, что запомнился самой очаровательной амазонке вермахта, — поцеловал он ее узкую кисть.

...Смешно, — подумала она, — как можно было принимать за красного агента этого добродушного толстяка?! Наверно, опять пришел просить отца позвонить его начальству, что у СД не осталось сомнений в его благонадежности.

— К сожалению, папы нет дома, — мягко высвободила она руку.

— А я не к нему, — гость расстегнул шинель и покосился на долговязого часового.

— Ко мне?!

На миг Гретой овладело смутное беспокойство. А вдруг он и в самом деле... Ай, что за ерунда! Ведь невиновность его доказана, сам отец занимался его делом. Обыкновенный военный репортершишка, спившееся ничтожество.

...Интересно, что ему нужно от меня? Уж не вздумал ли этот толстячок приударить за мной?

Отпустив часового, Грета провела нежданного гостя к себе.

— Так что вам угодно, зондерфюрер?

— Э! Не будем спешить, прелестная хозяйка. Дойдет очередь и до хвоста, как сказал один ёж, пожирая змею.

Он внимательно оглядел скромное убранство ее чистой, в цветах и с милыми девичьими безделушками, комнаты, одобрительно поцокал языком перед приклепленной к стене виньетки-напоминанием «Я немецкая девушка»¹.

— Скажите, фрейлейн, — задержал он взгляд на портрете Гитлера, — а вы не задавались вопросом, отчего подобное изображение отсутствует в служебном кабинете вашего отца?

— Образ фюрера можно хранить и в сердце, — сухо заметила Грета, задетая не столько вопросом, сколько нагловатым тоном гостя. — Впрочем, спросите об этом у самого отца. Он будет с минуты на минуту.

— Сомневаюсь, — бесцеремонно развалился Ленц на стуле. — Советания у фельдмаршала продолжают обычно за полнбч.

— Я вижу, журналисты недаром славятся осведомленностью. Особенно в вещах, не имеющих к ним отношения. — Поза его нравилась Грете все меньше. — Но даже вам, надо думать, не известно, что мне скоро возвращаться на дежурство. Так что поторопитесь с вашим делом.

— Почему же неизвестно? — расплылся в улыбке толстяк. — Ведь звонил в госпиталь не штандартенфюрер, а ваш покорный слуга.

— У вас шутки не по возрасту, господин газетчик, — нахмурилась Грета.

— А я не только газетчик... — многозначительно произнес гость, но закончить фразу он не успел.

Девушка метнулась к ночному столику, выхватила из ящика маленький плоский «вальтер».

— Руки!

Изумленно пуча глаза, толстяк поднял руки.

— Но позвольте, фрейлейн...

— Кругом! Руки на затылок!

Быстро и умело, как учили еще в школе, на военных занятиях, она обезоружила его.

— Курт! — стукнула она в стенку денщику.

— Именем фюрера! — остановил ее неожиданно властный голос. — Именем нашего фюрера запрещаю звать посторонних!

...Запрещает, он?!

— Молчать, вы! Жалкий русский шпион!

...Где же этот несносный Курт? Ах, да, на кухне, не слышит.

Она отодвинула штору, чтобы позвать часовых, но так и не крикнула: жалкий русский шпион... смеялся.

— А знаете, милочка, вы почти угадали, я действительно какое-то время разыгрывал подозрительную личность. Что делать! Иначе ваш почтенный родитель вряд ли удостоивал бы меня своим обществом. — Он повернулся лицом к дулу, живот его наконец перестал колыхаться. — Однако, фрейлейн, если вас интересуют действительные мои негласные функции, потрудитесь запустить ваши божественные пальчики в мой левый нагрудный карман.

Поколебавшись, Грета осторожно приблизилась к нему и приставила пистолет к его лбу.

— Не двигаться!

Свободной рукой она извлекла из его кармана маленькую серую книжку с тисненым орлом, держащим в клюве свастику, раскрыла удостоверение и увидела гриф и печати абвера.

— Как?!

Дуло ее «вальтера» опустилось.

...Тайный сотрудник армейской контрразведки?!

— Ну? — нетерпеливо мотнул головой Ленц. — Долго мне придется держать руки в столь непристойном положении? Да еще перед дамой. — Он помахал в воздухе кистями и опустил их. — Извините, затекли.

— Минутку... — Грета поднесла документ ближе к свету, но не успела она взглядеться, как легкий, как бы шуточный удар по запястью выбил из ее руки пистолет.

Грета в страхе попятилась.

— Дорогая медсестричка, — Ленц укоризненно поцокал языком, — когда вам действительно представится случай взять на мушку врага, не забудьте снять курок с предохранителя.

И он вернул ей оружие.

Девушка неуверенно протянула ему пабеллум, спросила, веря и не веря Ленцу: — Но чем я могу быть полезной абверу?

— Не догадываетесь? — Он вытаскил длинную экзотическую трубку и стал набивать ее табаком. — Весьма сожалею, фрейлейн, но мне поручено расследовать образ мыслей вашего отца.

— Но как вы смеете!

— На то, золотце мое, и существуют в рейхе разные осведомительские службы, — Ленц взял у нее свое удостоверение и небрежно сунул в карман, — дабы постоянно проверять друг друга.

— Если есть основания!

— О, их столько, что напрашивается вывод... — он выпустил синее кольцо дыма, дал ему растаять и тогда только закончил, — об измене.

— Слушайте, вы! — возмутилась девушка. — Если вы скажете еще что-нибудь в этом роде о моем отце, еще два слова — и я... я...

— Мне достаточно одного, — спокойно произнес он. — Рогге!

Грета отпрянула.

— Да, да, Эрих Рогге, один из лучших диверсантов СД, доблестный солдат Германии, брошенный своим начальником за решетку!

Горячая волна крови прилила к ее щекам, слабость подкосила колени. То, с чем пришел абверовец, было до дикости нелепо, но... Но,

¹ Начальные слова и рефрен из поэмы немецкого поэта Клопштока.

в самом деле, за что отец вдруг арестовал Эриха, героя войны, ее жениха, наконец. Как он мог?..

— Значит, Рогге в чем-то провинился, — прошептала она. И добавила еще тише. — Или папа ошибся...

— Ошибка? — ухмыльнулся абверовец. — А если преступление? А если под видом бдительности начальник СД устраняет преданных рейху людей?

...Боже, что он говорит!

— Что вы говорите! Вы не знаете моего отца! Штандартенфюрер всегда был...

— Был! Пока верил в победу. Но, кто знает, может быть, теперь, когда положение на фронте...

— Нет! Клянусь вам! Ведь я знаю его лучше всех, и потому...

— И потому, — толстяк вынул трубку изо рта и встал, — потому меня и прислали к вам. К вам! — повторил он многозначительно, давая понять, что ей оказывают особое доверие. — Ибо мы убеждены: функционерка «Союза германских девушек» не может уклониться от веления долга!

У некоторых фраз — особая сила. Еще не подумав над тем, что произнес Ленц, Грета одернула жакет, застегнула верхнюю пуговицу, больно защемив кожу на шее, вытянулась, словно ей скомандовали — «смирно!».

Толстяк отер платком взмокнувший лоб, плотно задернул шторы и достал затрепанный блокнот.

— Вам надо ответить на мои вопросы. Садитесь...

Грета примостилась на краешке стула, тоскливо следя за короткими пальцами гостя, отвинчивающими колпачок авторучки.

Она начинала понимать: ее отказ лишь усугубит подозрения.

...Ну? Спрашивайте! Я докажу, я докажу, что папа ни в чем...

— Итак, — Ленц уселся напротив и приготовился записывать.

С торопливой горячностью девушка принялась рассказывать об отце, о его блистательной карьере ученого, от которой он отказался ради тяжелой, неприметной службы разведчика, о его замечательных, хотя и мало кому известных, заслугах на посту личного консультанта Гейдриха¹ в психологической подготовке победоносных маршей по Европе, о его непримиримости ко всяческим проповедникам равенства и тем более к коммунистам, о его...

— Непримиримость? — остановил ее Ленц. — Но почему тогда штандартенфюрер распространяется при подчиненных насчет «идейной твердости и мужества большевиков»? Или это клевета? Вам-то приходилось слышать от него подобные суждения?

— Приходилось. — Грета старалась глядеть ему прямо в глаза. — Отец всегда считал, что недооценка силы противника...

— Значит, вы подтверждаете, — подхватил абверовец, — что господин Кляйвист оспаривает основной тезис нашей пропаганды, гласящий — ну-ка?..

— Что «Россия — колосс на глиняных ногах», — упавшим голосом процитировала девушка.

¹ Шеф имперского управления безопасности, казненный в 1942 г. чешскими патриотами.

...Действительно, папе недостает должной уверенности, что Советы обречены. Правда, это несколько не ослабило его энергии, напротив, удесятерило ее... И все же...

Ленц сделал пометку в блокноте и, пососав трубку, продолжил:

— Партайгеноссе Кляйвист справедливо находит расовую теорию полезной для воспитания ненависти к врагам рейха. Но у меня не сложилось впечатление, что он верит в нее сам...

— Видите ли, — замялась Грета, — папа и в самом деле недооценивает важности таких анатомических признаков расового превосходства, как длина черепа, цвет волос, форма носа. Но это ведь не означает...

— Позвольте нам судить, что это означает! — оборвал Ленц.

...Ах, папа, сколько раз мы спорили с тобой по этому поводу. Но эта твоя старомодная интеллигентность... Ты мог иронизировать по поводу того, что в иных областях Германии, согласно какой-то гнусной статистике, меньше арийских черепов, чем среди англосаксов и даже славян. А с какой издевкой ты напомнил профессору Ленарду, основателю истинно-германской физики, что теорию относительности создали не мы, а еврей Эйнштейн... Удивительно ли, что тебя проверяют? Ведь человек, лишенный биологической антипатии к врагу, гораздо легче идет с ним на сделки... Нет, нет, к отцу это не относится, но...

Грета прижала пальцы к гудящим вискам. В голове все смешалось. Факт проверки отца, столь возмущивший ее вначале, казался уже в чем-то оправданным.

А вопросы сыпались один за другим, не оставляя ни минуты для размышлений. И то, что раньше в поведении штандартенфюрера воспринималось как проявления сложной, далеко заглядывающей вперед личности, более того — как недостижимый пример самоотверженного служения фашистской идее, поворачивалось теперь неожиданно сомнительными гранями. И все громче, все настойчивее стучало в висках: «Рогге, Рогге, Рогге...»

...Боже, когда кончится этот кошмар? Если отец окажется виновным, я покончу с собой!

...Виновным? Я сказала: виновным? Неужели я согласилась, что это не исключено?

Перед глазами плыла готическая вязь учебников национал-социалистической истории. Грета была старательной, очень старательной ученицей, она навсегда запомнила урок бдительности, преподанный фюрером немецкому народу в «ночь длинных ножей»¹.

...Измены, все время измены. Предавали даже такие вожди партии, как Эрнст Рем и Грегор Штрассер...

...Но отец? Нет, это невозможно... нет! Я верю ему!

...Верить?.. Да какое право ты имеешь верить? Не он ли сам постоянно повторяет, что мудрость нашего времени — не верить до конца никому, даже единомышленникам!.. Я думала, это — итог его наблюдений. А может быть, и самонаблюдений? Судит по себе? Чувствует, что и сам способен на... Конечно, не ради себя, он выше этого. Но если такой человек решит, что спасение рейха — в немедлен-

¹ 30 июня 1934 года эсэсовцы вероломно истребили сотни своих товарищей, обвинив их в измене.

ном прекращении войны, он не побрезгует объединиться с врагами фюрера. Разве не доказывал он в своих трудах: «Совесть — пред-рассудок, проявление слабости»...

А Ленц задавал все новые вопросы.

— Фрейлейн, а критиковал ли штандартен-фюрер действия каких-либо государственных лиц?

...Да кто, кто не ворчит на вышестоящих? — могла бы она ответить. Но каждая фраза абверовца все глубже погружала Грету в топь сомнений.

...Почему для отца не существует авторитетов, даже в правительстве?..

— Он критиковал, — вяло объяснила девушка, — только в интересах общего дела.

— Стоп! — отложил перо Ленц. — И быть может... осуждал самого фюрера?

— Никому! — вздернула она острый, отцовский подбородок. — Даже ему я не позволяю задевать в моем присутствии нашего...

— Не позволяете? — быстро переспросил толстяк. — Похвально, похвально... Иными словами, при вас господин Кляйвист воздерживается от высказываний о рейхсканцлере? — Абверовец прищурился. — Но, возможно, он откровеннее... с дневником?

Грета вздрогнула. Ей вдруг почудилось, что вопросы гостя, ее сбивчивые ответы — все это не имело для него никакого значения, что только с этой минуты начинается то, ради чего он здесь.

— Папа не ведет дневника, — помедлив, сказала она.

— Браво! Ваша осторожность делает вам честь, — улыбнулся Ленц. — Штандартенфюрер вправе рассчитывать на снисхождение, хотя бы потому, что воспитал такую дочь. — Но брови его тут же сдвинулись. — Учтите, если вы сейчас обманываете, то не только меня!

— Понимаете... папа никогда не показывает мне своих записей.

— Однако ж и вряд ли скрывает от вас, где их хранит, не правда ли?

Грета молчала. Лгать было бессмысленно. Он, конечно, заметил на музыкальном вечере, как отец попросил ее запереть дневник в сейф.

— Ну-ка, принесите, — потребовал гость. — Я убеждена, — неуверенно сказала девушка, — там нет ничего предосудительного.

— Тем более. Это только послужит свидетельством в его пользу.

— Нет... пожалуйста... — боролась она с собой. — Если папа узнает...

— Выбирайте наконец! — вскочил абверовец, взор его пылал негодованием. — Отец или... — палец его подскочил кверху, указывая в потолок, — или фатерлянд!

Грета вытянулась.

...Вот он, час великого испытания духа. Кто я — сентиментальная гусыня или настоящая немка? Какое значение имеют родственные чувства, когда под угрозой родина! Речь идет о партайгеноссе Вернере фон Кляйвисте: наш он человек или нет? Я обязана помочь выявлению истины!.. Обязана?..

— Нет! — крикнула она.

— Понимаю, — участливо поморгал толстяк, — понимаю, какая титаническая борьба происходит в вашей душе... — Но словно удивившись минутной слабости, он сухо добавил: — Фюрер ждет от вас подвига!

...Подвиг! Как мечтала о нем Грета! Но о

таком ли?.. Вытащить на себе с поля боя раненого генерала. Или, окруженной русскими недочеловеками, бесстрашно подорвать себя гранатой, вознестись на Валгаллу¹ с последней мыслью о фюрере и отце...

— Подвиг! — звенел в ее ушах голос абверовца.

...Вспомни, Грета, вспомни студенческие диспуты: разве нет деяний еще более высоких, чем героическая гибель? Вспомни, как ты завидовала белокуроым героиням приключенческих романов, пронизательно разоблачавшим козни предателей! Вспомни, как восхищалась ты в кинозале худеньким «юнгфольковцем»², нашедшим в себе силы донести на родителей, которые подло усомнились в победе немецкого оружия! Вспомни, Грета, вспомни!

«Нет, нет, нет», — твердила она себе.

— Ну, хватит, — холодно отчеканил Ленц. — Это приказ. Выполняйте.

...Приказ?.. Приказ! Разве я не солдат? Разве все мы — не солдаты?..

Грета уже не могла ни сомневаться, ни бороться. В ушах звенели какие-то стандартные фразы о долге, о фюрере. Как завороженная, она поднялась и пошла в кабинет отца.

Разведчик расстегнул ворот: отчаянно сжимало сердце, воздух казался разреженным, как в горах.

Но едва слышались шаги возвращавшейся Греты, он с усилием заставил себя принять небрежно-деловитую позу и застрочил с ленивым видом в блокноте.

— Принесла. — Ее зубы стучали. — Смотреть при мне, вынести не дам.

— Умница, — похвалил Ленц. — Отец не должен ничего знать.

Он взял кожаную тетрадь и с нарочитой медлительностью стал расстегивать металлические застёжки на переплете.

Первые страницы были заполнены эггетическими воспоминаниями о том, как далеким от политики кабинетный ученый, автор капитального труда «Вырождение человечества» стал сперва теоретиком, а затем и практиком фашизма.

«И тогда я спросил себя, — писал штандартенфюрер, даже в выпренности стиля сохраняя дух своего учителя, великого безумца, Фридриха Ницше, — не потому ли так уродлив и ничтожен человек, что в обществе перестал действовать биологический естественный отбор, столь благотельный, если верить Дарвину, для эволюции животных?.. А если так, довел я свою мысль до логического конца, не единственный ли выход — ввести этот отбор насильственно? Безжалостно уничтожая неполноценных. Не воспитывать человека, а селекционировать!»

— Как домашних кур? — пробормотал Ленц.

«Люди предпочли бы, конечно, иные, более гуманные пути совершенствования. Но довольно либеральной болтовни о правах личности! Пора объединить мир под одной твердой рукой, внедрить новый порядок, законом которого станет высшая, понятная только избранным целесообразность. Общество тотальной селекции! Отбор господ, отбор пастухов, отбор

¹ Мифическое царство погибших героев у древних германцев.

² Член детской нацистской организации.

стада. У сильных развивать инстинкт власти, у слабых — рефлекс повиновения. Несправедливость? Чепуха! Скот тоже будет доволен своим положением: счастье раба — в похвале хозяина».

Ленц пропустил несколько страниц, испи-санным неровным, нервным почерком.

«Да, безраздельное господство аристокра-тии, — мечтал штандартенфюрер, — не расовой или финансовой, а духовной элиты, создание божественной касты сверхчеловека, — вот ко-нечная цель, ради которой можно и должно пойти на все, все!»

В середине дневника начали однако про-скальзывать нотки разочарования. Кляйвист сетовал на то, что вместо высокоодаренных на-тур по-прежнему правят денежные тузы и бес-принципные приспособленцы. Его возмущало, что нацисты больше кричат об арийских «уберменшах», нежели готовят их появление.

«То-то и оно, — думал Ленц, — не «силь-ные личности» нужны коричневому рейху, а дисциплинированные автоматы, безвольные и тупые: «Раз-двас, раз-двас, фюрер думает за нас»...

Каждая очередная военная неудача воз-буждала в авторе дневника все более острые приступы неудовлетворенности. Кляйвист со-крушался, что «вульгаризаторы губят идею», что «грубые мясники, которым вручили власть потому лишь, что они умеют говорить с тол-пой на языке ее инстинктов, поверили в свою исключительность и не хотят уступать сцену более умным и дальновидным игрокам».

— Ай-я-яй! — Ленц не без удовольствия прочитал вслух меткие, полные уничтожающе-го сарказма характеристики Гитлера и его окру-жения. — Благодарите бога, фрейлейн, если ваш папочка отделяется разжалованием.

Он вытащил из полевой сумки цейсовский фотоаппарат и заснял эти страницы, показав их предварительно Грете, дабы она могла удо-стовериться, что его интересуют лишь записи, «ха-рактеризующие политическое лицо партайге-носсе Кляйвиста».

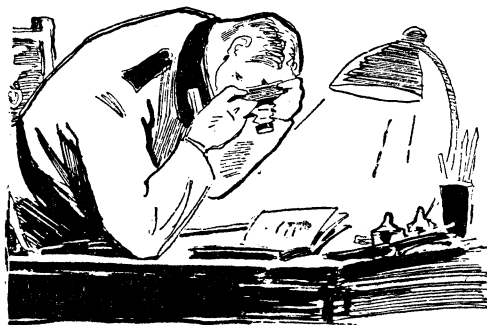
Однако, несмотря на ухудшающееся воен-ное положение, автор дневника не отчаивался.

«Семена дают всходы. И среди иных про-тивников свастики уже зреют ее будущие вос-приемники... — Кляйвист приводил простран-ные выдержки из речей политических деятелей разных стран и предсказывал. — Многие из тех, кто рисует сейчас карикатуры на Гитле-ра, завтра проголосуют за своих фюреров! Проклинают наши концлагеря, но будут бро-сать свободолюбив в свои тюрьмы!»

Что говорить, Вернер фон Кляйвист не был узколобым немецким националистом. В сущ-ности, ему было безразлично, какой народ на-вяжет остальным новый порядок. В данный момент доктор философии делал ставку на Германию. Эта карта не выигрывает — что ж, можно ведь возложить аналогичную миссию на другую страну...

«Терпение, терпение! — убеждал себя ав-тор дневника. — Даже если мы и проиграем эту войну, — мы ее выиграем! Ибо победа — необязательно завоевать чужие земли, нет, это сделать людей — себе подобными».

Было тяжело читать мрачные пророчества философа в эсэсовском мундире: Ленц слиш-ком хорошо понимал, что это не пустые угрозы.

Однако было не время и не место вести мысленный спор с автором дневника. Угнетен-ная Грета перестала следить за тем, какие записи останавливают внимание гостя. Пора было приступить к делу...

Пролистав тетрадь, разведчик стал читать ее с конца. Но теперь он уже пропускал от-влеченные рассуждения штандертенфюрера, сосредоточившись всецело на его конкретных замыслах. Материал этот был столь обильным и впечатляющим, что Ленц едва превозмогал искушение фиксировать все подряд, тем более, что любая деталь могла быть как-то связана и с основной целью его поисков.

Но, увы, даже здесь, в личном своем днев-нике, осторожный начальник СД ни единым словом не обмолвился о сущности оборони-тельного плана.

...Не то... Слишком туманно... Опять не то... Неужели так ничего и не выжму отсю-да?.. Спокойно. Не спеши. Вдумывайся в каж-дую запись. Вот эта, например... А, ч-черт! Все не о том, не о том.

...Стоп! Тут что-то о задании «Нахтига-лю»... Ну-ка, ну-ка...

«Организовать переброску через линию фронта лжеперебежчиков»... Что такое?!

Всего три строки, но из них следовало, что этому специализировавшемуся на провокациях подразделению диверсионно-разведывательной дивизии «Бранденбург» поручалось укрепить у советского командования ложное впечатле-ние, будто немцы ожидают прорыва в направ-лении Сольск — Березовское, на центральном участке фронта... Так вот для чего послали нахтигальцев в Березовское...

...Так, так. Дальше... Не то... Дальше... Стоп!

Часы пробили уже второй раз, а он все еще читал, не забывая время от времени гро-могласно возмущаться — «Критиканство! По-зор!» ...«Имитация шума моторов»... Та-ак... «Замена передислоцированных артбатарея фан-ерными муляжами»...

Подтверждались худшие его опасения: в «Вольфшанце»¹ каким-то образом проникли, что удар будет нанесен по флангам, и немец-кий генералитет противопоставил этому плану клещевого охвата не менее смелый контрплан. Контурь его все явственней проступали в раз-бросанных на последних страницах скупых упоминаниях о мерах дезинформации, пред-принятых по инициативе Кляйвиста.

¹ Ставка верховного командования вермахта,

Да, да, сомнений больше не было. Сосредоточив на флангах огромные силы, противник готовился потопить наступление в крови и перейти в контрнаступление. Могло произойти то же самое, что прошлым летом, когда наступавшая на Харьков армия наткнулась на гитлеровские резервы и попала в окружение...

Все ясно. Потому и не кричат фашисты о «неприступности» этого плацдарма, ждут — пусть русский медведь ринется очертя голову в капкан.

Грета деревянно стояла у его стула — олицетворение исполненного долга — и только вздрагивала при каждом щелчке фотоаппарата.

— Прощу простить, — нарушил тишину почтительный голос за дверью. — звонил ваш отец. Я сказал, у вас гость. Штандартенфюрер выезжает домой.

...Уже? Пора поднимать паруса...

— Положить дневник, где лежал. И ни слова господину Кляйвисту. — Он собрал в бумажку табачный пепел. — Вы поняли? Ни слова!

— Стойте! — вдруг истерично закричала Грета и преградила ему путь к двери. — Вы досмотрите дневник с папой!

— Ну что ж, — пожал плечами Ленц и опустился на стул, — значит секретность моей миссии будет нарушена. Но, предупреждаю, соответствующие инстанции узнают, по чьей вине...

Грета закрыла лицо руками и отошла от двери.

Он не спеша поднялся, спрятал фотоаппарат в сумку.

— Благодарю, фрейлейн. — И выходя, бросил с едва уловимым презрением. — Вы достойны своего фатерлянда.

Крикнув часовым, чтобы гостя выпустили, Грета отнесла дневник в отцовский кабинет, вернулась в свою комнату, заперлась на ключ и, не раздеваясь, легла, уткнувшись лицом в подушку. Она не в силах была вернуться в госпиталь — работать, говорить, видеть людей. Но еще тягостней было лежать и прислушиваться, не хрустит ли за окном гравий...

— Девочка, ты спишь? — послышались в коридоре быстрые, легкие шаги отца.

Грета закуталась с головой в простыню, она не могла его видеть, не могла, не могла...

— Кто у тебя сейчас был? — лязгнула ручка двери.

— Так... один поклонник...

— Это он вызывал тебя от моего имени из госпиталья?.. Почему ты молчишь?.. Гретхен!

Ей хотелось кинуться к нему, кричать, забывая о долге, обо всем: «Папа, беги! Они расстреляют тебя, беги!» Но она молчала. Ведь тот приказал: ни слова.

...Молчать. Во имя фюрера, фатерлянда — молчать.

...Ушел. Я заперла сейф? Кажется. Он ничего не узнает. И завтра его заберут. И она лишится отца, как лишилась уже матери. Боже мой...

Ручка двери с силой задергалась.

— Грета, ты открывала сейф? Почему мой дневник лежит не в том отделении, в котором я его оставил? Грета!

Не выдержав, дочь штандартенфюрера разрыдалась...

Один

— Собственного папашу продала? — Шури рот смешно округлился. — Ну и ну! Воспитали на свою голову!

— Потом, потом, — прервал Ленц расспросы. — У своих наговоримся. — Он вытащил из фотоаппарата кассету с заснятой пленкой. — Зашей в пальто. Быстро!

— Уходим?! — ее глаза заискрились. — Вместе, да?

Он зачем-то открыл и закрыл дверцу буфета и повернулся к девушке спиной.

— Видишь ли, Шурилка, среди прочего я наткнулся в дневнике на запись о какой-то антифашистской группе, появившейся в войсках гарнизона...

— Ну и что?

— Ищайки Кляйвиста напали на ее след. И руководитель знают: электрик передвижного фронтового театра Франц Зах...

— Но... но, Петер Фридрихович, не можете же вы помчаться искать этого человека ночью! А пока утро, пока найдете, предупредите. А ну как немка тем временем очухается и папуле повинится?

Он с силой вдавил носком сапога подгнившую половицу.

— Вот и я себе говорю...
— Эх, знать бы мне «шпрыхен зи дойч», — виновато смотрела ему в спину девушка. — Если б и сцапали — хоть не велика потеря.

— Шуринька, я боюсь совершить глупость. Не имею права на рожон переть, все-таки нужен еще... И не могу, понимаешь, не могу я уйти, плюнув на этих бедолаг! — Он обернулся, больно стиснул ее плечи. — Как мне быть? А, зяблик?..

— Надо идти! — сердито воскликнула девушка.

— Ладно, — сдался он. — Собираемся.

Она убежала к себе, отпорола подкладку своего старенького пальтишка, зашила кассету, собрала узелок, рассовала по карманам фотографии матери.

— Готова? — Ленц вошел к ней. — Узел не брать. Почему в резиновых сапогах? Чтобы патрульным было легче догадаться, куда держишь путь?.. Так. К дверям приколи записку: «Герр Ленц, их ком цум деревня, муки достать», — что-нибудь в этом роде. Аусвайс при себе? Расположение застав на выходах из города усвоила? Так. Наткнешься на патруль — скажешь: акушерка, вызвали принимать роды. Не бойся, я буду идти сади, в случае чего — выручу. Ну пошли, пошли...

Через час без особых приключений они добрались до развалин химического завода. Здесь кончался пригородный район, неподалеку за каменоломнями и торфяными полями лежала деревня Яблоневка и сразу за нею начинался огромный, раскинувшийся на десятки километров партизанский лес.

— Отдохнем? — предложила Шура. — Еле дышите...

— Нет! — хрипло отрезал Ленц. За всю дорогу это было его первое слово.

— Никак не можете забыть про тех антифашистов? — не выдержав, спросила она.

— Ну допустим, допустим, меня даже схватят! — внезапно остановился он, вцепившись в пуговицу на ее пальто. — Вот и чуденько! Сомневаться начнут: успел ли переправить кассету, выиграем время, а?

Девушка почувствовала, с каким волнением ждет он ее ответа...

Поодаль, за холмами, где тянулось шоссе, послышался далекий надсадный шум мотора.

— Я понимаю, — едва слышно ответила Шура. — Ждем вас завтра.

Он благодарно кивнул.

— Где?

— На «спецмаяке». Яблоневка, двенадцать. Там старикан один, я предупрежу, он проведет в лес.

— Запасной вариант?

— Труба не дымит — значит явка завалена. Тогда через общий «маяк». Хутор Ясен. Пароли вы знаете.

Он сел на камень, торопливо, словно боясь передумать набросал донесение — сжато, самое основное. Скатал бумагу в комок.

— Если что — уничтожить.

Светящиеся стрелки его часов показывали уже первый час ночи.

— Ну все. Дальше пойдешь сама. И смотри, чтоб добраться живой — невредимой! Обещаешь?

...Что же ты стоишь? Не надо, не надо так смотреть на меня, девчушка ты моя славная! Ну иди же, иди...

...Нет, погоди. Посидим. Полагается перед дорогой. Вот тут, на щебне.

Только молча. Вот так.

— А теперь шагай. До завтра. Я приду, все будет в порядке. А нет, — скажи, пусть там из леса попросят Большую землю, сообщат друзьям, сыну... Впрочем, ни к чему. Да иди же ты, ради бога, иди!

— До свиданья, Петер Фридрихович, — прошептала она, стараясь навсегда унести в память его доброе лицо, выбившуюся из-под фуражки с высокой тулей седую прядь, грузную неуклюжую фигуру в долгополой немецкой шинели. — Так вы и не сказали мне настоящего свое имя...

Он обнял ее.

— Прощайте, если что, — прижалась она щекой к его плечу. — Петер Фридрихович...

— Владимир Иванович. Прощай...

Она пошла. Разведчик остался один.

„Ты сам учил!“

Уже забрезжил рассвет, а Вернер фон Кляйвист все еще сидел в кресле-качалке, уставившись невидящими глазами в гипсовый бюст Шиллера. Сквозь тяжелые бархатные портьеры пробилась первая лучи солнца, скользнули по высоким книжным полкам, по небрежно расстеленной на стульях карте, погасли в приоткрытой дверце сейфа и снова вспыхнули, заиграли на застекленной репродукции «Корабля дураков» Босха.

Кляйвист прикрыл глаза ладонью.

Дверь скрипнула.

— Папа, можно к тебе? — На белую медвежью шкуру упала тень, приблизилась, поставила перед ним стакан кефира, робко произнесла: — Ты забыл вчера выпить.

Он не шевельнулся.

Грета с обожанием смотрела на его большую голову с орлиным носом и сократовским лбом. Она жаждала примирения.

Кляйвист молчал, его длинные нервные пальцы мяли отвороты пижамы.

На столе, между бумаг, папок и книг, розовела фотография миловидной девочки в школьной форме: юная медхен упоенно била в пузатый барабан.

...Тот же чистый лобик... любящие глаза...

Я баюкал ее...

— Но он приказывал, — пролепетала Грета. — Именем фюрера...

Школьница на фотографии самозабвенно била в барабан.

...Девочка считала, что совершает великий подвиг...

Не дождавшись ответа, дочь встала.

— Я готова к любой каре за то, что дала себя провести, но... — По загорелым щекам ее катились крупные слезы. — Но ничего позорного я не совершила! — крикнула она. — Ты сам учил!

— Вон! — сдавленно простонал штандартенфюрер. — Вон!

Грета вздернула подбородок.

— Постарайся все-таки заснуть... папа, — громко сказала она и, поцеловав его, вышла твердой мужской походкой.

Радиограмма из леса

Кляйвист прилег на тахту, попытался заснуть, но, не пролежав и минуты, вскочил и позвонил дежурному офицеру.

— Как идет розыск? Есть новости?
— Шеф, дома его нет, — проурчал аппарат. — В редакции и публичном заведении — тоже.

— Обыск ничего не дал?
— Обшарили все комнаты, чердак, сарай. Никаких записей и фотопленок.

— А где хозяйка?
— Оставила квартиранту записку, что ушла в деревню, за мукой.

— За мукой! — швырнул трубку Кляйвист. — Кретины!

Надежд оставалось все меньше. Если их не найдут, значит...

Полоснула телефонная трель.

Оперативный отдел докладывал, что в районе пакгаузов, только что подвергшемся русской бомбежке, в одной из воронок обнаружены останки человека в мундире зондерфюрера, рядом найден разбитый фотоаппарат с выгравированной фамилией владельца: «П. Ленц».

— Ленц?! Убит?

Кляйвист отпил несколько глотков кефира, подавил вспышку радости.

...Это было бы слишком удачно...

— Труп, вероятно, неузнаваем? — поджал он бескровные губы.

— Какой уж там труп — месиво. Ведь его угораздило оказаться в самом эпицентре взрыва. Какая обидная случайность, шеф! — сакрушался Кюнцель. — Как раз человек, которым вы интересовались.

— Вам бы следовало помнить, оберштурмфюрер, что ваш шеф не верит в случайности, — процедил Кляйвист. — Ленцу выгодно, чтобы я счел его погбщим. Продолжать розыск!

В восемь утра штандартенфюрер был уже в служебном кабинете. Тотчас вызвал к себе дежурного по радиоотделу.

— Какие новости от «Бритого»?

Некоторое время назад в партизанский отряд удалось заслать преданного и предпримчивого агента. Он сумел завоевать доверие в отряде и теперь регулярно предупреждал о намерениях партизан с помощью портативной радиации, которую прятал в надежном лесном тайнике где-то неподалеку от лагеря. Карательные части получили уже разработку операции. Уничтожение отряда было вопросом нескольких ближайших дней. Впрочем, война с лесом была в компетенции ГФП¹ и Кляйвиста сейчас меньше всего волновала судьба какой-то мелкой карательной экспедиции.

Офицер протянул полученную три часа назад шифровку.

Осведомитель доносил, что ночью в лагерь пришла девушка из города, принесла какие-то важные сведения. Руководство отряда сразу передало эти сведения дальше.

— Все! — искривились в гримасе губы Кляйвиста. — Проклятье!..

В кабинет вошел адъютант, тоже невыспавшийся, подавленный.

Он поднял выпавшую из руки шефа радиограмму, прочитал последние строки: «Мне при-

казано встретить вместе с нею крупную птицу из города. Адрес маяка: Яблоневка, двенадцать. Уходим туда утром. Предлагаю их взять там. Бритый».

— О, так Ленц еще в городе? — удивился Цоглих.

— В городе... — машинально повторил начальник СД — Что это меняет?.. В городе?! — вдруг встрепенулся он. — Так что же вы стоите, Цоглих? Немедленно послать в Яблоневку команду! Теперь мне нужен не только Ленц, но и та девчонка...

Рот фронт, геноссе!

Обдумывая свои действия, Ленц учитывал прежде всего наименее благоприятные варианты. Как ни тешил он себя надеждой на то, что его негласный визит к дочери штандартенфюрера останется тайной для ее опасного папы, все же он здраво рассудил, что остаток ночи следует провести где-нибудь подальше от своей квартиры.

Однако оставаться там, где они расстались с Шурой, тоже не хотелось. Полевая жандармерия выпускала по ночам на окраинные пустыри сторожевых овчарок.

Впрочем, ему вскоре удалось найти более или менее укромное местечко на одной из безлюдных улиц в районе складов ВКДО¹.

Вероятно, он бы так и прокоротал время в тиши и покое специфического каменного строения — «Только для немцев», — вдыхая ароматы арийской мочи и развлекаясь чтением стереотипных солдатских острот, в изобилии представленных на стенах этого едва ли не единственного архитектурного приобретения города после перехода его под сень нордической культуры. Но какой-то нервный зондерфюрер из ВКДО, ворвавшийся сюда по острой нужде, вызванной, должно быть, сильным впечатлением от бомбежки пакгаузов, уставился на Ленца с такой настороженностью, что тот, никоим образом не желая попасть в коммандатуру по незаслуженному подозрению в сигнализации советским самолетам, пошел за благо покинуть уютное убежище первым. И был за это немедленно обласкан судьбой, рука которой, что ни говорите, играет немалую роль в жизни разведчиков.

Когда облако дыма и щебня, укутавшее парадную, куда он успел юркнуть, развеялось, то стало очевидным, что нужник германских вооруженных сил прекратил свое существование.

Оставив на пепелище фотоаппарат (а вдруг поверят?), Ленц проблуждал остаток ночи на никем, к счастью, не охранявшейся мусорной свалке. Долгожданная заря заставила его, однако, пуститься на поиски менее освещенного места. Но не успел он пройти и сотни шагов, как вблизи омерзительно взывала сирена полицейского «майбаха». Подобные встречи никак не входили в планы разведчика, ибо он вполне допускал, что его уже ищут. Со всей возможной при его комплекции быстротой он свернул за угол и энергично потряс язычок колокольчика, свисавший над эмалированной табличкой «Фералонт Якимовский-Жуховец. Скупка вещей у населения. Разрешение городской управы № 703».

¹ Тайная полевая полиция.

¹ Хозяйственные части вермахта.

Из лавочки выглянула лохматая полусонная голова.

— Господин Якимовский-Жуховец? Так, кажется? Обсык.

Хозяин был слишком хорошо знаком с «новым порядком», чтобы задавать излишние вопросы. Гадая, в чем он провинился перед столь почитаемой им властью, лавочник помог сердитому представителю высшей расы перетряхивать сундуки и даже порывался вслед за ним простучивать собственные стены. Правда, несчастный Ферапонт все же немного удивился, когда «их фашистское благородие», не сделав и четверти работы, утомленно прилегло на его кровать и потребовало горячий завтрак. Поразмывшись, коммерсант счел это за благоприятный признак и помчался жарить окуня. Действительно, отдохнув, поев и обнажив у плиты стопку ног, служивших для растопки, немец промычал над ними до девяти утра, потом взглянул на часы, заторопился и ушел, бросив на прощанье загадочное: «Об обыске — молчать! Ждать вызова...»

Через полчаса Ленц был уже на «Зоннеаллее», у серой конструктивистской коробки бывшего Дома культуры железнодорожников, в котором теперь давал спектакли передвижной «Зольдатентеатр».

На широкой сцене шла подготовка к репетиции. Нескладный взъерошенный офицерик, должно быть, режиссер, визгливо кричал на нерасторопного осветителя: у того что-то не ладилось с подсветкой.

— Вам кого, зондерфюрер? — заметили в зале незнакомца.

— Позвольте представиться, я... — фамилию свою Ленц произнес весьма невнятно, но зато очень громко и важно объявил, что он архитектор по профессии и к тому же личный друг Шпеера¹. Увидел по пути любопытное здание и, знаете ли, не утерпел, зашел поглядеть внутренние линии. Особенно остроумно решена система опор, вы не находите, господа? Впрочем, не обращайтесь на меня внимания, господа, я тихонько. — И он с таким сосредоточенным интересом задрал голову к ничем не примечательному потолку, что его оставили в покое, а вскоре и вообще перестали замечать.

Походив несколько минут по залу и за кулисами, Ленц прошел в подсобные помещения и отыскал за одной из дверей осветительный щиток.

Оглянулся — все заняты своим делом, суматоха, рядом никого.

Рванул вниз рубильники. Выскочил в коридор. Спрятался за стенд с фотографиями артистов.

— Опять что-то со светом! — раздался вопль режиссера. — Где электрик?

— Электрик! Где Франц? Электрика! — торопили со сцены голоса.

К щитку подбежал коренастый солдат, удивленно выругался, увидев опущенные рубильники.

На сцене опять вспыхнул свет, голоса успокоились.

— Почему не приветствуете офицера? — вышел из-за стенда Ленц.

— Виноват, не заметил, господин зондерфюрер, — спокойно ответил белобрысый.

— Оправдываться? — зашипел на него Ленц. — Фамилия?

— Франц Зах. Воинский номер...

— Достаточно, — прервал разведчик и, понизив голос, быстро сказал. — Список вашей организации в руках СД. Немедленно уходите в лес, все, кто успеет. Запомните пароль...

Солдат молча смотрел ему в глаза, на его большом костистом лице типичного ольденбуржца резко обозначились мускулы.

— Кто вы? — задал он единственный вопрос.

— Скажете командиру отряда, что вас прислал «Хомо»¹. Все.

— Спасибо, — крепко стиснул его руку солдат. И тихо добавил по-русски. — Товарищ...

— Рот фронт, геноссе, — поднял к плечу сжатый кулак Ленц...

Через час, когда он шел уже окраинным парком, щурясь от бежавшего ему навстречу солнца, и зеленые фонтаны лип обрушивали на него пахучие прохладные струи тени, и почти перестало колоть в сердце, и впереди оставалась последняя городская застава, а дальше — попутная машина, поле, лес, и Шуринька, и самолет, и Москва... — через час его арестовали.

¹ Агентурное имя разведчика. «Хомо» — по-латыни — человек.

¹ Известный нацистский архитектор, назначенный Гитлером министром вооружения.

Оставь надежду всяк сюда входящий

Хриплое рычание маленького «оппель-детта», пролетающие мимо дома, женские лица, небо, — последние для него дома, последние лица, последнее небо. Впереди бычья шея шофера, по бокам каменные профили гладковыбритых близнецов в черных мундирах — три угрюмых Харона, переправляющих его через Стикс¹.

А вежливые ему попались Хароны. Не выворачивали рук, а перетряхнув содержимое карманов, возвратили все и даже парабеллум, правда, вытащив из него патроны, позволили ехать без наручников. И сейчас не вытолкнули из машины, а бережно, как стеклянного, вывели под руки. Оттягивают удовольствие?..

Знакомые белоснежные колонны Дворца пионеров, на флагштоке — штандарт новых хозяев с двумя молниями на черном поле. Широкая мраморная лестница. Длинный светлый коридор с бесконечной чередой пронумерованных дверей, аккуратные фанерные дощечки с латинским шрифтом «Старший следователь», «Криминал-лаборатория», «Шифровальный отдел». Между дверьми висят бесчисленные шкафы, набитые сверху донизу папками-досье.

Буднично пахнет административным учреждением — этакой специфической смесью масляной краски, натертых полов и разведенной карболки.

А вот и знакомая круглая приемная. Что тут было раньше: «Уголок смеха», выставка изделий кружка «Умелые руки»?

Хароны передают его плечистым Церберам² и удаляются, стараясь не грохотать коваными подошвами.

Церберы с карминными, словно натертыми кирпичом, физиономиями оставляют его стоять посреди приемной и возвращаются на свои места у плотно прикрытой двустворчатой дубовой двери, лишенной какой бы то ни было таблички.

— Лез аппаратман де сан алтес...³ — вызывающе подмигивает им Ленц.

— Прекрасно! Везите их. Да, прямо к шефу, — торопливо сворачивает телефонный разговор сутулый однорукый офицер с огромными, как плавники, ушами.

— Ха! Господин Цоглих? Мое почтение! — с беззаботным видом приветствует его пленник.

Глаза Цоглиха уходят от взгляда Ленца. Холодный кивок, и адъютант начальника СД скрывается за дверью.

— Да, маловероятно, что взяли по прошлому делу. Сейчас набросятся: где кассета?..

Сейчас, вот сейчас вспыхнет над дверью табло — большой огненный глаз — как тогда, перед первым допросом... В тот раз ему удалось выйти отсюда, перехитрить самого сатану, теперь расплачиваться придется вдвойне...

Мучительно давит в груди, там, за часто вздымающимся кармашком френча. Словно кто-

то невидимый, безжалостный взял в лапу его сердце и, забавляясь, то грубо сдавит, то с ухмылкой отпустит, как резиновую грушу пульверизатора... И нитроглицерин кончился... Хоть бы присесть. Куда? Не на полке — в приемной ни одного стула.

Скорее бы зажглось проклятое табло!

Свое дело ты сделал, последнее твое дело в «этом лучшем из миров», как говаривал старик Лейбниц. А умирать все равно где-нибудь и когда-нибудь надо...

О такой ли судьбе единственного сына мечтал твой отец — провинциальный учитель немецкого языка с жиденькой чеховской бородкой и вечно сползавшим пенсне, добрейший чудак, приводивший к себе домой своих гимназистов, чтобы всю ночь напролет читать с ними не рекомендованные синодом поэмы богоульника Гейне? Или мать — хрупкая большеглазая мама, заставлявшая свое пухлое чадо часами перекачивать сверху вниз и снизу вверх бесконечные гаммы?

Смешной увалень в бархатных штанишках, в заботливо отглаженной курточке с блестящими перламутровыми пуговицами — «тульский вундеркинд», как дружно окрестили его столичные газеты после первого же выступления на концерте учеников Санкт-Петербургской консерватории, — мог ли тот пай-мальчик, всеобщий баловень, представить себе, какими торными тропами поведет его судьба!.. Хотя стоит ли упрекать судьбу? Просто мальчишка постепенно вырастал, и слишком жадным был его интерес к окружающему, слишком живо откликался он на всякую несправедливость, чтобы находить забвение только в мятежных сонатах и безмятежных ноктюрнах — в окна консерватории врывалась «Варшавянка», сопровождаемая яростным свистом казацких нагаек...

Быть может, если бы его не исключили «за участие в студенческих беспорядках», не выслали по этапу в Сибирь... Нет, вряд ли бы это что-нибудь изменило. Все равно не смог бы он оставаться лишь зрителем в революции. И рано или поздно трудности нелегальной работы с ее жесткими конспиративными требованиями неизбежно выявили «второе я» его мечтательно-поэтической природы, — психологическое чутье и находчивость — неожиданные для него самого качества, позволявшие ему, юноше, распутывать такие сети царской охранки, перед которыми порою бессильны были куда более опытные товарищи.

Но тогда, в молодости, эти способности значили для него много меньше, чем музыкальные, и он долго еще продолжал верить, что станет пианистом, — и в те годы, когда организовывал побеги из ссылки, и в круговерти Октябрьских дней, и в тяжелую пору гражданской войны, призвавшей его в Чека («само собой, временно, товарищ: людей не хватает»). Только в двадцать первом году, когда после... надцатого напоминания о давно обещанной демобилизации, его вызвал к себе Держинский и виновато попросил выполнить напоследок крайне важное поручение, связанное с отъездом за границу («нет, нет, на этот раз действительно последнее, просто, ну, некому больше, сам видишь!»), и когда бывший «тульский вундеркинд» в комиссарской кожанке посмотрел на измученное, в лиловых тенях лицо Феликса и не смог отказать, тогда лишь понял

¹ В древнегреческих мифах Харон — лодочник, перевозивший умерших людей через подземную реку Стикс в царство мертвых.

² В мифах — Цербер — неусыпный сторожевой пес.

³ Апартаменты его высочества (франц.).

ой, окончательно понял, что работа его уже не изменится...

Дверь бесшумно отворилась, выпустив адъютанта.

— Кофе шефу, — бросил он на ходу одному из охранников и, не взглянув на Ленца, ушел по коридору, ловко придерживая одной рукой ворох разлетающихся бумаг.

...Сколько уже прошло времени как он стоит тут, заставляя себя отбивать подошвой ритм какого-то дурацкого мотивчика — лишь бы не осесть на качающийся под свинцовыми ногами пол?.. Полчаса? Час? Два? Вечность?.. Почему его держат тут, не начинают допрос?

Примчался, балансируя подносом, охранник с кофейником, протиснулся в дубовую дверь и вернулся с таким благоговейно-радостным выражением, словно побывал у самого господ-бога.

...В окне двойная рама, но стекло тонкое, — удариться всей тяжестью, пробиться наружу, глоток ветра — и головой вниз, в ничто... Нет, нельзя... нет. А вдруг удасться внушить Кляйвисту, что не успел переправить кассету нашим?.. Да, держаться до конца. Держаться, даже если придется пройти все девять кругов ада.

...Но почему все-таки штандартенфюрер не спешит узнать, переданы ли сведения? Чего выжидает?

Снова появился однорукый адъютант, сопровождая оберштурмфюрера со множеством наградных ленточек и значком отличного стрелка. Высокие голенища его хромовых сапог были в пыли, на щегольских галифе просвечивала пулевая прореха.

Побыв несколько минут за дверью, они вышли.

И почти сразу же над ней запылал огненно-красный глаз.

Охранники растворили перед Ленцом дверь и слегка подтолкнули его вперед, в холодноватый полумрак кабинета.

Взятка

Все те же плотные шторы на высоких окнах, спущенные даже днем.

И так же безмятежно танцуют мозаичные ребятишки на дубовой обшивке стен. И как в первый раз, тонут подошвы в ворсистой мякоти ковра. И в глубине комнаты, там, где особенно сгустились тени, тот же Кляйвист за огромным столом.

— Извините, я заставил вас ждать, — поднялась сухонькая фигурка в светлом чесучевом костюме. — Вынужден был заняться наведением справок, имеющих отношение к вашей... хм... деятельности.

— Я протестую! — рухнул Ленц на стул. — Как понять этот новый допрос? Меня ждут в редакции!

Протестовал он шумно, но без особого энтузиазма, скорее по обязанности, на всякий случай, — он слишком хорошо понимал, что теперь не выручит и самый искусный артистизм.

— Ну, ну, — поморщился штандартенфюрер. — Вы же отлично знаете, почему вас... пригласили. Довольно же! — остановил он поток возмущенных фраз Ленца и, помолчав, пояснил: — Грета мне рассказала...

...Рассказала-таки!.. Вот и все... «Финита ла комедиа»...

— Хорошо, хоть на это ее хватило,— буркнул Ленц.

Впалый рот Кляйвиста искривился.

— Итак, интуиция все же не обманула меня?— процедил он.— Газета, разумеется, всего лишь — декорум?..

...Да, можно стягивать маску, отыграл...

— Как самочувствие вашего Рогге? Его еще не выпустили?— все-таки осведомился Ленц.

Но штандартенфюрер, должно быть, не расслышал.

— Покажите документ, который вы предъявили моей дочери.

Ленц усмехнулся, бросил на стол серую книжку.

Начальник СД надел очки и принялся придиричиво, под лупой, изучать удостоверение.

...Что он время тянет? Можно подумать, он еще сомневается, что документ подделан.

— Увы,— с разочарованием отбросил лупу штандартенфюрер.— Как и следовало ожидать, это не подделка. Узнаю подпись Канариса...¹

...Что такое?! Не заметил элементарной подчистки?..

— Забавно. Я воображал, что охочусь за вами, а выходит...— Кляйвист с усилием улыбнулся.— Н-да, умеет абвер подбирать сотрудников...

Ленц подался вперед, стараясь разглядеть затемненное лицо хозяина кабинета.

...Поверил, что я — соглядатай Канариса?!.

— Ловко, однако же, вы играли под русского разведчика!— уважительно продолжал Кляйвист.— Признаться, мне даже пришлось некоторое время назад запросить по вашему поводу нашу московскую резидентуру.

— Ну и что вам радировали в ответ?

— Нам назвали пятерых чекистов, которые могли бы работать под такого «журналиста Ленца». Но! Двое из них, как выяснилось, ныне в Москве, один в Ленинграде, четвертый давно погиб при авиакатастрофе, а пятый расстрелян в Испании. Так что, воленс-ноленс², пришлось мне отбросить эту столь заманчивую версию.— Он вернул Ленцу удостоверение и доверительно похвастал.— Однако советский агент все же найден. Знаете, кто им оказался?

¹ Начальник абвера.

² Волей-неволей (латынь).

Представьте себе, мой подчиненный и ваш сосед Эрих Рогге. Он так настаивал на вашем аресте, что у меня родилось подозрение, не пытается ли он прикрыть вами собственные прегрешения...

...Так вот оно что! Кляйвист настолько уверовал в виновность Рогге, что теперь уже не может отрешиться от захватившей его версии. Неужели действительно есть шанс на спасение?..

— Я делюсь с вами всеми этими секретари фирмы затем...— с несвойственным ему смиренным объяснил начальник СД,— чтобы у коллег из абвера не сложилось ложного впечатления, будто Вернер фон Кляйвист устрояет, как вы изволили выразиться, допрашивая Грету, преданных рейху лиц.— Он с оскорбленным видом потер длинный подбородок.— К величайшему сожалению, ваш берлинский шеф и мой друг, адмирал Канарис, при всем его добром отношении ко мне, очень уж тяготеет к конкуренции СД. И потому, боюсь, вряд ли избежит искушения процитировать фюреру некоторые... хм... не вполне ортодоксальные выдержки из моего дневника. Что повлечет за собой, как вы понимаете... Короче! Сколько вы хотите за молчание?

Ленц вытащил трубку, щелкнул зажигалкой, медленно втянул прогорклый табачный дым. Он был ошеломлен...

— А вам не приходило в голову,— сказал он, сделав несколько глубоких затяжек,— что я мог уже передать кассету по назначению?

— Пока вы ждали у меня в приемной,— быстро ответил штандартенфюрер,— я выяснил через своих людей в армейской контрразведке: никаких компрометирующих меня материалов в течение суток туда не поступало.

— Вы благородный человек. Пытайтесь купить то, что могли бы найти...

— Не скрою, мои люди всю ночь обшаривали ваш дом. Но как я и думал, вы предусмотрительно припрятали кассету в более надежном месте.

— Что верно, то верно,— невозмутимо согласился разведчик: теперь он был почти уверен, что Шура благополучно добралась до партизанского лагеря.

— Итак,— вышел из-за стола Кляйвист, приблизившись к Ленцу, повторил.— Сколько?..

Разведчик испытующе вглядывался в худое, нервно подергивающееся лицо штандартенфюрера, пытаясь поймать его глаза, но те были надежно скрыты за толстыми, непроницаемо поблескивающими стеклами.

— Ну?— с неподдельным волнением ждал ответа Кляйвист.— Учтите, есть ведь и другие варианты... Не лучше ли поладить миром? Тысяча марок. Мало? Две тысячи. Нет?.. Три!..

— Десять.

— О!— простонал штандартенфюрер.— Вы же понимаете, у меня нет на руках такой суммы.

Разумеется, Ленц это понимал и более того, именно на это и рассчитывал. Его меньше всего устраивало, чтобы Кляйвист тут же выложил на стол деньги за «товар», который в данную минуту, наверно, изучал уже в штабе советских войск.

— Господин Ленц,— униженно торговался штандартенфюрер,— войдите в мое положение.

Мне потребовалось бы не менее месяца, чтобы набрать запрошенную вами сумму.

— Ничего, я готов подождать,— сказал Ленц и пересел в кресло,— мне не к спеху.

— Ну, хорошо,— сдался Кляйвист.— Тысячу сейчас, остальные девять — через месяц.

Он достал из сейфа большую инкрустированную серебром шкатулку, открыл ее, вытащил пачку рейхсмарок.

— Проверьте, пожалуйста.

— Должен ли я написать расписку?

— Желательно.

— Понятно...— Ленц отодвинул деньги.— Бойтесь оставлять компрометирующий документ?— дрогнули уголки губ Кляйвиста.— Что ж, ограничимся джентльменским соглашением.

— Здесь только восемьсот,— пересчитал деньги разведчик.

— Правильно. Получите еще двести.

Штандартенфюрер опустил шкатулку на стол, извлек из кармана бумажник и стал неспеша отсчитывать деньги из рук в руки.

Неожиданно в дверях появился адъютант.

— Вести арестованных?

Кляйвист смешался. Приняв, должно быть, его молчание за разрешение, одорукий сделал знак, и несколько эсэсовцев ввели связанного бородача в папаче с красной партизанской ленточкой. Офицер с продырявленным галифе втокнул спиной вперед упирающуюся девушку; сквозь разорванное ситцевое платье просвечивал багрово-синий след плети.

Ленц оцепенел. Перед ним была Шура...

— Что такое, Цоглих?— штандартенфюрер попытался загородить Ленца.— Я еще занят, не видите?

— Извините, шеф, мне показалось, вы вывели следующих.

— Ах да!— Кляйвист обнаружил, что шкатулка была нечаянно опущена на кнопку вызова.— Вон их, вон, в следовательский. Некогда мне заниматься мелкой рыбешкой.

Эсэсовцы вывели партизана. Девушка, как завороченная, смотрела на застывшего Ленца.

— Петер Фридрихович...

— Если не ошибаюсь, ваша хозяйка? Представьте, оказалась в связи с партизанами.— Кляйвист погрозил разведчику длинным пальцем.— Смотрите, как бы теперь я на вас не донес. За потерю бдительности!— И невесело рассмеялся.— Но что с вами?— заботливо осведомился он.— Цоглих, я же просил отвести преступников в следовательский!— И когда адъютант вывел Шуру, заговорщически шепнул.— Бойтесь, он догадался о нашей сделке? Чепуха, я объясню ему, что перекупил у вас ценную русскую икону, договорились?

Он помог Ленцу подняться, вывел в приемную и дружески пожал руку.

— Рад, рад, что мы пришли к взаимному соглашению. Эй, Цоглих, подождите! Мою машину господину Ленцу.

Комкая в кармане денежные купюры, разведчик прошел мимо рвущегося из рук эсэсовца партизана, мимо широко раскрытых, почерневших от ужаса Шуриных глаз и побрел по коридору, не оглядываясь.

...Не мог же Кляйвист, в самом деле, поверить, что я — сотрудник абвера...

И Шура-Шуринька...

Окончание следует

ЛЕСНЫЕ ЗНАКОМСТВА

Козленка не испугал фотоаппарат.

Бурундук.

Еще секунда, и, ломая
сухие ветки,
взлетит глухарь.

На границе Ала-тау и Кузбасса работали мы, геологи Западно-Сибирского управления. Искали золото, серебро, ртуть.

Но не только полезные ископаемые интересовали нас: с изумлением знакомились мы с удивительной природой Кузнецкого Ала-тау.

Однажды геолог Казимирыч принес в лагерь огромного живого глухаря. «Иду я, а он из-под самых ног выскочил. Взлетит и снова падает. Так до самого болота шел за ним», — рассказывал Казимирыч.

Любитель меда.

Встречались нам и жуки-дровосеки, черные, с длинными усями. Поймали одного. Челюсти у него сильные: без труда он перекусил капроновую леску.

В старом ошманнике пасечника деда Волкова жили бурундуки. Один разрешил себя сфотографировать.

Э. ХАКИМОВ

ОЖЕРЕЛЬЕ

ИОМАЛЫ

Евгений БОГДАНОВ

Рисунки С. Киприна

Повесть-легенда

Полуденный ветер

На шестой день северный ветер утих, облака, как раненые волки, уползли за лес. Несколько часов стояла тишина, а к ночи налетел широкий ветер с полуденной стороны. Он предвещал дождь, все сильнее раскачивал сосны и ели, раздувал сигнальный костер на берегу, сыпал в темноте искры на траву.

Туре Хунд и Карле с Гунстейном на драккарах подсчитывали барыши. Денег уже почти не оставалось, зато вороха драгоценной рухляди заполняли все отсеки и мешки, и торг можно было считать удачным. Возвратясь в Норвегию, ярлы могут выручить за мягкие товары двойную, тройную, а за некоторые меха и четверную цену.

Туре Хунд, пересчитывая и укладывая меха с помощью Орвара, думал о новгородце с перевязанной головой. Тревога поселилась надолго в сердце ярла. Туре чувствовал, что русобородый новгородец пришел в Ой-Ял не один, наверняка с дружиной. Они, конечно, собираются отомстить викингам за смерть рыбаков, потопленных драккарами в море Ган-Вик.

Туре позвал на совет братьев ярлов. Викинги были уверены, что новгородцы в сговоре с биармами. Нет, нурманны не боялись боя, но как знать, не повернется ли к ним спиной Норна — богиня судьбы? Численный перевес был на стороне предполагаемых врагов. Новгородцы злы, и это удесятрит их силы.

На реке ночью поднялось волнение.

Драккары, стоявшие на якорях, кидало ветром из стороны в сторону. Ярлы лежали в шатре Хунда. Перед ними горел слюдяной фонарь. Карле озабоченно говорил:

— Викинги не умеют праздновать труса и не боятся звона мечей. Но стоит ли рисковать теми богатствами, которые мы добыли на торге? А вдруг удача нам изменит?

— Вязываться в драку сейчас неразумно, — поддержал его Гунстейн.

Туре долго думал и, наконец, решил:

— Вышлем на берег глаза и уши. Будем следить за каждым шагом русских и биармов. Запасы денег и товаров у нас совсем иссякли. Завтра торгуем последний день, а вечером снимаемся с якорей!

Так решили викинги. Карле и Гунстейн отплыли на свой корабль. Туре позвал Орвара и велел ему выслать на берег лазутчиков. Через некоторое время от драккара отплыла лодка с викингами, переодетыми в меховые одежды под вид биармов. Орвар вернулся. Хунд сказал ему:

— Выполни еще одно мое поручение. Возьми с собой сильного парня, хотя бы Асмунда, и съезди на берег. Видел девушку, которая покупала бархатную накидку? Она живет на окраине Ой-Ял, ее хижина почти у самого леса. Перед хижинкой стоит старый кедр. Нижние сучья у него засохли. Выкради биарминку и привези на драккар. Получишь пятьдесят эйриров серебром. Только смотри, без шума!

Привыкший повиноваться каждому слову ярла, Орвар кивнул и вышел из шатра своего хозяина.

¹ Окончание. Начало в № 7 и 8.

* * *

Лес за Ой-Ял полон людей. Возле чумов из оленьих шкур, у костров, сидели биармы, приехавшие из дальних стойбищ. Варили в котлах мясо оленей, говорили о выгодном обмене товарами с викингами. Они получили за свои меха немало изделий из бронзы и серебра, а главное — оружие из железа и стали. Многие биармы с утренней зарей собирались возвращаться домой.

На некотором отдалении, в чащобе, у больших костров, сидели новгородские ватажники. Торг их не интересовал. Они пришли отомстить за своих братьев. Вооруженные мечами, топорами, палицами и рогатинами, новгородцы ждали Владимирка, который ушел на совет к старейшине Хальмару.

В селении Ой-Ял в каждой хижине бодрствовали мужчины-биармы, готовые по первому зову Рагнара вскочить и ринуться в бой. Начальник дружины Рагнар тоже был на совете у старейшины.

Новгородцы сидели, тесно прижавшись друг к другу, и тихо переговаривались. Пламя костра от ветра металось из стороны в сторону. Искры падали на кафтаны ватажников и гасли.

— Надо заманить нурманнов на берег. Тут мы их и порешим. На корабли пробраться трудно, — говорил Василько товарищам. — У нас нет лодок. Они с кораблей могут залить нас смолой, засыпать глаза известью...

— А как их выманишь на берег? Поднимут завтра паруса — и поминай как звали! — отозвался один из ватажников.

— Подождем, что скажет Владимирко. Пора уж ему вернуться.

Вскоре из чащи донесся голос дозорного:

— Эй, кто там?

— Это я, — ответил староста.

Владимирко подошел к костру. Ватажники освободили ему место. Владимирко сел у огня и протянул к нему руку с перстнем на безымянном пальце.

— Что говорит старейшина? — спросил Василько.

— Плохо дело, братцы. Первыми нам нападать на нурманнов не след. Хальмар говорит, что викинги приходили к нему с дарами и он обещал мирный торг. Он не хочет проливать кровь, говорит о мире...

— Ну и пес с ним! — с горячностью крикнул Булат. — Пусть он сидит с миром в своем закуте. А нам надо проучить нурманнов. Неужто, братцы, мы не сладим с ними? Эвон, сколько нас! Каждый молодец стоит двух вражин. Неужто мы простим им разбой, который они учинили в море?

Новгородцы зашумели, заговорили разом:

— Отомстим!

— Одни пойдем на нурманнов!

— На этот раз простим — в другой больше напакостят!

— Тихо, братцы, — поднял руку Владимирко.

— Тихо, слушай старосту! — поддержал Василько.

— Я думаю так, братцы, что надо нам следить в оба за нурманнами. Если они нападут — тут им и крышка. А если не нападут — первыми в драку на этот раз лезть не резон. С Хальмаром нельзя вздорить. Он муж опытный и разумный. И биармы все сидят по хижинам оружными. Сунутся нурманны — пропадут...

Недовольные новгородцы уgomонились не сразу. Пospорив да поразмыслив, они все-таки согласились со старостой.

* * *

Орвар и Асмунд выполняли приказ ярла. Орвар еще на корабле сказал Асмунду, что Туре Хунд велел выкрасть девчонку-биарминку, но не говорил, кто она. Асмунд колебался. Ему не хотелось идти на такое дело. Но Орвар пригрозил Асмунду, сказав:

— Воля ярла — закон для викинга. Иначе смерть!

И Асмунд вынужден был повиноваться.

Ветер рассвирепевшим медведем ворочался в лесу, и никто не услышал, как два человека подкрались к хижине старого Вейкко.

Самого Вейкко дома не было. С тридцатью воинами он охранял храм Богини Вод. Лунд боялась оставаться одна и попросила Рейе, чтобы он побыл в хижине с ней. Юноша лежал на топчане, где спал отец Лунд, и тихо говорил с девушкой, сидевшей у огня.

У изголовья Рейе лежала тяжелая палица.

— Хочешь, Рейе, я примерю наши покупки? — спросила Ясноглазая.

— Примерь, — отозвался охотник.

Лунд наложила налобник. Золоченая птица заблестела, запереливалась при свете очага. Девушка встала, надела на плечи бархатную накидку.

— Скажи, красиво?— спросила Лунд.

— Красиво...

В богатой накидке, с налобником девушка была похожа на знатную иноземку. Лунд прошла взад и вперед перед очагом, чтобы Рейе мог лучше видеть ее наряд.

Вдруг за дверью послышался шорох. Лунд остановилась. Рейе тихо сел на край топчана.

В дверь постучали. Юноша и девушка не откликнулись. Опять постучали, сильнее, настойчивее. Рейе бесшумно встал, приготовил палицу. Лунд сбросила накидку, метнулась к задней стене жилища, на которой висел отцовский острый охотничий нож.

В дверь стали ломиться.

— Кто там?— не утерпев, крикнула Лунд.

За дверью стало тихо, никто не отзывался. Немного погодя дверь снова заходила ходуном от сильных ударов снаружи. Рейе дал знак Лунд молчать, а сам стал возле двери с палицей наготове.

Запор не выдержал. Дверь распахнулась, и в хижину ворвались два рослых нурманна с кинжалами в руках. Они тотчас бросились к Лунд, не заметив Рейе. Охотник взмахнул палицей, и один нурманн грохнулся на земляной пол. Другой обернулся и увидел Рейе. Кинжал нурманна со свистом рассек воздух, но Рейе вовремя пригнулся. Нурманн с ловкостью рыси бросился к двери. Рейе — вдогонку. Но он споткнулся о порог, и удар палицей пришелся не по голове викинга, а по спине. Нурманн охнул и кинулся в лес. Рейе побежал было за ним, но, вспомнив о Лунд, вернулся в хижину. Другой нурманн мог очнуться. Лунд стояла у стены, широко раскрыв от ужаса глаза, сжимая в руке нож. Рейе закрыл дверь, приставил к ней тяжелую скамью, стол и склонился над нурманном. Он повернул викинга лицом вверх и в растерянности отшатнулся. На полу лежал Асмунд, тот самый викинг, который продал Рейе налобник и подарил браслет-змею. Нурманн был мертв. Затылок его разбит. На полу — лужа крови.

— Вот беда!— проговорил, наконец,

Рейе.— Я убил человека, которому днем, как другу, пожал руку! Злые духи привели его к нам!

Лунд бросилась к нурманну, стала брызгать ему в лицо водой из ковша, тормошить, но все бесполезно. Удар был верен и тяжел...

— Они хотели выкрасть тебя!— сказал Рейе.— Я понял. Ты понравилась Собаке, и он послал этих людей, чтобы утащить тебя на корабль! Так ему и надо, грязному чужеземцу! Пусть не хватает колыми руками огонь!

— А мне жалко его,— печально сказала Лунд.— У него ведь дома осталась невеста. Он называл ее имя — Грида!

— Сам виноват!— Рейе убрал скамью и стол от двери, вышел на улицу, прислушался. Потом вернулся, выволок тело Асмунда на улицу и спрятал в кустах.

— Идем к Рагнару. А то они могут вернуться целой стаей, и тогда нам недобровать!— сказал он Лунд.

Они закрыли дверь и ушли в хижину Рагнара, где сидели вооруженные воины.

В полночь к драккару Туре Хунда бесшумно подплыла легкая кожаная лодка, в которой находился только один человек. Дозорный с корабля осветил фонарем и окликнул:

— Эй, кто тут?

— Я к Туре Хунду!— отозвался незнакомец по-норвежски.

— погоди!

Дозорный пошел в носовой шатер и разбудил хозяина. Хунд велел спустить за борт трап. Незнакомец поднялся на драккар. Это был виночерпий купца Рутана Сантери.

— Я принес тебе обещанное,— тихо сказал Сантери.

Хунд повел его в шатер, зажег свечу в фонаре и показал Сантери на раскинутую медвежью шкуру. Виночерпий сел. Руки его дрожали от волнения, а глаза беспокойно бегали.

Туре Хунд смотрел испытующе на рыхлое лицо гостя и думал: «Или он сам бежал из плена, или его отпустил ярл?»

— Ну, что ты принес?— спросил ярл.

Сантери подал ему свернутый в трубку кусок мягкой бересты с молодого дерева. Туре Хунд развернул бересту и стал всматриваться в линии и знаки, вырезанные на ней. Сантери стал объяснять:

— К Иомале ведут две тропы. Одна из Ой-Ял, торная. По ней ходят часто. Вам по этой тропе идти не следует. Биармы могут заметить... Смотри сюда, на рисунок. Недалеко отсюда на берегу есть большой, в рост человека, камень. Стань у камня лицом к лесу,— рассказывал Сантери, водя пальцем по рисунку,— увидишь впереди сухую осину. Иди к ней. Там начинается другая тропа. Она заросла кустарником. По правой стороне растут молодые сосны. Иди по той тропе и считай сосны. Когда насчитаешь тридцать сосен, увидишь поляну и на ней то, что тебе надо. Запомни: сосны считать только по правой стороне. Понял?

— Понял.

— Возьми бересту. Тут все обозначено.

Туре Хунд некоторое время рассматривал рисунок, спрашивал Сантери о непонятных для него знаках. Виночерпий терпеливо объяснял. А потом Хунд свернул бересту и спрятал ее.

Сантери молча ждал, что еще скажет ему ярл. Туре спросил:

— Тебя на волю отпустил сам ярл, или ты бежал?

— Эту тайну я не выдам никому,— коротко сказал виночерпий.

Туре кивнул и достал заранее приготовленный кошелек. Он бросил его Сантери, и тот на лету подхватил деньги.

— Тут сто эйриров серебром,— сказал Хунд.

Сантери развязал кошелек и убедился в том, что в нем серебро.

— Викинг останется доволен,— сказал виночерпий.— В храме Иомалы он может взять не один мешок серебра и золота! Все. Я ухожу.

— Иди,— сказал Туре.

* * *

Спустя некоторое время после ухода виночерпия на корабль вернулся Орвар. Он еле-еле взобрался по кожаной лестнице на борт и, шатаясь, побрел к шатру хозяина. Увидев его, Туре Хунд встревожился. Орвар обессиленно растянулся на медвежьей шкуре и застонал.

— Что с тобой?— склонился над ним ярл.

— Выкрасть девчонку не удалось. Попали в засаду... Асмунд убит наповал...

— Проклятье! — воскликнул Туре Хунд.

Он позвал кормчего Саксона, который знал толк в лекарском деле. С помощью Хунда Саксон раздел Орвара, осмотрел его, определил перелом ребер и наскоро перевязал.

Перед восходом солнца на драккар вернулись лазутчики. Они сказали:

— В лесу у костров мы видели много вооруженных людей. Судя по разговору, — русские. Они сильно возбуждены. В хижинах биармов прячутся оружейные воины. Судя по всему, биармы и русские собираются напасть на нас...

Туре Хунд велел спустить лодку и отправился на корабль Карле. Вернувшись, он приказал разбудить гребцов и поднять парус.

Когда брызнули из-за леса первые лучи солнца, драккары пошли в низовья Вины, к морю.

Прибывшие на торг биармы увидели пустые прилавки и погасший костер на поляне.

В тот же день, распрощавшись с биармами, ушли домой и новгородские

ватажники. Они были хмуры и молчаливы. На этот раз им не пришлось отомстить нурманнам за смерть своих братьев.

Легкие олени упряжки увозили в родные места дальних лесных и побережных биармов.

Купец Рутан считал серебро и золото, вырученное от продажи мехов. Жадность его была удовлетворена.

Рейе с помощью соседей унес мертвого Асмунда на берег и бросил его там в быстрые воды Вины...

Успокоенный тем, что Вик-Инг ушли домой, в Норвегию, старейшина Хальмар распорядился снять усиленную охрану с обителица Богини Вод. Теперь, как и раньше, возле нее дежурили, сменяясь три раза в сутки, шесть сторожей. Вейкко отсыпался в своей хижине.

Сокровища Иомалы

Ветер был сильный. Отдохнувшие за время торга гребцы налегали на весла, и к полудню драккары вырвались из устья Вины в море. Ко-

рабль Хунда повернул на запад и стал на якорь в виду пустынного болотистого берега. Карле был немало удивлен этой остановкой и думал, что у Туре на корабле что-либо случилось. Но Хунд тотчас спустил лодку и послал своего человека за братьями, приглашая их на совет.

Раненый Орвар метался в тяжелом бреду. Саксон не мог ничем помочь ему, хотя и старался сделать это.

Братья прибыли на корабль Хунда в сопровождении кормчего и боцмана. Туре позвал своего боцмана и кормчего, и, когда все собрались, сказал:

— Я сделал остановку потому, что хочу вам кое-что сказать. Не желаете ли вы выйти на берег и добыть себе еще сокровищ? Думаю, никому не помешает ни серебро, ни золото.

— Какие сокровища?— спросили они.

— Где?

— Сокровища находятся у идола лесных жителей — Иомалы,— ответил Туре

Хунд.— Когда у биармов умирает богатый человек, часть принадлежащего ему серебра и золота они несут в храм и кладут в курган. В том кургане, наверное, лежит немало денег. Иомала охраняется только сторожами. Мы их убедим без шума.

— А это далеко?— спросил Карле.

— Против ветра на веслах часа четыре ходу.

— А ты знаешь туда путь?— поинтересовался Гунстейн.

— Знаю.

— Что ж, рискнем, — согласился Карле.

— Все ли согласны?— спросил Хунд.

— Все!— ответили викинги.

— Тогда ближе к вечеру поворачиваем обратно и идем вверх по течению до большого камня...

Перед заходом солнца драккары повернули обратно и пошли на веслах узкой протокой меж островами на юго-восток. Миновав протоку, стали держаться возле берега.

Ни одна лодка местных жителей не встретилась им в пути. Никто не видел, как корабли повернули обратно. Биармы были уверены, что Вик-Инг ушли в Норвегию.

Стемнело. Туре Хунд зорко всмат-

ривался в береговые кустарники и проплешины низких болот и лугов. Наконец он увидел большой камень и приказал подходить к берегу. Вина здесь была глубока, и пристани не потребовалось. Викинги причалили, закрепив брошенные с кораблей канаты за деревья.

Туре Хунд, Карле, Гунстейн и еще двадцать человек сошли на берег и остановились у опушки леса. Туре сказал:

— Идите за мной. Не отставайте. В случае боя держаться стойко! Когда велю отходить, никто не должен тянуться в хвосте.

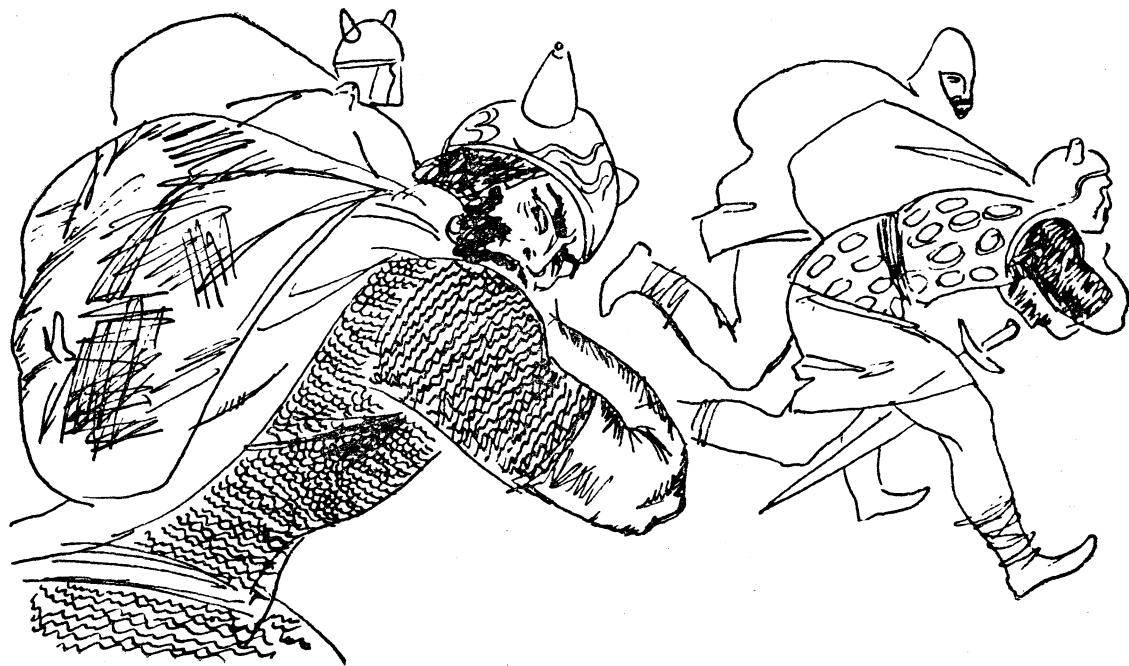
Туре Хунд увидел сухую осину, а за ней — запущенную тропу. Он оглядел сосны, растущие по правой стороне, на равном расстоянии одна от другой.

— Пошли!— сказал Хунд. Он велел викингам делать на деревьях заметы секирами, чтобы не сбиться с пути при возвращении на берег.

Туре шел быстро, то и дело поглядывая по сторонам. Викинги едва успевали делать затесы на коре. Все шли за ярлом в полном молчании.

Солнце давно уже скрылось за лесами. Умолкли птицы. Над деревьями взошла яркая, полная луна.

Наконец лес кончился, и все увидели

поляну, а на ней храм Иомалы, обнесенный частоколом. Возле храма никого не было. Сторожа, дежурившие вечером, ушли, а смена им еще не явилась. Туре понял, что надо спешить.

Ворота были заперты. Туре зацепил рог секиры за верхний край ограды и стал карабкаться наверх. Рядом то же самое проделал и Карле. Они одновременно перелезли через ограду и, отодвинув засовы, раскрыли тяжелые ворота. Викинги нетерпеливо хлынули внутрь ограды и, увидев статую, остановились в замешательстве. При ярком свете луны Иомала казалась живой...

— Быстрее! — прошипел Хунд. — Вон курган. Идите к нему, снимите куртки, насыпайте в них сокровища. Они смешаны с землей. Много не нагружайтесь! Может быть, нам обратно придется бежать! Рассчитывайте силы!

Викинги бросились к кургану. Туре крикнул вдогонку:

— Истукана не трогайте. Будет беда!

Озираясь и торопясь, викинги руками стали насыпать себе в одежды монеты, перемешанные с землей. Серебра и золота было больше, чем земли, и скоро все нагрузились до отказа. Они забыли совет Туре — брать богатства по силам.

Туре сказал Карле и Гунстейну:

— Теперь вы идите впереди, а за вами остальные. Я пойду последним.

Все отправились к воротам. Туре, задержавшись, подошел к Богине Вод и после минутного колебания взял у нее с колен чашу с серебром. Монеты он высыпал за пазуху, надел ушко чаши себе на руку и пошел к воротам. Карле, заметив, что Туре взял чашу, тоже бросился к статуе. Он увидел на шее Иомалы золотое ожерелье, зашел со спины статуи и метнул свою секиру. Острая сталь рассекла хрупкую цепь, ожерелье упало, но вместе с ним с шумом и треском упала и голова Богини Вод. Карле схватил ожерелье и, спрятав его, бросился догонять товарищей.

И тут совсем близко в лесу затрубили рога, и биармы часто и тревожно забили в бубен. Викинги, сгибаясь под тяжестью награбленного, изо всех сил мчались к берегу. Вскоре над их головами запели стрелы, полетели копья, но никто не был убит или ранен, в темноте биармы не сразу разглядели грабителей.

Викинги бросились на драккары. Канаты были мгновенно перерублены,

весла спущены на воду. Биармы, столпившиеся на берегу с воплями и угрозами, увидели только быстро ускользавшие корабли.

Потрясенные биармы вернулись к обезглавленной Иомале...

Эпилог

Много лет спустя, на пиру у нида-росского ярла собрались старые викинги вспоминать былые походы.

Драккары их бороздили немало морей. Паруса скандинавов в разные годы видели на Фарерах, в Исландии и Гренландии, на материке Северной Америки, в Винланде, в Неаполе, Сицилии. Викинги опустошали берега всех европейских морей, за исключением разве Черного.

Но чаще всего скальды любили рассказывать о походах в Бьярмаланд.

...В просторном зале за пиршественным столом ярл усадил скальда на видное место, чтобы тот поразвлек гостей. Скальд — высокий плечистый старик с полинялой бородой и подслеповатыми глазами — начал сагу о Туре Хунде из Бьярке. Голос старика звучал в наступившей тишине ровно и бесстрастно. Скальд как бы вел слушателей древней рискованной тропой, тропой викингов. Гости внимательно слушали.

Скальд рассказал, как Туре Хунд торговал с биармами, а потом ограбил языческий храм туземцев. Он поведал и о том, что дальше было с Хундом, Карле и Гунстейном.

«...Они плыли днем и ночью, пока Карле не остановился у какого-то острова, — говорил старик. — Тут его настиг Туре и, бросив якорь, направился к Карле. Он сказал ему: «Ты, Карле, обязан мне тем, что не потерял ни одного человека. Продай мне монисто, которое ты снял с истукана».

Карле ответил: «Половина добычи принадлежит королю Олафу. Ожерелье я передам ему. А он, если оно ему не понравится, может продать его тебе».

«Ладно, — сказал Туре. — Выйдем на берег и будем делить добычу».

Карле ответил на это: «Время идет. Пора ехать».

Карле стал сниматься с якоря. Туре отплыл в лодке к себе на корабль. Пока Туре поднимал парус, Карле ушел да-

Послесловие

леко вперед. Хунд стал догонять Карле и настиг его только у Гейрсвера — первой пристани, когда едешь с севера.

Туре вошел в гавань. Карле остался снаружи. Затем Хунд сошел на берег и стал звать ярлов. Оба брата явились к нему. Туре опять стал требовать ожерелье Иомалы. Карле не соглашался его отдать...

Туре сказал Карле: «Отойдем в сторону. Я хочу поговорить с тобой по секрету». Карле увидел в руке Хунда копьё, но все-таки отошел в сторону. Туре метнул копьё и пронзил им Карле насквозь, говоря: «Узнай теперь, Карле, жителя острова Бьярке! Надеюсь, что ты не забыл копьё, которым убит Асбиерн!»

При этих словах скальда гости низко опустили головы, и каждый из них мысленно помянул Карле.

Скальд заговорил опять:

«Карле умер на месте. Гунстейн и его слуги взяли труп и уехали как можно скорее. Туре хотел их преследовать, но когда на его корабле стали поднимать парус, оборвалась бечева. Пока ее заметили, ушло время, и драккар Гунстейна скрылся из виду...»

Туре опять стал догонять корабль Гунстейна. Они шли под парусом и на веслах день и ночь. Затем Гунстейн, видя, что корабль Туре его догоняет, пристал к берегу и бежал внутрь страны....»

А Туре Хунд разграбил корабль Гунстейна, набил его камнями и потопил...»

Скальд помолчал и закончил свой рассказ висой:

Страшно теперь	Воинов кровь
Оглянуться. Смотри!	Окрасила воздух,—
По небу мчатся	Только валькириям
Багровые тучи.	Это воспеть!

* * *

Орвар умер в пути. Могилой его стало море.

Невеста Асмунда Грида напрасно каждый вечер выходила на берег, тщетно смотрела в бурные волны. Ни корабля, ни Асмунда она не дождалась.

Мы, к сожалению, пока еще мало знаем о древних народах, населявших беломорский Север. Ученые свидетельствуют, что в низовьях Северной Двины — в Заволочье — жила народность, названная древнерусскими летописцами чудью заволочской. Скандинавы же именовали эту территорию Биармией, а жителей ее — биармами.

Исследователи считают, что чудь-биармия была разновидностью древних карельских племен.

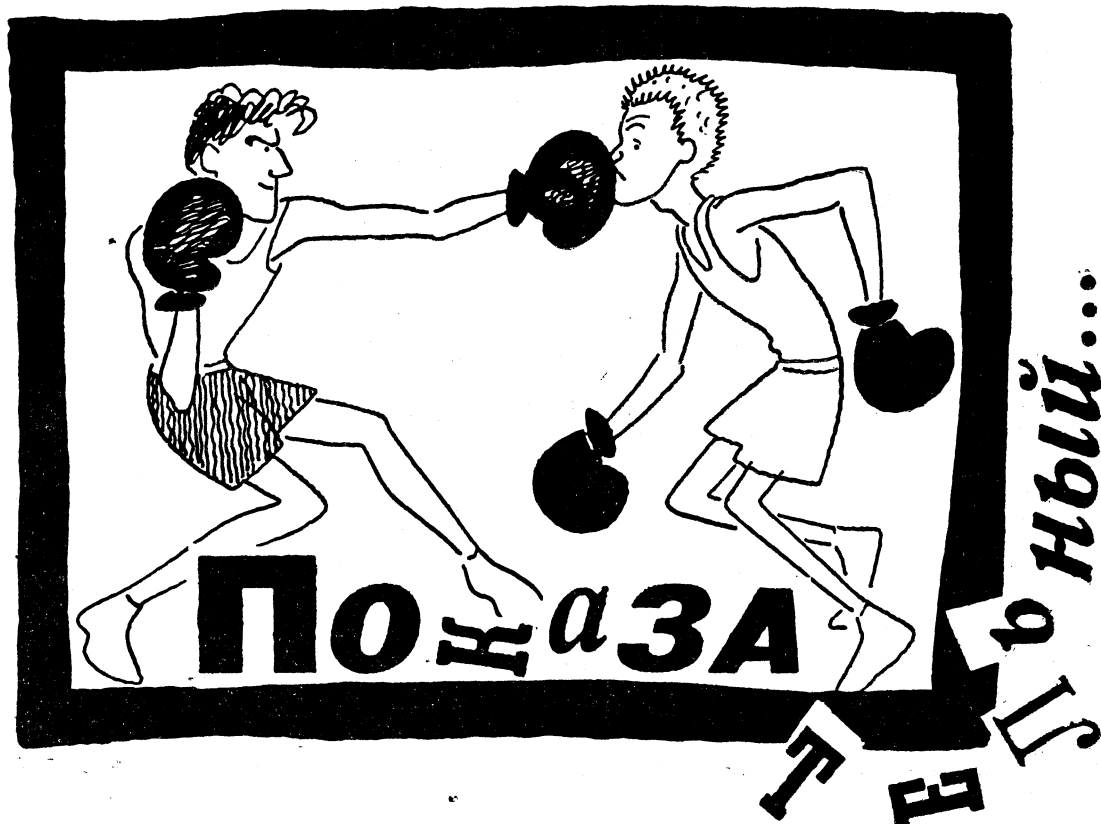
Корабли норманнов-викингов появлялись на Беломорье начиная с IX века, вплоть до укрепления позиций новгородцев, и позже. Около 890 года здесь побывал норманн Отер, между 920 и 930 годом — викинг Эйрик Кровавая Секира, после них — Гаук Ястреб, Одд, Гаральд Заячий Мех, затем братья Карле и Гунстейн и викинг Туре Хунд-Собака.

Сведения об этих походах имеются в древнескандинавском фольклоре — исландских сагах и трудах некоторых русских ученых-этнографов. Насколько они достоверны, судить трудно, но, во всяком случае, наш Север издавна манил к себе иноземцев, в том числе и скандинавских викингов — отважных исследователей, храбрых воинов, купцов и морских разбойников, людей довольно предприимчивых.

Основываясь на данных исторической литературы и фольклоре, автор и написал эту повесть. Он ничего не утверждает как бесспорную истину и ничего не опровергает. Он рисует биармов такими, какими он себе их представляет.

Корабли норманнов приходили на Беломорье и после того, как в Норвегии утвердилась королевская власть и эпоха викингов, по существу, закончилась. Набеги иноземцев на Беломорский Север стали прекращаться, затухать с усилением русского государства, с освоением земель и богатств Беломорья и Придвинья русскими людьми.

К О Н Е Ц

Еще раз напоминаю, бой показательный,— сказал тренер.— Что такое показательный? Расшифровываю. Противники имитируют отдельные удары и комбинации, не нанося друг другу фактического ущерба. Короче, встреча товарищеская. Ее внешняя цель — продемонстрировать технику и пощекотать нервы зрителям. Ее высокое, так сказать, назначение — популяризировать бокс, как вид спорта, и привлечь в нашу секцию свежие силы первокурсников.

Тренер у нас был теоретик. Любил пофилософствовать.

Мы с Борькой договорились проще.

— Кинем показуху,— сказал он.— Не будем уродоваться.

— Симилируем,— кивнул я.

— Да,— вспомнил Борька.— Ты свой коронный проведи пару раз. Понарошке. На него клюнут. А я свой проведу.

И мы пошли переодеваться.

Спортивный вечер подходил к концу. На сцене растянули ринг. Тренер вышел на авансцену и объяснил, что направо,

дескать, боксер такой-то, а налево — такой-то.

Я поклонился и незаметно скорчил Борьке рожу. Борька раскланялся и незаметно показал мне язык.

Затем прозвучал гонг, и мы сошлись на середине.

Я сделал несколько обманных движений и красиво помахал кулаками перед Борькиным носом.

Он отпрыгнул в сторону и слегка толкнул меня в плечо.

Я помог себе пяткой и эффектно отлетел на канаты.

— Ах-ах! — дружно выдохнул зал.

Тогда я тигром кинулся на Борьку и классически провел коронный. Борька очень правдоподобно растянулся на ковре.

— Раз! Два! Три! Четыре!.. — махал рукой тренер.

На счете «пять» Борька шевельнулся, приподнял голову и снова уронил.

«Ух, как имитирует, собака! — подумал я. — Артист!»

— Восемь! — крикнул тренер, и

Борька встал на дрожащие ноги.

Я опять метнулся к нему, делая вид, что хочу добить. Борька испуганно ша-рахнулся в угол.

— Молодец!—шепнул я и затеял длинную комбинацию, со свистом рас-секая воздух над Борькиными ушами.

И тут он неожиданно провел свой коронный. У меня перехватило дыхание. А подлец Борька, не заметив оплошно-сти, ловко влепил мне под глаз и еще в челюсть.

Я повис на канатах уже всерьез.

В это время, слава богу, ударил гонг, и первый раунд кончился.

Тренер театрально развел руки, от-страняя нас друг от друга, и галантно раскланялся. На лице его расплылась широчайшая улыбка балаганного зазы-валы.

Борька плюхнулся на табуретку в углу и что-то зашипел на ухо секун-данту.

«Ах, змей!—думал я в перерыве, сморкаясь и отплеываясь.— Ну, погоди же! Я тебе устрою «для вида»! Я тебе покажу «не будем уродоваться»!

И как только мы опять вышли на се-редину, я старательно прицелился и рас-плющил Борьке нос.

Борька, обезумев, полез в ближ-ний бой.

— Ты что?!—прохрипел он и своро-тил мне скулу.

— А ты что?!—ответил я и влепил ему под ложечку.

Борька коротко вякнул и опроки-нулся в объятия тренера.

— Брэк!!—ошалело закричал тренер, втискиваясь между нами. Но было уже поздно.

Когда закончился раунд, мы не слы-шали.

Мы яростно катались по рингу, рыча и кусая друг друга за перчатки...

* * *

Как мне рассказали после, публика была в диком восторге. Но записываться в секцию никто из первокурсников по-чему-то так и не пришел.

С тех пор я больше не «кидаю по-казуху».

Николай САМОХИН

ЗАГАДКА исчезнувшей РУКОПИСИ

ПИСЬМО ПОЭТУ

Три десятка лет тому назад в Архиве Пушкинского дома Академии наук СССР нашли неизвестное письмо веко-вой давности. На небольшом листке было ак-курратно выведено:

«Милостивый государь Александр Сергеевич. Один из здешних литераторов, будучи у меня в квартире, прочитал писанное мной для себя введение в историческое обозрение российских владений в Америке и, не зная почему одобряя его, советовал напечатать в Вашем или другом журнале, принимая на себя труд передать мою рукопись. Не привыкши к посредничеству, я ре-шил представить Вам, милостивый государь, эту записку и, если Вы удостоите ее прочесть и най-дете достойною поместить в Вашем журнале, тогда предоставляю ее в Ваше полное распоря-жение с покорнейшею просьбою поправить неис-правный слог человека, не готовившегося быть писателем и почти полудикаря. Если бы случи-лось, что некоторые мысли мои будут противны Вашим, тогда их можно уничтожить; но буде Вам угодно будет на что-либо пояснения, тогда по первой повестке за особенную честь себе по-ставляю явиться к Вам, или куда назначите, для ответа.

Извините меня, милостивый государь, что ос-мелился беспокоить Вас вызовом моим с пред-ставлением ничтожного маранья. Мое дело было и есть удивляться Вашим образцовым произведе-ниям, с которыми ознакомился, проживая в Но-вом Свете, и которые обязали меня быть к Вам всегда с полным уважением и преданностью, ми-лостивый государь, покорнейшим слугой, Кирилл Хлебников.

Января 7 дня 1837 года».

Послание это, адресованное, как нетрудно догадаться, А. С. Пушкину, издателю и редак-тору журнала «Современник», принадлежало отважному путешественнику К. Т. Хлебникову, который, возвратившись незадолго до того из Северной Америки, где он провел многие годы, жил в Петербурге.

Кирилл Тимофеевич Хлебников (1780—1838) — знаменитый исследователь и писа-тель, «летописец Русской Америки», под ко-нец жизни избранный членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Уроженец Кунгура, 20 лет он покинул родину и, объ-ехав Сибирь, отправился в русские владения в Америке. Его жизнь и многочисленные путе-шествия полны приключений. Только по морям он проделал огромный путь в 115 ты-сяч миль. С 1833 года был правите-

лём дел Россійско-Американской компании, а затем ее директором. Он автор научных трудов по истории, географии, этнографии, статистике, в большинстве оставшихся неопубликованными.

Не удивительно, что сочинителю рекомендовали обратиться именно в редакцию журнала «Современник», в те годы проявлявшую заметный интерес к американским проблемам. Да и издателя его, конечно, заинтересовала бы составленная знатоком работа об Америке и о русских поселениях. Ведь Пушкин первым в России в свое время переложил на русский язык одно из стихотворений бразильца Антонио Гонзаги.

Статья не появилась на страницах «Современника». Через три с небольшим недели Пушкин погиб. Наверное, он не успел предпринять что-либо для ее напечатания. Тем не менее работа вместе с приведенным письмом была передана поэту и, надо полагать, в последние дни жизни он познакомился с нею.

Но о какой же рукописи шла речь? До сих пор на этот счет существовали только догадки...

СУДЬБА ТРУДОВ ЛЕТОПИСЦА ИЗ КУНГУРА

Известному литературоведу Л. В. Модзалевскому, обнаружившему письмо, не удалось отыскать статьи Хлебникова под названием: «Введение в историческое обозре-

ние Россійских владений в Америке» и он предположил, что это была та самая работа, которую в 1861 году нашел у букиниста и опубликовал писатель А. П. Соколов, как отмечали, на книжный рынок она попала от наследников бывшего директора Россійско-Американской компании И. В. Прокофьева. Но это была всего лишь гипотеза, документальными подтверждениями которой, к сожалению, никто не располагал. К тому же, некоторые обстоятельства заставляли усомниться в ней.

Если даже бегло перелистать опубликованную работу, то прежде всего возникнет вопрос: как мог Хлебников в письме Пушкину назвать этот труд, объемом более 10 печатных листов, «запиской»? И тем более «Введением в историческое обозрение», когда в нем уже последовательно излагались эпизоды этой истории. Непонятно и высказанное в письме сомнение по поводу мыслей, которые в крайнем случае «можно уничтожить». Поэтому надо думать, путешественник предлагал Пушкину какую-то другую рукопись, затерявшуюся позднее среди многочисленных бумаг в архиве автора.

Еще первый биограф Хлебникова, писатель Н. А. Полевой, говорил, что «вероятно, в бумагах его найдется много любопытного и неизвестного» и добавлял: «Мы видели у него богатые запасы сведений по истории Русской Америки и русских путешествий, которых не находил он времени привести в порядок». Тот же Полевой в одной из заметок объяснил то, что большинство работ летописца Америки осталось неопубликованным, его чрезвычайной

Милостивый Государь.

Александр Сергеевич.

*Судя из Сведения Литературовед Кунгура у меня вкрат-
чур, прочитав писанное мною для себя введение во историю
и описание Россійских владений в Америке, и весьма похвалу
оценок его, советовал написать от Василь или Дружин.
записка, пришел на себя труд передать мою рукопись.
Не привожу к посредничеству, и решился представить Вам.
Милостивый Государь эту записку и если Вы удостоит
ее прочесть и увидит достоинство написанной в Василь,
лучше всего представить в в Василь полное распоря-*

скромностью, которая «была такова, что он уступал только самой неотступной просьбе друзей и сам никогда не хотел ничего печатать».

В переписке двух прославленных ученых и мореплавателей Ф. П. Литке и Ф. П. Врангеля есть несколько замечаний, наводящих на мысль, что были и еще какие-то скрытые причины этого. Посетив летом 1827 года Ново-Архангельск, Литке познакомился с восхитившими его историческими записками Хлебникова и использовал их в книге о своем путешествии. Через пять лет ученый прислал свою рукопись в Петербург. Литке, взявшийся содействовать ее публикации, натолкнулся на серьезные препятствия. В письме Врангелю на Ситху он сообщал: «Прекрасные записки Хлебникова лежат под спудом под тем предлогом, что без автора издать их неловко. А посмотришь, придет автор, то ему даже попретятствуют». Он высоко ценил эти труды, но, видимо, в них были какие-то мысли, малоудобные властям, или же сказалось то, что когда-то имя автора фигурировало в «Алфавите декабристов». Иначе трудно истолковать смысл этих строк. В следующем письме Литке к Врангелю читаем: «Записки Хлебникова я отдал переписать; еще не знаю, что с ними буду делать». После смерти Хлебникова рукопись оказалась у Врангеля, который так же безуспешно пытался ее издать. Этими материалами пользовался крупнейший русский биолог К. М. Вэр, что еще раз подчеркивает их научную значимость.

ЗАМЫСЕЛ УНИКАЛЬНОЙ КНИГИ

До наших дней исторические труды Хлебникова дошли почти исключительно в рукописном виде. Они рассеяны по архивам и библиотекам Перми и Ленинграда, Москвы и Тарту, да и многих других городов. О ценности этих документов не раз говорилось в печати.

Можно прийти к заключению, что, возвращаясь из-за океана, Хлебников собрался завершить и обработать свой труд, который скромно назвал «Записками о колониях в Америке Российско-Американской компании».

Книга должна была включать шесть объемистых частей в таком порядке: первая представляла собой историю порта Новоархангельск на Ситхе, вторая была посвящена острову Кадьяк, третья — истории Уналашки, четвертая — описанию Андреяновских, Крыских, Беринговых островов и Атхи, в пятой рассказывалось об островах Прибылова, редуте св. Михаила, острове Матвея и части Северной Америки и, наконец, в последней речь шла об истории русского селения Росс в Калифорнии.

Автор охотно давал читать эти разделы своим друзьям-литераторам, для чего неоднократно снимал копии, без устали дополнял и редактировал текст. Возможно, этим и объясняется обилие его разрозненных рукописей с одним и тем же названием в наших архивах.

В Архиве Ленинградского отделения Института истории сохранились все, кроме второй, части книги. Первая и последняя, по-ви-

димому, в копиях, и были найдены А. П. Соколовым.

«Введение», посланное Хлебниковым А. С. Пушкину, скорее всего представляло небольшую статью, которая должна была служить чем-то вроде предисловия к многому труду о Русской Америке.

В ПОИСКАХ РУКОПИСИ, ПОСЛАННОЙ ПУШКИНУ

Вот перед нами еще один забытый манускрипт путешественника, на этот раз из архива Академии наук в Ленинграде. Это переплетенный том, где собрано несколько рукописных материалов.

Первая из статей — «Статистические сведения о колониях Российско-Американской компании», как довелось установить, была в 1834 году опубликована без подписи сочинителя в петербургской «Коммерческой газете». За ней следует «Прибавление». Мы находим здесь любопытные наблюдения о тогдашних коренных обитателях Русской Америки, описание обычаев алеутов и эскимосов, интересные лингвистические заметки. В томе обнаружилась и недостававшая вторая часть «Записок», о которых уже шла речь, озаглавленная: «Кадьяк с подведомственными местами».

«Оглавлению» части предшествуют 5 листов. Они не могут не привлечь нашего внимания. Эти страницы, в отличие от остальных, написаны ровным каллиграфическим почерком, в конце подпись автора. Вверху крупный заголовок: «Введение». За этим вступительным разделом, судя по общему названию фолианта, выраврованному на обложке, должно было идти «Историческое обозрение Российских владений в Северо-Западной Америке и по островам Алеутским».

Прочитав «Введение», убеждаешься в том, что, вероятно, эту рукопись и направлял Хлебников Пушкину за несколько дней до смерти поэта!

В найденной статье Хлебникова, человека, в общем, умеренных взглядов, вырисовываются две смысловые линии — резкая объективная критика европейского колониализма в Испанской и Португальской Америке и двойственное отношение к колониальной политике России, то есть, с одной стороны, указание на вынужденную жестокость русских завоеваний, а с другой, подчеркивание их сравнительной гуманности.

Очевидно, «Введение» и следующее за ним историческое описание Кадьяка серьезно готовились к печати, хотя опубликованы не были (может быть, из-за смерти А. С. Пушкина). Об этом говорят пометки рукой неизвестного рецензента на полях рукописи.

Предисловие к капитальному историческому труду о владениях России в Америке, принадлежавшее перу самобытного ученого, замечательного сына Урала, отчасти раскрывает общий замысел и направленность задуманной книги. Кроме того, оно является интересным документом, характеризующим воззрения одного из современников великого поэта.

Борис ЛУКИН, действительный член
Географического общества СССР

В НОМЕРЕ:

ГЛАЗА МОРЯ. Муса Гали. Стихотворения	1
РАЗВЕДЧИКИ. Е. Паршина. Воспоминания	4
ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ	18
С ЭТЮДНИКОМ ПО ЧУСОВОЙ. В. Трясцын	21
СЕРЕБРЯНЫЙ СНЕГ. П. Владимиров	22
ЛЕД, ЛЕД, ЛЕД. Лев Сорокин. Рассказы полярника.	24
СТАРШИЙ БРАТ. Евгений Рыбников. Рассказ	30
ТРУЖЕНИК РЕВОЛЮЦИИ. М. Букина и Ю. Постнов.	32
В ГОРАХ ДИВЬЕЙ ПЕЩЕРЫ. М. Заплатин.	38
СЕЙСМИКИ. А. Гайвин. Очерк	40
БЕЛУХИ В ОЗЕРЕ. Евг. Бутин	43
ПОЧЕТНАЯ ПРОФЕССИЯ. Н. Мезенин	44
ЧТО БЫЛО В СТАРОЙ ШТОЛЬНЕ? А. Мальцев	45
ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА. И. Яныгин	46
ГРИБНАЯ СКАЗКА. И. Смирнов. Стихотворение	47
БРОШЮРА-ДВОЙНИК. Арк. Коровин	48
ДНЕВНИК ИЗ СЕЙФА. Андрей Татарский. Приключенческая повесть	49
ЛЕСНЫЕ ЗНАКОМСТВА. Э. Хакимов	66
ОЖЕРЕЛЬЕ ИОМАЛЫ. Евгений Богданов. Повесть-легенда. Окончание	67
ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ. Николай Самохин. Юмореска	76
ЗАГАДКА ИСЧЕЗНУВШЕЙ РУКОПИСИ. Борис Лукин.	77

ОБЛОЖКА НИКОЛАЯ МООСА.

В 1967 ГОДУ

В журнале «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

будут опубликованы

повесть Василия НИКОНОВА «САБЛЯ ЛАЗО» о гражданской войне в Забайкалье и о судьбе трех подростков, помогавших партизанам;

повесть Бориса КОПАЛЫГИНА «ЛЕДОВЫЕ ПИРСЫ» о моряках-дальневосточниках, о трудных рейсах и крепкой дружбе;

документальная повесть Якова РЕЗНИКА «ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ», посвященная первому чекисту Урала Я. М. Юровскому;

приключенческие романы Вадима ОЧЕРЕТИНА «КАМАРАДО ИВАН» и Михаила ЗУЕВА-ОРДЫНЦА «СКАЗАНИЕ О ГРАДЕ НОВО-КИТЕЖЕ»;

«СОКРОВИЩА ПРИКАМЬЯ» — рассказ А. ПОХОДОВА о Пермской картинной галерее;

«СВЕРДЛОВСК — КАЛУГА», история переписки уральских пионеров с К. Э. ЦИЛКОВСКИМ;

фантастические рассказы Г. Альтова, Е. Войскунского и И. Лукодянова, С. Гансовского, В. Крапивина.

Технический редактор
Э. Максимова

Рукописи
не возвращаются.

Корректор
В. Бурягулова

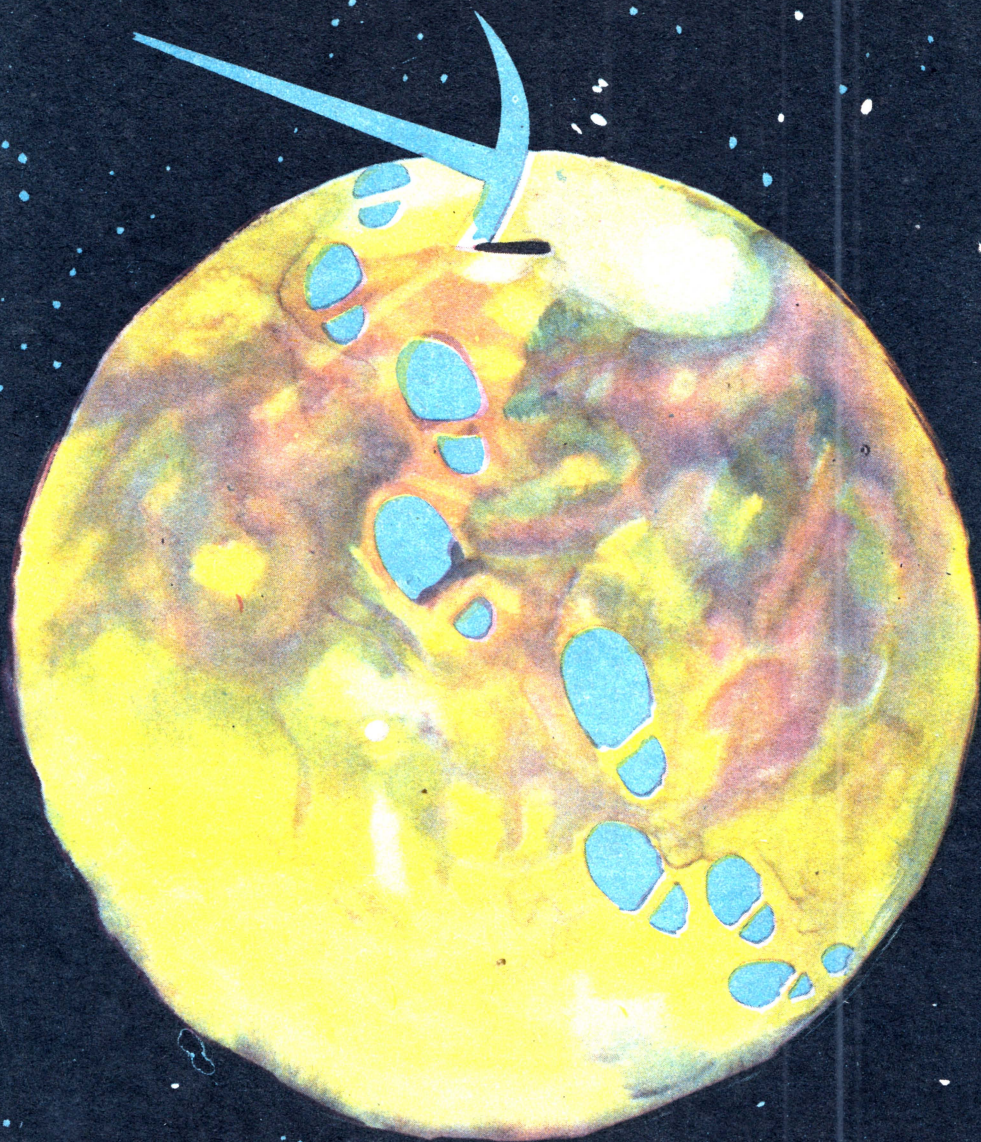
Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.

Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01, редактора. Д8-04-49, производ. отдел.

Средне-Уральское Книжное Издательство.

Подписано к печати 15/VIII 1966 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум л.—8,61 печ. л. Уч-изд л. 10,44.
НС 25258. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 521.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКИЙ
Следопыт

30 коп.

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ.
Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, МУСА ГАЛИ,
В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН,
А. МАЛАХОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора),
Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ.